

25

президентов

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ

В.С.Родиченко

25

президентов

Международное сотрудничество
в организации соревнований Олимпиады-80

МОСКВА
ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ
1984

ББК 75.4
Р60

Рецензенты — А. А. Козловский, Б. Н. Хавин

Родиченко В. С.

Р60 25 президентов.: Международное сотрудничество в организации соревнований Олимпиады-80. — М.: Физкультура и спорт, 1984. — 168 с.

Книга в форме литературного очерка рассказывает о успешном сотрудничестве Оргкомитета «Олимпиада-80» с международными спортивными федерациями по летним олимпийским видам спорта в ходе подготовки и проведения соревнований Игр XXII Олимпиады.

Р 4201010000—115 без объявл.
009(01)—84

ББК 75.4
7А.02

Владимир Сергеевич Родиченко

25 ПРЕЗИДЕНТОВ

Заведующий редакцией В. Л. Штейнбах

Редактор Т. В. Зубова

Художник А. Н. Ковалев

Художественный редактор Е. С. Пермяков

Технический редактор Т. Ф. Евсенина

Корректор В. А. Шашкова

ИБ № 1343. Сдано в набор 29.06.83. Подписано к печати 22.12.83. А03304. Формат 84 × 108 / 32. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Таймс». Высокая печать. Усл. п. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 10,50. Уч.-изд. л. 9,65. Тираж 50 000 экз. Издат. № 6784. Зак. 490. Цена 70 коп.

Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 101421, Москва, Каляевская ул., 27.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

© Издательство «Физкультура и спорт», 1984 г.

ОТ АВТОРА

Сегодня, когда с момента завершения незабываемого события международной спортивной жизни — Игр XXII Олимпиады в Москве прошло столько месяцев другой, полной иными событиями жизни, все же не перестаешь мысленно постоянно возвращаться к ним. Но не только и не столько к стремительным двум неделям олимпийского круговорота, сколько к пяти с половиной годам, предва-рявшим олимпийские состязания, двум тысячам трудовых дней, заложивших основу их невиданного успеха.

Воспоминания эти далеки от праздного и бесполезного смакования прошлых, хотя и поныне глубоко волнующих, ситуаций. Опыт такого масштабного международного события, как олимпийские игры, далеко вырывается из узких ведомственных рамок так называемого спортивного мероприя-тия. Он становится частью мудрого опыта общения между собой десятков народов, стремящихся вот уже скоро сорок лет жить в мире и согласии друг с другом, избегая ужасов мировой войны. Вот эта сторона олимпийского опыта представляется ныне наиболее ценной и весомой, близкой всем и каждому. Ныне тем, кто хочет понять суть вещей, ясно, что для международного спортивного движения безоговорочно новым этапом развития стал период подго-товки к тому событию мировой общественной жизни — Играм XXII Олимпиады, которое в 1980 году собрало на аренах спортивной борьбы тысячи лучших спортсменов нашей планеты.

И да простят меня умудренные опытом корифеи современного олимпийского движения, руководители Меж-дународного олимпийского комитета, если для краткой иллюстрации международного характера олимпийских игр и признания их роли в нынешнем беспокойном мире сначала будут привлечены не проверенные десятилетиями строки Олимпийской хартии, а совсем недавний документ, ставший тем не менее едва ли не самым совершенным произведением мировой дипломатической практики. Для всемирного утвер-ждения социальной роли спортивных соревнований трудно придумать что-либо более конкретное, чем строки Заключи-

тельного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Хельсинки в 1975 году: «В целях расширения существующих связей и сотрудничества в области спорта государства-участники будут поощрять соответствующие контакты и обмены, включая спортивные встречи и соревнования всех видов, проводимые на основе общепринятых международных правил, положений и практики».

Сегодня уже никого не надо убеждать, что советский народ рассматривал Олимпийские игры в Москве не только как крупнейшие международные спортивные соревнования, а прежде всего как возможность собраться вместе представителям большинства стран мира, как новый пласт контактов между людьми разных политических взглядов, образа жизни, вероисповедания, как наш очередной добровольный и щедрый взнос в укрепление мира, развитие взаимопонимания и дружбы между народами, процесс материализации разрядки международной напряженности.

Именно с этой высокой точки зрения следует сегодня вглядываться и в то, что происходило в 1980 году в Москве, Таллине, Ленинграде, Киеве, Минске — на их олимпийских территориях, и, что еще существеннее, на непростые будни, что предшествовали олимпийскому празднику на нашей земле.

Но в этой книге речь пойдет не о контактах спортсменов, их стартах и финишах, их взаимоотношениях на спортивных аренах и в Олимпийской деревне. Речь пойдет о другом, не менее значительном олимпийском феномене, о том, как работали бок о бок организаторы спортивных соревнований Игр, представлявшие десятки стран и народов.

Когда задумываешься о причинах грандиозного успеха собственно спортивных соревнований Игр XXII Олимпиады, усматриваешь разные основания этого успеха: такие, например, как использование громадного организационного, технического и творческого потенциала страны, как долгосрочное планирование, заблаговременный обоснованный подбор кадров для подготовки Игр и их проведения и многое другое.

Но, пожалуй, один из наиболее существенных камней, который сегодня ясно виден в фундаменте успеха, — то, что подготовка и осуществление спортивной программы Игр XXII Олимпиады стали одним из ярких и убедительных примеров широкого, многостороннего и потому плодотворного международного сотрудничества десятков организаций, сотен и тысяч людей, преданных идее международного сотрудничества в спорте.

Интернациональный характер подготовки к проведению олимпийских спортивных соревнований определяется прежде всего тем, что в соответствии с духом и буквой Олимпийской хартии соревнование по виду спорта на Играх проводится своеобразной триадой, составляющими которой являются Международный олимпийский комитет, международная спортивная федерация и соответствующий руководящий орган, создаваемый в стране проведения Игр.

Со стороны МОК большое внимание организации соревнований уделяли бывший президент лорд Килланин и директор Моник Берлю. Трудно переоценить их роль в таких вопросах организации олимпийских игр, как общее руководство по линии МОК, обеспечение взаимодействия и сотрудничества с национальными олимпийскими комитетами. Международное сотрудничество в области организации и проведения олимпийских соревнований было бы далеко не полным без сотрудничества по этому направлению между советскими организаторами Игр и национальными олимпийскими комитетами. На разных этапах подготовки это сотрудничество принимало различные, актуальные для данного периода формы, о которых читателю еще предстоит узнать.

Что же касается собственно организации спортивных соревнований и взаимодействия с международными федерациями, то главным лицом, координировавшим эту работу от имени МОК, являлся один из известнейших деятелей мирового спортивного движения председатель комиссии МОК по программе Арпад Чанади, назначенный в 1977 году почетным техническим советником МОК после смерти технического директора Генри Бэнкса, который тоже много сделал для успеха Игр.

Наиболее объемным направлением международного сотрудничества Организационного комитета Олимпийских игр и национальных федераций СССР по видам спорта, объединенных Олимпийским комитетом СССР, было сотрудничество с двадцатью одной международной спортивной федерацией по летним олимпийским видам спорта, которому и посвящается эта книга.

В ней попытка рассказать о сотрудничестве между рабочим аппаратом Организационного комитета «Олимпиада-80», в частности его Управления спортивных программ, и руководством 21 международной спортивной федерации по летним олимпийским видам спорта.

Международная спортивная федерация по виду спорта — это далеко не объединение единомышленников. Достаточно

побывать на одном конгрессе одной федерации, чтобы убедиться в существовании глубоких противоречий и постоянной внутренней борьбы между отдельными «крыльями», группами и просто руководителями, хотя есть и сторона другая — сотрудничество в организации соревнований, почти всеобъемлющая борьба за демократизацию международной спортивной жизни, ставшая определяющим ее признаком в последние десятилетия.

Говоря о руководстве международной спортивной федерации, с которым мы сотрудничали, подразумеваем президента федерации, ее генерального секретаря, а также двух, иногда трех технических делегатов, которые в соответствии с Олимпийской хартией были назначены федерацией для взаимодействия с нами на том или ином этапе подготовки к Московским играм.

Автору, назначенному начальником Управления спортивных программ Оргкомитета «Олимпиада-80» в первые недели после его создания, довелось на протяжении более чем пятилетнего периода подготовки и проведения Игр многократно встречаться и обсуждать проблемы подготовки к Играм с двадцатью пятью президентами международных спортивных федераций (в ходе подготовки к Играм часть президентов была переизбрана), с генеральными секретарями федераций и их техническими делегатами.

И вот еще где-то при пересечении экватора многолетнего периода подготовки олимпийских соревнований возникло ощущение обязательности того, что этот единственный в своем роде опыт систематического общения с руководителями мирового спорта не должен остаться лишь опытом одного коллектива.

Об этой стороне подготовки и проведения Игр, интерес к которым не угасает и поныне, и хотелось рассказать читателю. И не в форме методических материалов, которые, бесспорно, также представляют бесценный интерес для дальнейшего развития нашего и мирового спорта, — рассказать с позиции личного общения, личного опыта, многолетнего сотрудничества.

Название, которое читатель нашел на обложке, разумеется, не охватывает всю тематику книги. Речь, повторяю, пойдет о сотрудничестве с 21 федерацией и с руководителями штаб-квартиры МОК по проблемам, касавшимся собственно олимпийских спортивных соревнований. Сотрудничество это далеко не всегда было гладким и безмятежным. Трудно представить себе полное единодушие в таком сложном, неоднозначном вопросе, и немало

руководителей федераций на том или ином этапе подготовки Игр стремились навязать свою точку зрения, не совпадающую с интересами Олимпиады — как мы их понимали — и с интересами советских организаторов Игр, ответственных перед своим народом и перед мировым спортивным сообществом. Но каждый раз удавалось найти приемлемое решение. Даже если порой компромисс не во всем соответствовал нашим первоначальным желаниям.

Богатство биографий, характеров, разнообразие общественного положения, которое характерно для 25 президентов, равно, как и их в большинстве случаев непрекращаемый авторитет в федерациях, убеждали с самых первых дней работы в том, что в сотрудничестве с ними следует искать объединяющее нас всех начало. И оно было найдено: общая ответственность перед спортсменами мира за создание в Москве максимально благоприятных условий для проведения олимпийских соревнований. Это начало объединило с нами таких разных людей, как ветеран второй мировой войны Адриан Паулен из Нидерландов, швейцарский бизнесмен Томас Келлер, отставной полковник армии США Дональд Халл, общественный деятель Франции Шарль де Кокремон, супруг королевы Великобритании принц Филип, бывший министр Франции Пьер Ферри, японский общественный деятель Сигейоси Мацумае, шведский генерал в отставке Свен Тоффельт, итальянский архитектор Франческо Некки-Русконе, виднейшие деятели мирового спорта бразилец Жоао Авеланж, француз Поль Либо, австриец Готфрид Шедль, швед Пауль Хегберг, мексиканец Олегарио Васкес, Милан Эрцеган из Югославии, итальянец Беппе Кроче и другие десятки известнейших всему спортивному миру генеральных секретарей федераций и их технических делегатов на Играх XXII Олимпиады.

Постоянными добрыми советчиками и единомышленниками были, разумеется, и президенты международных федераций Николай Александрович Никифоров-Денисов и Юрий Евлампиевич Титов.

Разумеется, разным федерациям свойственна и различная доля участия в Играх и их подготовке — такова специфика и самих видов спорта, и олимпийской программы. Поэтому и в нашей книге представлены они далеко не одинаково. Кроме того, мозаика наших взаимоотношений не всегда легко вписывается в прокрустово ложе книжного объема.

Книга состоит из двух частей. Часть первая, относительно короткая, «Программа программ» служит, по

существо, расширенным введением к основной, второй части. «Программа программ» — рассказ об отдельных сторонах подготовки и проведения олимпийских соревнований в Москве, общих для всех видов спорта: планировании и организации состязаний, выборе их сроков, принципах формирования их программы, обеспечении олимпийских соревнований спортивным оборудованием и инвентарем, подготовке спортивных судей. Здесь же читатель найдет и рассказ о том, как закладывались и реализовывались основы сотрудничества советских организаторов спортивной программы Игр с зарубежными руководителями спортивного движения и нашими предшественниками — организаторами уже проведенных олимпийских состязаний.

Название второй части не случайно повторяет название всей книги — здесь рассказ о сотрудничестве с каждой из международных спортивных федераций по летним олимпийским видам спорта.

Автору показалось, что наиболее оправданной будет такая структура повествования, когда рассказы о наших встречах и работе с каждой из 21 федераций предстанут перед читателем в той последовательности, в которой на протяжении реальной хронологии подготовки к Играм перед нами предстал главный момент нашего сотрудничества — он не обязательно был эпизодом, символизировавшим полное единство взглядов. Но его разрешение, финал всегда были шагом вперед на пути к Играм.

Сразу следует оговорить, что в этой книге читатель, естественно, не найдет всего многообразия сторон подготовки к Играм, таких, как строительство, связь, транспорт, Олимпийская деревня и другие.

По моему глубочайшему убеждению, едва ли не каждое из двух десятков направлений деятельности Оргкомитета «Олимпиада-80» заслуживает отдельных больших публикаций. И каждое из управлений Оргкомитета может по праву считать своим тот успех в подготовке и проведении Игр, который сегодня признан всем международным спортивным сообществом.

Разумеется, в первую очередь этот успех принадлежит рабочим, инженерам, техникам, работникам сферы обслуживания, руководителям десятков и сотен предприятий и организаций, создавшим объединенную и сложную, соответствующую самым высшим мировым стандартам материально-техническую базу Московских игр и обеспечивавшим традиционное, присущее нашему народу гостеприимство. Нет никакого сомнения в том, что наиболее выразительная

черта неповторимого облика нашей Олимпиады — это уникальные спроектированные, построенные, реконструированные в короткие сроки спортивные объекты, гостиницы, технические сооружения и системы Москвы, Таллина, Ленинграда, Киева и Минска.

Но недостаточно было только построить лучшую в истории Олимпийскую деревню — необходим был заинтересованный труд тысяч людей, чтобы создать в ней тот максимум удобств для спортсменов, за который они были так благодарны.

Создание материально-технической базы Олимпийских игр на столь высоком уровне было бы невозможно без успешного выполнения экономической программы Оргкомитета.

Широчайший резонанс Московских игр во всем мире был обеспечен эффективной пропагандистской работой и добросовестной деятельностью по созданию необходимых условий для работы тысяч аккредитованных в Москве журналистов.

Общественный порядок и организованность — неотъемлемые черты нашей Олимпиады — явились итогом квалифицированной и уверенной работы на этом важном участке обеспечения Игр.

Признанием настойчивой многолетней творческой работы создателей незабываемых праздников открытия и закрытия Олимпиады стали восторг и восхищение сотен миллионов людей во всем мире.

И далеко не последнюю роль сыграла внешне неприметная деятельность тех специалистов, которые планировали, организовывали, координировали и контролировали взаимодействие всех подразделений и служб Оргкомитета.

Но, повторяю, эта книга посвящена лишь одному слагаемому из всей почти неисчислимой суммы олимпийского труда, которым было выстроено здание нашей Олимпиады, — сотрудничеству с международными спортивными федерациями в области организации и проведения соревнований.

На этом фронте бок о бок с Управлением спортивных программ работали специалисты Международного управления, протокольной и переводческой служб. Им и всем остальным нашим сотоварищам в Оргкомитете, спортивных и других организациях сердечная благодарность за сотрудничество, которую просили передать бывшие сотрудники Управления спортивных программ.

Конечно, мы не могли отказать себе в удовольствии поместить здесь и отзывы героев книги о проведении олимпийских состязаний, тем более ценные, что это мнение высших мировых авторитетов в своем виде спорта.

Хотел бы высказать в этом предисловии искреннюю благодарность многим, кто помогал мне в подготовке книги, и в первую очередь взыскательным, но доброжелательным рецензентам А. А. Козловскому, Б. Н. Хавину, а также Е. А. Маслову, бывшему сотруднику Управления спортивных программ Оргкомитета, работавшему в коллективе с первого дня его создания. Он уделил немало своего личного времени технической работе по подготовке рукописи.

И последнее: может быть, читателю покажется чрезмерно обильным перечисление имен и фамилий советских организаторов олимпийских соревнований. Но это мой долг перед теми, кто посвятил значительный период своей жизни делу, которое многие из них считали важнейшим делом жизни, поскольку в нем сконцентрировался весь их накопленный за многие годы спортивной работы опыт, вся их преданность спорту — этому существенному явлению современной общественной жизни.

ЦЕЛЬ, ПЛАНЫ, ВОПЛОЩЕНИЕ

23 октября 1974 года в Вене 75-я сессия Международного олимпийского комитета предоставила городу Москве право провести в 1980 году Игры XXII Олимпиады. Подготовительный комитет по выдвижению Москвы в качестве кандидата на проведение очередной Олимпиады совместно со специалистами Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР, Моссовета, Олимпийского комитета СССР, советских федераций по видам спорта, ряда министерств и ведомств представил членам МОК убедительные материалы, всесторонне продемонстрировавшие возможности Москвы для проведения Олимпийских игр.

Это событие стало долгожданным, радостным праздником и для миллионов любителей спорта в нашей стране, и для десятков тысяч спортивных работников. А потом на смену празднику пришли рабочие предолимпийские будни, начавшиеся с организации работы, подбора кадров, планирования.

В марте 1975 года был создан Организационный комитет Олимпийских игр 1980 года. В соответствии со статьей 51 Олимпийских правил Олимпийский комитет СССР передал Оргкомитету «Олимпиада-80» свои функции по подготовке и проведению Игр XXII Олимпиады.

Историки олимпийского движения тут же отметили, что еще никогда Оргкомитет Игр не был столь представительным, способным самостоятельно решать материально-технические, организационные и иные многочисленные проблемы, связанные с подготовкой и проведением самых крупных в мире спортивных состязаний. Уже при создании Оргкомитета в его первом составе (в дальнейшем он несколько раз дополнялся) было 26 человек в ранге министров или их заместителей. По одному составу Оргкомитета можно было понять, что при подготовке к Играм будет в максимальной степени использован организационный, технический и творческий потенциал государства.

В мае 1975 года началась разработка долговременных планов подготовки к проведению олимпийских соревнований. Эта работа была составной частью всей планирующей деятельности Оргкомитета, включавшей и остальные направления его работы — организацию строительства, приема гостей и «олимпийской семьи», создание технических систем, экономическую программу и многие другие «неспортивные» аспекты подготовки к Играм.

С первого дня работы Оргкомитета в нем было образовано Управление спортивных программ (вначале оно именовалось спортивно-методическим). С 14 человек в 1975 году оно выросло (с входившими в него службами) до 5-тысячного коллектива ко дню открытия Московской олимпиады. Основные задачи управления были определены как разработка и осуществление спортивной программы Игр, организация обеспечения соревнований спортивным оборудованием и инвентарем, отбор и подготовка судей и судейско-вспомогательного персонала.

Но существовало одно обстоятельство, налагавшее особую ответственность на Управление спортивных программ: все остальные подразделения Оргкомитета, сотни организаций, министерств и ведомств зависели от разрабатываемых нами спортивных программ, определявших всю сложную технологию Игр, в которых соревнование — главное событие. С первых же шагов мы стремились развить опережающий темп. Но не всегда его выдерживали. Спустя годы это виднее...

Большинство из нас сознавали предельную ответственность, лежащую на каждом, но ощущали мы и большое счастье. Это понимание ответственности и благодарности за оказанное доверие, пожалуй, и было тем главным, что определяло формирование и деятельность нашего коллектива, в котором по итогам Олимпийских игр 19 человек были награждены орденами и 36 — медалями СССР.

В руководящий состав управления и его подразделений входили такие опытные руководители и специалисты, как В. А. Клыков, В. А. Полищук, А. А. Кислов, Л. Ю. Маркович, Э. Ч. Липинский, Л. А. Захаров, О. В. Сапожнин, А. Х. Чанышев, В. И. Лахов, Г. Е. Гуменюк, И. Л. Дударев, В. Т. Еременко, А. А. Лебедев, В. А. Ратинов, М. И. Хавжу, В. Л. Кроль, и другие, с многими из которых читатель встретится на страницах книги.

Большинство работников Управления спортивных программ обладали большим опытом подготовки и проведения

крупнейших международных и всесоюзных соревнований. В управлении уже на второй год существования Оргкомитета работали 4 вице-президента и 3 члена технических и руководящих органов международных спортивных федераций, в членов президиумов федераций и всесоюзных судейских коллегий по видам спорта, около двух десятков судей несоюзной и международной категории. И тем не менее важнейшим для Управления спортивных программ была организация взаимодействия со Спорткомитетом СССР, федерациями СССР по видам спорта, всесоюзными коллегиями судей по видам спорта.

Взаимодействие это осуществлялось и в повседневной совместной работе с управлениями и отделами Спорткомитета, многочисленным общественным активом, и в рамках комиссии Оргкомитета по организации соревнований и спортивно-технологическим средствам, которую первые три года возглавлял первый заместитель председателя Оргкомитета «Олимпиада-80» вице-президент МОК Виталий Георгиевич Смирнов, а последние два года — заместитель председателя Оргкомитета Георгий Михайлович Роговский.

Виталий Георгиевич Смирнов и Георгий Михайлович Роговский, которым в разные периоды было подчинено Управление спортивных программ, настойчиво воплощая в его деятельности организационно-политическую линию руководства Оргкомитета, в то же время позволили в максимальной степени раскрыть творческие возможности его сотрудников и потенциал коллектива в целом.

Многое в установлении делового взаимодействия и передаче опыта между подразделениями Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР и нашим Управлением спортивных программ определялось решениями, принимавшимися коллегией Спорткомитета СССР. Этими решениями определялась преемственность между предложениями, разработанными в 1973—1974 годах Подготовительным комитетом, и методикой, разрабатываемой в Оргкомитете. Со Спорткомитетом координировались совместная деятельность по выбору и созданию спортивного оборудования и инвентаря, разработка исходных данных для проектирования спортивных сооружений, подготовка советских судей и судейско-вспомогательного персонала, проведение контрольных соревнований. И, конечно, взаимодействие с международными спортивными федерациями, опыт которых в течение многих десятилетий по крупицам собирался и обобщался в подразделениях Спорткомитета, в наших всесоюзных спортивных федерациях.

Уже в первые дни подготовки к Играм формировалось естественное, глубоко закономерное стремление добиться, чтобы Олимпийские игры, впервые проводимые в социалистическом государстве, стали лучшими в истории мирового спорта, образцом культуры состязаний, организованности и объективности.

В нашей стране накоплен богатый опыт организации спортивных соревнований самого различного масштаба. Общеизвестны и наши достижения в сфере культуры проведения международных спортивных соревнований. Но при организации Олимпийских игр в действие вступили стократ более высокие требования и критерии.

Многолетний организационно-технический опыт проведения олимпийских игр познакомил нас с общими задачами подготовки и проведения соревнований. Но проведение Игр в социалистической стране имеет существенную специфику: значительно более централизованное, чем на любых предыдущих Играх, управление подготовительными работами.

Предстояло воспользоваться преимуществами централизованного управления — возможностью долговременного планирования, жесткой дисциплиной в исполнении намеченного, что было особенно важно при подготовке собственно олимпийских соревнований, связанной с решением многих частных задач, выполнением отдельных операций и работ, которые предстояло осуществить в ограниченный период.

Сегодня, спустя годы, трудно ответить на вопрос: была ли единственным эффективным решением та стратегия и тактика планирования, к которой мы пришли и которую исповедовали на протяжении почти двух тысяч дней подготовки? Наверняка существовали и иные стратегии. Мы избрали путь, именно тогда начинавший внедряться в практику планирования, — разработка единой комплексной целевой программы — перспективной и гибкой формы планирования.

Попрошу теперь читателя на некоторое время набраться терпения, потому что предстоит познакомиться с несколько сухим предметом — планированием подготовки. Но не приподняв этот занавес, трудно увидеть суть.

Комплексная целевая программа подготовки и проведения олимпийских соревнований предусматривала 12 этапов-функций: планирование, организация работы аппарата и соисполнителей, проектирование объектов, сооружений, систем, методическая разработка технологии проведения олимпийских соревнований, строительство спортсооруже-

ний и других объектов, формирование и подготовка кадров, согласование с международными организациями, оснащение техническими средствами, контроль и приемка объектов и систем, работа с конкретными данными по Играм, их проведение и, наконец, ликвидационная деятельность — этап, неизбежно наступающий в любой программе.

Разумеется, тогда мы не могли и предположить, каким он будет, этот 12-й этап. Но, поверьте, ощущение оптимизма, с которым мы приступали к работе, не покидало нас, несмотря на все трудности, которые, конечно, были, до того самого момента, когда олимпийский Мишка плавно и величаво поднялся над стадионом, отправляясь в полет, означавший, что Олимпийских игр в Москве больше нет и что теперь у каждого из нас наступит какая-то другая, «неолимпийская», жизнь...

Уже на протяжении первого года работы Оргкомитета становилось бесспорным, что залог успешной подготовки к проведению олимпийских соревнований — организация делового сотрудничества с международными федерациями по видам спорта. Оснований для такого подхода оказалось немало, главное же состояло в короткой, но емкой фразе Олимпийской хартии: «Международные спортивные федерации осуществляют полный контроль за техническим руководством своими видами спорта».

Двадцать одна федерация по летним олимпийским видам спорта, двадцать один подход к олимпийским состязаниям. Нам предстояло согласовывать с федерациями буквально каждый шаг. По сравнению с оргкомитетами предшествующих олимпийских игр Оргкомитет «Олимпиада-80» начал свою деятельность гораздо раньше — практически за шесть лет до начала Игр. Еще и потому так важны были вопросы долгосрочного планирования его деятельности.

В начале 1976 года был разработан перспективный (1976—1980 годы) план сотрудничества Оргкомитета с каждой из федераций. По сути дела, это была долговременная программа, направленная на своевременную разработку и согласование с руководством федераций всех важнейших спортивно-технологических условий проведения олимпийских соревнований.

Если говорить о главном смысле плана, то он состоял в том, чтобы руководители федераций не требовали от нас за четыре года до Игр представить им на согласование или утверждение то, что мы разработаем и создадим лишь за год до Игр. Но план создавал уверенность в том, что в 1979-м году это «что-то» будет представлено непременно.

Вот главные положения этой программы:

1976 год: согласование планировки спортивных арен, вместимости трибун, плана размещения служебных и вспомогательных помещений на олимпийских сооружениях.

1977 год: согласование перечня спортивного инвентаря и оборудования, судейско-информационной аппаратуры, ориентировочного расписания, порядка отбора для участия в олимпийских соревнованиях, плана размещения на трибунах официальных лиц, участников, судей и прессы, перечня тренировочных сооружений и их технического оснащения, количественного состава судейских коллегий по видам спорта.

1978 год: утверждение федерациями технических регламентов, согласование судейской документации для олимпийских состязаний.

1979 год: предварительная приемка сооружений для соревнований и тренировок, согласование замечаний и предложений федераций по сооружениям, их техническому оснащению, расстановке оборудования и цветовому решению арены.

1980 год: уточнение персонального списка кандидатов на должности официальных судей федераций, официальный прием мест проведения соревнований и тренировок с полным комплектом оборудования, проведение соревнований.

Конечно, в своем полном объеме перспективный план и создававшиеся на его основе годовые планы сотрудничества были заметно сложнее, чем эти главные направления, но важно то, что идея была создана, разработана и вынесена на суд федераций.

21 план, учитывавший специфику видов спорта, был подписан руководителями Оргкомитета и управления и весьма единодушно руководителями федераций. Большинство руководителей международных спортивных федераций отметили, что впервые в практике подготовки к олимпийским играм Оргкомитет столь заблаговременно начинает совместную работу с федерациями. Так, например, почетный генеральный секретарь Международной любительской федерации плавания Роберт Хелмик (он же являлся президентом Национального любительского атлетического союза Соединенных Штатов Америки) отметил, что во время своего четырехдневного пребывания в Москве он пришел к выводу, что свойственное советской системе большое уважение к планированию является благоприятным фактором в деле подготовки Олимпийских игр в советской

столице. «На нас произвел большое впечатление размах планирования, уже полностью завершенного. Московский оргкомитет уже разработал свои планы вплоть до точных и мельчайших деталей», — заявил Хелмик.

Долговременная программа работы с международными федерациями была успешно реализована. Для согласования предусмотренных программой вопросов мы использовали такую форму сотрудничества с международными федерациями, как приглашение их руководителей и технических делегатов в Москву и другие олимпийские города нашей страны — Таллин, Ленинград, Киев, Минск, участие представителей советских федераций по видам спорта и работников Оргкомитета в заседаниях руководящих и технических органов федераций, их сообщения и отчеты, ежегодные двусторонние переговоры во время проведения генеральных ассамблей Ассоциации федераций. Одним словом, и сам план, и его последовательная реализация создавали в федерациях ощущение спокойствия и уверенности, так необходимые для выполнения такого объемного, сложного и потому напряженного проекта, как олимпийские игры второй половины XX века.

ПРЕДСКАЗАНИЕ НЕПРЕДСКАЗУЕМОГО

Одним из первых решений Организационного комитета, ставших достоянием мировой спортивной общественности, был выбор сроков Московских олимпийских игр. Их выбору и последующему утверждению предшествовала многомесячная поисковая работа многих организаций. Понадобилось изучение десятков факторов, прежде чем по предложению Оргкомитета «Олимпиада-80» 77-я сессия МОК, заседавшая в феврале 1976 года в Инсбруке, утвердила сроки проведения Игр XXII Олимпиады: с 19 июля по 3 августа.

Согласно правилам МОК, Игры должны проходить на протяжении 16 дней. Продолжительность Игр самым тесным образом связана с их программой. Решение МОК сохранить программу Игр в объеме видов спорта, по которым соревнования проводились в Монреале, позволило выдержать и традиционную продолжительность олимпийского праздника мирового спорта.

Из десятков факторов, которые принимал во внимание Оргкомитет «Олимпиада-80» при выборе сроков Московской олимпиады, пожалуй, наибольшее значение имел климатический фактор. Всесоюзный научно-исследовательский институт гидрометеорологической информации изучил

результаты многолетних гидрометеорологических наблюдений начиная с 1879 года, то есть практически за столетний период. Специалисты прогнозировали, что наиболее теплый летний период в Москве приходится на вторую половину июля — начало августа. Почему речь с самого начала шла о наиболее теплом периоде? С каждой олимпиадой расширялось участие стран Африки, и мы хотели создать приемлемые условия и для спортсменов этого континента.

Конечно, учитывая данные статистики, мы не должны были забывать и о капризах погоды. Вспомнилось олимпийское лето 1972 года, когда во всей Европе стояла небывалая жара — до самого начала Игр в Мюнхене.

Статистические данные избранного периода говорили и о максимальном постоянстве температуры в пределах дня, и о том, что дожди в это время выпадают хотя и относительно мощные, но кратковременные. Это было очень важно, например, для соревнований по легкой атлетике. Но, разумеется, не только погодные условия принимались во внимание при выборе сроков. Оргкомитет стремился, чтобы было достаточно времени после окончания учебного года до начала Игр, а после закрытия Олимпиады можно было бы подготовить столицу к началу нового учебного года. Олимпиада должна была также закончиться до начала обычного периода повышенной загрузки авиалиний, происходящего на вторую половину августа.

Сугубо спортивные мотивы, разумеется, также принимались во внимание, в первую очередь традиционные сроки проведения крупнейших международных соревнований по летним олимпийским видам спорта. Разница с предшествующими Играми в Монреале, например, составила всего два дня. Это позволило тренерам и ученым использовать тот методический опыт, который был накоплен в прошлом олимпийском цикле.

Сроки Московской олимпиады были вынесены на рассмотрение МОК и утверждены им относительно рано — за четыре с половиной года до начала Игр — для того, чтобы дать возможность в оставшееся до Олимпиады время учитывать эти сроки при разработке сложных и трудоемких перспективных планов подготовки к Играм по многим направлениям. В первую очередь это относилось к материально-техническому обеспечению Игр, планированию культурно-зрелищных мероприятий, работе транспорта. У международных спортивных федераций было достаточно времени для выбора сроков проведения чемпионатов мира и отдельных регионов земли. Спортсмены получили возмож-

ность построить свою подготовку таким образом, чтобы в каждом из преолимпийских спортивных сезонов добиваться наибольших достижений в сроки, совпадающие со сроками Московской олимпиады.

...Многие гости Москвы шутливо допытывались:

— Как это вам удалось так договориться с «небесной канцелярией»?

Причина для таких вопросов была: погода порадовала и спортсменов, и гостей, и организаторов Игр. Хотя порой и держала в напряжении, как бы поддразнивая. Скажем, во время генеральной репетиции праздника открытия пошел ливень, само же открытие прошло без единой капельки. Не обижены погодой были легкоатлеты, футболисты, велосипедисты. Ливень хлынул... через несколько секунд после заключительного финала в гребле на байдарках.

И только организаторам конноспортивных соревнований предшествовавшие Олимпиаде дожди испортили и настроение, и, что более существенно, грунт на трассах полевых испытаний. Но об этом пойдет речь ниже.

ПО ДНЯМ, ЧАСАМ И МИНУТАМ

Когда еще и еще раз вспоминаешь то единодушие, с которым руководители международных спортивных федераций высказывались в поддержку Игр XXII Олимпиады в Москве или оценивали их итоги, то понимаешь, что причину этого следует искать прежде всего в настойчивой, многолетней работе организаторов Московской олимпиады, направленной на создание спортсменам всего мира наилучших условий для их успешного выступления на Играх.

Хотя олимпийские игры — замечательное и значимое общественное событие, их основное содержание — собственно спортивное соревнование.

Подготовка спортсменов к олимпийским соревнованиям требует, чтобы сами спортсмены, их тренеры, ученые, врачи учитывали по возможности все многочисленные факторы, влияющие на исход олимпийских состязаний. Далекое не последнюю роль среди этих факторов играют расписание соревнований и перечень спортивного инвентаря и оборудования, которые предоставляются в распоряжение спортсменов всего мира на олимпийских спортивных аренах.

Обычно и детальное расписание соревнований, и перечень спортивного инвентаря и оборудования объявлялись лишь в преолимпийском году. Оргкомитет «Олимпиада-80» буквально с первых дней работы поставил перед собой

задачу сформировать расписание олимпийских стартов, выбрать наиболее совершенный и распространенный во всем мире спортивный инвентарь не за год, как делалось до сих пор, а за два года до Игр.

Может быть, потому, что разработка программы — одна из наиболее интересных и творческих задач, мы начали ею заниматься едва ли не в первые дни после создания нашего управления.

Практически все международные спортивные федерации приветствовали стремление Оргкомитета «Олимпиада-80» к заблаговременной разработке программы. Все лучшее, что многими четырехлетиями накапливалось в практике крупнейших международных спортивных форумов — олимпийских игр, естественно, использовалось и в подготовке «программы по дням» Московской олимпиады.

Распределение видов спорта в течение двухнедельного срока Игр — задача на первый взгляд несложная. Однако, как хорошо известно, есть виды спорта «гиганты» — соревнования по футболу, например, идут почти все две недели и виды-«карлики» — гребля на байдарках и каноэ, стрельба из лука укладываются в четыре дня. Поэтому неодинаковая продолжительность соревнований по различным видам спорта рождает проблему оптимального распределения видов спорта в течение всего срока олимпиады.

Мы руководствовались несколькими принципами при распределении видов спорта на протяжении двухнедельного срока проведения Олимпиады. Первый и довольно традиционный — стремление к равномерному по возможности распределению видов спорта. Это означает, что если сделать «срез» каждого олимпийского дня (за исключением последних), то мы увидим примерно одинаковое количество видов спорта.

Но и этот принцип выдерживается не на протяжении всего олимпийского срока: к концу Олимпиады число одновременно проводимых соревнований снижается. Это было сделано намеренно для того, чтобы облегчить нашим транспортным организациям отправку туристов, приехавших из многих стран мира и из всех союзных республик нашей страны. Обычно туристские группы формируются «по спортивным интересам», и, если бы олимпийские соревнования по 10—15 видам спорта заканчивались одновременно в канун закрытия Игр, это создало бы дополнительные трудности для транспортных служб.

Но недостаточно лишь равномерно распределить по дням Олимпиады соревнования по различным видам спорта.

Хорошо известно, что соревнование по каждому виду спорта состоит в большинстве случаев из предварительных и финальных состязаний. Поэтому важнейший принцип — по возможности равномерное распределение по дням Игр финальных состязаний. Конечно, в 1975—1976 годах еще не существовало утвержденных международными федерациями программ соревнований по каждому виду спорта с распределением финалов по дням. Но уже в конце 1976 года были подготовлены проекты.

Для любителей спорта нашей страны, где очень популярны спортивные игры, весьма важен был такой принцип: количество встреч по спортивным играм в течение почти всего периода Олимпиады планировалось примерно одинаковым.

С учетом имевшихся в Москве и строящихся спортсооружений расписанием Игр создавалась их равномерная загрузка. Принцип равномерной загрузки по возможности поддерживался и по отношению к различным олимпийским службам: транспортной, медицинской, службе антидопингового контроля, награждения победителей и, разумеется, по отношению к таким объемным и технически оснащенным службам, как служба связи, система электронной обработки результатов — АСУ «Олимпиада», Олимпийский радиотелекомплекс.

Что же касается зрелищности Олимпиады, то, естественно, мы обязаны были принять во внимание, что различные виды спорта, как показал опыт предыдущих Игр, пользуются и различным вниманием со стороны зрителей и телезрителей. Поэтому, по опыту наших предшественников, мы стремились не совмещать сроки проведения соревнований, которые традиционно привлекают наибольшее внимание практически всех любителей спорта. Так, легкая атлетика была запланирована ближе к закрытию, плавание и гимнастика — к началу.

Формирование соревновательной программы тесно увязывалось с программой строительства и реконструкции спортивных сооружений. Правила Международного олимпийского комитета практически не регламентируют условия проведения соревнований. В правилах МОК лишь сказано, что для всех видов спорта, включенных в программу, должны быть обеспечены высококачественные с технической точки зрения спортивные сооружения, удовлетворяющие требованиям соответствующих международных федераций.

На основе этих положений Хартии МОК были

определены главные направления в создании материально-технической базы Московской олимпиады — максимальное использование уже имевшихся в Москве спортивных сооружений и широкое использование новых сооружений в послеолимпийский период. Было однозначно определено, что мы построим все, что необходимо и чего требуют правила. Построим добротнo и с перспективой, но без излишеств, без намерения кого-то удивить. Олимпийские сооружения, здания и комплексы не останутся памятниками прошедшим Играм. Они будут служить советским людям и в дальнейшем.

Были тщательно проанализированы потребности в спортивных сооружениях для Игр XXII Олимпиады с учетом программы Игр в Москве. Оргкомитет пришел к выводу, что для успешного проведения олимпийских соревнований в отведенные для них сжатые сроки необходима жесткая специализация спортивных сооружений. Это позволит повысить качество проведения соревнований и исключит излишние трансформации арен в ходе самих Игр, так как спортивные залы уже к началу Олимпиады будут оборудованы технологически и оснащены технически для конкретного вида спорта.

На Играх XX Олимпиады в Мюнхене соревнования проходили на 27 спортивных аренах, из них 12 — новые. На Играх XXI Олимпиады в Монреале использовалось 25 арен, в том числе 8 новых. С учетом расширения программы должно было бы увеличиться и число спортивных арен для соревнований Олимпиады-80. Однако рациональное построение программ и распределение видов спорта позволили использовать в Москве и вне ее даже меньшее по сравнению с предыдущими олимпиадами количество спортивных сооружений: 13 имевшихся (из них 12 требовавших реконструкции) и 11 новых.

Существенным этапом работы по планированию Игр, завершенным в середине 1976 года, за четыре года до Олимпиады, была и работа по изучению спортивных сооружений Москвы для определения возможности их использования для тренировок спортсменов-олимпийцев. В результате был сформирован перечень, включавший более 80 спортивных объектов Москвы. Для тренировок в основном предполагалось использовать уже имевшиеся в Москве залы, бассейны и другие спортивные сооружения. Исходили из того, что все сооружения для тренировок должны располагаться недалеко от Олимпийской деревни или основных соревновательных объектов. Совмещение трени-

ровик по разным видам спорта на одной спортивной арене по возможности исключалось.

После того как сессия Международного олимпийского комитета, заседавшая в Праге в июне 1977 года, в основном утвердила представленный Оргкомитетом «Олимпиада-80» проект «Программы по дням» Игр XXII Олимпиады 1980 года в Москве, Оргкомитет «Олимпиада-80» получил возможность приступить к очередному этапу — утверждению в международных федерациях программ по часам. Но сначала каждый олимпийский день был расписан по соревновательным «сменам». В конце мая 1978 года президенту Оргкомитета одобрил проект такого расписания.

Что в нем было наиболее существенным? Во-первых, мы постарались сделать довольно «просторными» перерывы между утренней и вечерней сменами соревнований, чтобы дать возможность спортсменам и гостям Москвы спокойно пообедать без спешки.

Во-вторых, вечерняя смена соревнований, особенно по видам, собиравшим стотысячную аудиторию, например легкой атлетике, начиналась достаточно поздно, чтобы и зрители на стадионе, и телезрители в европейской части Союза могли после окончания рабочего дня иметь достаточно времени, чтобы добраться до стадиона и телеэкранов.

В-третьих, время начала разных соревнований, проходивших в одной зоне (например, в Лужниках или на проспекте Мира), варьировалось, чтобы не создавать излишней скученности пассажиров на городском транспорте.

Наряду с расписанием соревновательных смен разработка программ соревнований по часам потребовала, чтобы МОК точно указал перечень отдельных номеров программы олимпийских соревнований. На предыдущих Играх в Монреале было разыграно 198 комплектов наград.

На 78-й сессии в Монреале МОК рассмотрел программу Игр XXII Олимпиады по всем дисциплинам и утвердил ее в количестве 199 дисциплин, добавив к «монреальской» программе хоккей на траве для женских команд. Однако «под давлением» некоторых международных федераций 79-я сессия в Праге добавила еще четыре дисциплины. Была восстановлена ходьба на 50 км, исключенная ранее из программы Игр после Мюнхена; в тяжелой атлетике введена новая весовая категория до 100 кг; в дзю-до произошло полное изменение весовых категорий, в результате чего их общее число с пяти возросло до семи (не считая «абсолютной»).

Таким образом, на спортивных соревнованиях Игр XXII

Олимпиады было разыграно 203 комплекта золотых, серебряных и бронзовых медалей.

Так к лету 1978 года уже были созданы все условия для того, чтобы по большинству видов спорта Оргкомитет смог выполнить цель, которую он перед собой поставил: как можно ранее объявить программу соревнований.

Задолго до этого периода была избрана дата рассылки расписания — за два года до первого старта. 20 июля 1978 года во все национальные олимпийские комитеты, признанные МОК, было направлено циркулярное письмо Оргкомитета «Олимпиада-80» с приложением расписания олимпийских соревнований по 12 видам спорта, в которых расписание, по нашему мнению, в наибольшей степени влияет на подготовку спортсменов. Затем в НОК были направлены расписания и по остальным 9 видам спорта.

Таким образом, спортсмены получили возможность заранее спланировать подготовку в пределах своего тренировочного цикла, приведя ее в соответствие с расписанием будущих олимпийских стартов.

В разосланное расписание, разумеется, могли быть внесены отдельные незначительные изменения внутри видов и дисциплин после получения предварительных заявок. Срок для подачи заявок был первоначально установлен МОК по нашему предложению до 19 мая 1980 г.

Потом, уже в олимпийском году, МОК добавил еще 5 дней. После получения заявок в подавляющем большинстве видов спорта никаких изменений в расписание внесено не было. И в ходе самих Игр директораты соревнований соблюдали его неукоснительно, что было признано единодушно как образец, эталон организованности. Вот одно из бесчисленных высказываний зарубежной прессы. Парижская газета «Монд» писала: «Расписание соревнований по своей точности могло бы соперничать с лучшими часами».

Но циркулярное письмо в НОК, направленное за два года до первого старта, имело и второе важное значение для подготовки спортсменов всего мира к Играм в Москве. Значительно раньше, чем это делалось перед предыдущими Играми, Оргкомитет «Олимпиада-80» направил в национальные олимпийские комитеты с циркулярным письмом о программе и перечень официального спортивного инвентаря и оборудования Игр XXII Олимпиады — 47 различных видов продукции, выпускаемой в 12 странах мира, и список 7 видов покрытий спортивных площадок, выпускаемых предприятиями 5 стран. Такое раннее опубликование перечней способствовало успешной подготовке участников к Играм,

предоставило им возможность вести подготовку к олимпийским соревнованиям в равных условиях.

Главное же состояло в том, что Оргкомитет «Олимпиада-80» в тесном сотрудничестве с МОК и международными спортивными федерациями в этом весьма важном направлении предолимпийской работы постарался создать все условия для успешной подготовки к Московской олимпиаде сотен миллионов спортсменов всего мира.

В целом же в 1975—1980 годы Оргкомитет стремился поддерживать постоянные контакты с национальными олимпийскими комитетами, для того чтобы как можно оперативнее доводить до сведения спортсменов, тренеров, руководителей национальных спортивных федераций относящиеся к проведению олимпийских соревнований данные.

Наконец, после приезда делегаций в Москву серьезным аспектом сотрудничества в спортивной области явилась совместная работа организаторов и руководителей делегаций по организации тренировок национальных команд. К их приезду более 70 спортивных сооружений Москвы было полностью и в совершенстве подготовлено для обеспечения тренировок. Общее число тренировок в итоге превысило 6 тысяч. И только в 12 из них были отмечены какие-то отклонения от согласованного порядка или расписаний. Это говорит о высоком уровне сотрудничества организаторов Игр и руководителей НОК.

ТЕХНИКА НА СПОРТИВНЫХ АРЕНАХ

Техническая программа Московской олимпиады заслуживает отдельной, самостоятельной книги, да и не одной. Здесь же хочется коротко посвятить читателя в то, как формировался обширный, насчитывавший более 110 тысяч единиц олимпийский парк судейско-информационной аппаратуры, спортивного оборудования и инвентаря.

В первую очередь интересы спортсменов всего мира—такой принцип лег в основу программы обеспечения Игр XXII Олимпиады спортивным оборудованием и инвентарем. Понятно традиционное стремление организаторов добиться, чтобы как можно больше спортивного оборудования и инвентаря было спроектировано отечественными специалистами и изготовлено на отечественных предприятиях. С самого начала разработки нашей программы речь шла о том, чтобы использовать период предолимпийской подготовки для дальнейшего развития советской спортивной индустрии. Десятки научно-исследовательских, эксперимен-

тально-конструкторских, проектных организаций и промышленных предприятий нашей страны с момента представления Москве права провести Игры работали над олимпийскими заказами, обратив особое внимание на повышение качества и соответствие спортивного оборудования и инвентаря правилам и требованиям международных спортивных федераций.

В СССР уже имелся богатый опыт комплексного технического оснащения соревнований. Так, хорошие отзывы получило техническое оснащение чемпионата мира 1975 года по тяжелой атлетике в Москве, чемпионата мира в Минске и чемпионата Европы в Ленинграде по классической и вольной борьбе, международных соревнований по гимнастике в Москве и Риге, чемпионата Европы по дзю-до в Киеве. Все это явилось этапом реализации программы обеспечения Игр XXII Олимпиады, которая разрабатывалась в течение длительного времени.

Сложность и уникальность задачи создания судейско-информационной аппаратуры, нового спортивного оборудования и инвентаря для Московской олимпиады поставили спортивные организации нашей страны перед необходимостью заложить организационно-технические основы этой работы задолго до решения Международного олимпийского комитета о проведении Игр XXII Олимпиады в Москве. Еще в 1973 году было принято постановление Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР «О состоянии и мерах по улучшению спортивного приборостроения и внедрению приборов и аппаратуры в спортивную практику». Уже тогда накапливался нужный опыт этой работы. Поэтому закономерно, что после создания Оргкомитета «Олимпиада-80» его работа по организации обеспечения Московской олимпиады спортивно-технологическими средствами велась на всех этапах совместно с ведущими специалистами Главного управления по производству спортивных изделий — Главспортпрома Спорткомитета СССР и Всесоюзного проектно-технологического и экспериментально-конструкторского института по спортивным и туристским изделиям. К этой работе были привлечены предприятия других министерств и ведомств СССР.

При создании комплекса судейско-информационной аппаратуры и другого оборудования и инвентаря отечественными предприятиями учитывались перспективы развития спортивной техники к 1980 году, намечалась к использованию самая современная аппаратура и оборудование, выпускавшиеся в Советском Союзе и других странах.

Подавляющее большинство технических средств, необходимых для успешного проведения Олимпийских игр, было спроектировано отечественными специалистами и изготовлено на отечественных предприятиях. Отличные предпосылки для решения сложнейших научно-технических задач Олимпиады-80 были созданы десятой пятилеткой — пятилеткой эффективности и качества.

Советские предприятия создали для Олимпиады в Москве почти все оборудование для соревнований по гимнастике, фехтованию, боксу, тяжелой атлетике, различный инвентарь и аппаратуру для легкой атлетики и многих других видов олимпийской программы. Таллинская верфь спортивного судостроения изготовила для участвующих в Играх команд по парусному спорту швертботы классов «Финн» и «470». Предприятия Министерства автомобильной промышленности изготовили десятки специальных автомобилей.

Но когда речь идет о таком событии, как олимпиада, долг страны—организатора Игр состоял в том, чтобы предоставить возможность и другим странам внести свой вклад в олимпийское движение. Буквально с первого дня создания Оргкомитета «Олимпиада-80» начали поступать предложения от зарубежных фирм, желавших участвовать в подготовке и проведении Игр XXII Олимпиады. Такое стремление вполне объяснимо — Московская олимпиада обещала стать и действительно стала не только грандиозным праздником спорта, но и демонстрацией перед всем миром достижений передового научно-технического прогресса буквально во всех областях спортивной техники.

И хотя международные федерации гимнастики, фехтования, тяжелой атлетики и ряд других согласились с предложениями Оргкомитета «Олимпиада-80» и утвердили немало образцов советского спортивного оборудования и инвентаря в качестве официальных для проведения олимпийских состязаний, мы видели одну из своих важнейших задач прежде всего в том, чтобы спортсмены всего мира, приехав на олимпийские состязания в Москву, встретили на спортивных аренах — и соревновательных, и тренировочных — тот спортивный инвентарь, который они привыкли повседневно использовать на тренировках и соревнованиях в своих странах. Одним словом, высококачественный и наиболее широко распространенный во всем мире инвентарь, соответствующий правилам и требованиям федераций.

Именно поэтому Оргкомитет стремился всемерно расширить возможности международного сотрудничества в сфере обеспечения Игр спортивной техникой.

Наиболее распространенной формой закрепления сотрудничества с зарубежными фирмами было присвоение им звания «Официальный поставщик Игр XXII Олимпиады».

Среди фирм, добившихся права получить диплом «Официальный поставщик», и те, кто впервые вступил в конкурентную борьбу с другими фирмами, и те, кто решил сохранить за собой ранее достигнутое на предыдущих Играх право представлять свою продукцию на Олимпиаде. Оргкомитет «Олимпиада-80» давал возможность добиться этого звания в «открытых состязаниях».

Одним из таких первых «состязаний» стала проведенная в сентябре 1976 года в Москве выставка «Техника — Олимпиаде».

Выставка «Техника — Олимпиаде» — это два павильона на ВДНХ общей площадью свыше 27 тыс. м², это 312 фирм из 22 стран, это свыше тысячи зарубежных специалистов, приехавших в Москву представить свои экспонаты, это десятки докладов и лекций, прочитанных в ходе семинаров, симпозиумов, национальных дней в рамках выставки, это свыше 30 тыс. советских специалистов, изучавших экспонаты. Наконец, это свыше четверти миллиона посетителей.

Их внимание с первых же шагов привлекали экспонаты, представленные венгерским внешнеторговым предприятием «Электроимпекс». Демонстрационные табло, разработанные венгерскими специалистами, успешно эксплуатировались на стадионах многих стран мира. На московскую выставку «Электроимпекс» представил действующий макет видеоматричного табло, на котором с помощью телевизионной камеры демонстрировались движущиеся изображения. Высокое качество венгерских табло хорошо известно в Советском Союзе, и не случайно на торжественном закрытии выставки «Электроимпексу» был вручен диплом «Официальный поставщик Игр XXII Олимпиады». Двумя другими обладателями дипломов стали французское отделение известной фирмы «Адидас», производящей спортивные товары, и венгерское предприятие электроосветительной аппаратуры «Тунгсрам».

Поскольку Оргкомитет вел кропотливую работу не только с фирмами и предприятиями-производителями, но и согласовывал все виды спортивного оборудования и инвентаря с международными федерациями, звание «Официальный поставщик» Московской олимпиады было свидетельством высокого качества поставляемого на Игры спортивного инвентаря и оборудования, закрепление ответственности фирм перед международными федерациями,

национальными олимпийскими комитетами, перед всеми участниками Олимпиады за строгое соответствие этих изделий предъявляемым к ним высоким требованиям.

Большая работа была проведена по оснащению олимпийских спортивных сооружений самыми современными судейско-информационными средствами и судейской аппаратурой более 130 наименований.

На соревнованиях олимпийского ранга основные устройства информационного обеспечения зрителей на стадионах и в спортивных залах — большие демонстрационные табло, управляемые в большинстве случаев ЭВМ.

Например, на Большой спортивной арене Центрального стадиона имени В. И. Ленина, где проводились церемонии открытия и закрытия Игр XXII Олимпиады, а также соревнования по легкой атлетике и конному спорту, требующие показа большого объема часто меняющейся информации, были установлены видеоматричные табло, которые дают возможность видеть не только быстроменяющуюся буквенно-цифровую информацию, но и движущиеся изображения спортсменов с 16 градациями яркости, что приближало их по качеству к изображению на экране телевизора.

Для других спортивных сооружений были созданы универсальные буквенно-цифровые табло, обладающие большими функциональными возможностями. Так, многие из этих табло оборудованы специальной строкой для показа информации методом «бегающей газеты». Это использовалось для передачи краткой информации о наиболее значимых событиях, происходивших на других объектах Олимпиады, — установление мировых и олимпийских рекордов, сообщения о новых олимпийских чемпионах.

С целью повышения объективности судейства и срочного решения спорных вопросов на состязаниях по 10 видам спорта использовались системы видеозаписи.

Для подлинно мгновенной обработки спортивных результатов и представления их официальным лицам и многотысячному отряду журналистов была создана автоматизированная система управления и информационного обеспечения — АСУ «Олимпиада».

Поскольку по правилам МОК ответственность за проведение соревнований несут соответствующие международные спортивные федерации, под их контролем происходил и отбор спортивного инвентаря и оборудования.

В апреле 1978 года была проведена Международная выставка «Спорт-78», которая позволила Оргкомитету

практически завершить выполнение сложной задачи — отобрать лучшее, наиболее широко распространенное среди спортсменов всех стран, признанное международными спортивными федерациями спортивное оборудование и инвентарь.

Была получена практически полная поддержка международных федераций в выборе спортивного оборудования и инвентаря. И тем не менее были исключения из этой практики. Правда, их оказалось совсем немного. Об одном из них речь пойдет в главе «Сражение на искусственном поле».

Олимпийский комитет СССР, наши всесоюзные спортивные федерации всегда последовательно и непримиримо выступали и выступают против любых форм проникновения коммерциализации в международное спортивное движение, в олимпийский спорт. И тем не менее звание «Официальный поставщик Игр XXII Олимпиады» по разделу спортивного оборудования и инвентаря было предоставлено более чем 30 фирмам. Среди них и всемирно известные фирмы и объединения: «Электроимпекс» из Венгрии, «Адидас» (Франция — ФРГ), «Свисс-Тайминг» (Швейцария), «ЗМ» (США — Швейцария), «Сарвиль — Сарнеж» (Франция) и те, что впервые добились признания своей продукции на олимпийской арене — «Адольф А. Г.» (ФРГ), «Карл Цейсс Иена» (ГДР), «Акаи» (Япония), «Спорт» (Югославия), и многие другие.

Причина такого широкого привлечения — то, что в международном сотрудничестве по обеспечению спортивным оборудованием и инвентарем следовало уделить особое внимание решению двух важнейших задач.

Первая из них состояла в том, чтобы обеспечить, как было сказано выше, максимальную схожесть между процессом тренировки атлетов у себя дома и условиями олимпийских состязаний. Именно поэтому, например, для олимпийского стадиона легкоатлетов было избрано не отечественное покрытие, а наиболее распространенный на всех континентах мира «тартан».

Вторая задача состояла в создании технических средств, в максимальной степени повышающих объективность судейства.

В целом же обеспечение олимпийских соревнований в Москве спортивно-технологическими средствами представляет собой еще один яркий и убедительный образец международного сотрудничества.

Одним словом, остается лишь согласиться с теми

руководителями международных спортивных объединений, кто заявил, что соревнования в Москве были эталоном олимпийских состязаний.

АРБИТРЫ

Среди массы долговременных и оперативных задач, которые Управление спортивных программ должно было решить в тесном сотрудничестве с федерациями СССР по видам спорта, на одном из первых мест по значению была организация отбора и подготовки спортивных судей.

Наши предшественники — монреальские, да и мюнхенские — жаловались, что подготовка нужного количества национальных судей была едва ли не самой трудной проблемой. Особенно для Канады, где летние олимпийские виды спорта никогда не имели той популярности, которая нужна для существования традиционной и развитой системы соревнований и, следовательно, для постоянной подготовки спортивных судей нужной квалификации.

Наша «проблема» судейства была диаметрально противоположного свойства. К началу периода подготовки к Играм в СССР было зарегистрировано более 4 млн. спортивных судей. А за 5-летний период подготовки к Играм число судей возросло более чем на 2 млн. Так что для нас главной проблемой была не подготовка, а отбор, что оказалось не менее, если не более сложным.

Следовало исходить из того, что на протяжении многих десятилетий в СССР формировалась советская школа спортивного судейства. Что характерно для нее? Прежде всего пропорциональный рост судейских коллегий в соответствии с развитием олимпийских видов спорта. В результате этого советские спортивные организации располагают отрядом высококвалифицированных судей, во много раз превосходящим то число, которое требовалось для проведения олимпийских соревнований. Правда, были еще довольно малочисленные коллегии, например по хоккею на траве, который начал культивироваться в нашей стране сравнительно недавно. Но к началу Игр XXII Олимпиады должно было существенно измениться положение и в этом виде спорта. Есть система стимулирования деятельности спортивных судей, в частности наличие ступеней, по которым судья «поднимается» по мере совершенствования: судья по спорту, судья I категории, республиканской и всесоюзной категорий, а также звание «Почетный судья по спорту».

В совокупности все эти стороны советской школы спортивного судейства позволяют обеспечивать проведение

соревнований более чем в 200 тыс. спортивных коллективов. На старт в них ежегодно выходит более 50 млн. спортсменов.

Таким образом, советские судьи имели богатый опыт проведения как массовых спортивных мероприятий, каким являются соревнования по комплексу ГТО и спартакиады народов СССР, так и соревнований самого высокого ранга — чемпионатов Европы и мира.

Вместе с тем было понятно, что к судьям олимпийских состязаний будут предъявлены гораздо более высокие требования.

Олимпийские правила гласят, что необходимое количество технических официальных лиц (судей, арбитров, секундометристов, инспекторов, а также членов жюри по каждому виду спорта) назначается соответствующей международной федерацией. Эти лица осуществляют свою работу совместно с Организационным комитетом.

Наряду с теми судьями, которые назначаются федерациями, необходимо было подготовить и так называемый судейско-вспомогательный персонал. Практически это тоже спортивные судьи, но назначаемые Оргкомитетом.

Вот из каких условий и задач исходили Оргкомитет «Олимпиада-80» и Спорткомитет СССР, когда в 1976 году объявили всесоюзный конкурс «Олимпийский арбитр», который проходил затем в течение трех лет. Конкурсная была создана многоступенчатая система, позволявшая охватить многочисленную армию советских судей и последовательно, от тура к туру, отобрать около 2,5 тыс. наиболее квалифицированных и подготовленных к проведению Олимпийских игр.

Одной из важнейших задач конкурса было предоставить всем судьям равные возможности в завоевании почетного права судить на аренах Игр XXII Олимпиады. К конкурсу допускались спортивные судьи, успешно сочетавшие производственную работу, учебу или службу в Вооруженных Силах с активным участием в судействе соревнований и общественной жизни своего коллектива.

Участники конкурса были обязаны в совершенстве знать правила соревнований по своему виду спорта, активно участвовать в судействе соревнований, в семинарах судей и использовать другие формы для повышения судейской квалификации; постоянно совершенствовать методику практического судейства соревнований; изучить основную судейскую терминологию на языке, являющемся официальным языком данной международной спортивной федерации.

Конкурс проводился раздельно по каждому виду спорта в три тура: 1976 год — первый тур, 1977 год — второй тур, 1978 год — третий тур. Каждый тур конкурса проводился в четыре этапа: на первом этапе определялись лучшие судьи района или города; на втором этапе — лучшие судьи области, края, АССР; на третьем этапе лучшие судьи союзных республик, а также лучшие судьи Москвы и Ленинграда; на четвертом этапе всесоюзные федерации и коллегии судей определяли лучших судей страны по представлениям спорткомитетов союзных республик, Москвы и Ленинграда и передавали материалы в жюри конкурса.

I тур — 1976 год — был как бы «разведывательным», он лишь формировал отношение к конкурсу, способствовал его пропаганде. Но зато II тур в полном объеме показал все возможности такой демократической формы отбора, как всесоюзный конкурс, завоевавший огромную популярность во всех уголках страны. Во II туре приняло участие около 400 тыс. судей высших категорий. Жюри конкурса — его возглавлял вице-президент Международного олимпийского комитета Виталий Георгиевич Смирнов — пришлось поработать с громадной нагрузкой. Но уже тогда, в 1977 году, поглядывая на обширную картотеку участников заключительного этапа, мы были убеждены в том, что в срок и на высоком уровне задача подготовки и отбора будет решена.

Ровно за год до открытия Игр лучшие спортивные арбитры страны, приехавшие на Спартакиаду народов СССР, собрались в Колонном зале Дома союзов. Лептмотивом митинга будущих советских олимпийских судей была основанная на итогах конкурса глубокая уверенность в том, что все спортивные арбитры будут честно, добросовестно, со знанием дела судить соревнования Игр XXII Олимпиады, проявлять при этом необходимую принципиальность и выдержку, строго соблюдать установленный порядок и дисциплину.

Прекрасное знание правил соревнований, умение ими правильно и своевременно пользоваться, большой опыт, решительность в действиях и строгая объективность, высокий патриотизм советского человека, стремящегося сделать все от него зависящее, чтобы Игры XXII Олимпиады прошли на самом высоком уровне, — вот те требования, которые были предъявлены на митинге к кандидатам в олимпийские арбитры.

Ровно через год, на торжественной церемонии открытия Игр, советский судья, судья международной категории, трехкратный олимпийский чемпион, заслуженный мастер

спорта Александр Медведь произнес слова торжественной клятвы: «От имени всех судей и официальных лиц я обещаю, что мы будем исполнять наши обязанности на этих Олимпийских играх с полной беспристрастностью, соблюдая правила и следуя принципам истинно спортивного духа».

Трудно стать участником олимпийских соревнований, но не менее трудно получить от международной федерации право быть судьей на таких соревнованиях. Это право было предоставлено лучшим арбитрам мира.

В обеспечении судейства соревнований Игр XXII Олимпиады приняли участие 1246 назначенных международными федерациями официальных лиц: президентов, генеральных секретарей, технических делегатов, членов жюри и судей из 77 стран всех континентов мира.

Большим количеством судей были представлены такие страны: Франция — 48, Италия — 45, ГДР — 44, Великобритания — 43, Нидерланды — 33, Швеция и Польша — 31, Испания — 29, Венгрия — 38, Югославия — 37, Румыния — 34, Болгария — 25, США — 24, Австралия — 22, Япония — 18, Куба — 16, ФРГ — 14.

Особенно велика была интернационализация судейских коллегий в тех видах спорта, где при определении результата главную роль пока еще играет субъективный фактор. Так, в борьбе и боксе, где определение результата целиком зависит от судей, представительство стран в судейских коллегиях было наибольшим: в борьбе 76 судей представляли 31 страну, в боксе из 93 членов жюри и судей только в составе жюри было представлено 31 государство, а всего судили соревнования представители 53 стран всех континентов мира. Это обеспечило высокую объективность судейства. Так, лучших результатов добились боксеры Кубы, представленной только одним судьей. В финальном турнире по футболу выступили 16 команд, а в судействе и организации соревнований принял участие 71 судья и организатор из 41 страны.

Вместе с тем следует на будущее подумать о том, что в практике международных соревнований пока еще недостаточно интернациональный характер имеет судейство по легкой атлетике. Кроме апелляционного жюри и бригады судей по ходьбе судейство осуществляется не только на олимпийских играх, но и на всех международных соревнованиях судьями страны-организатора. По-видимому, и в легкой атлетике судейство должно носить более интернациональный характер.

Наибольшее количество судей и членов жюри, как и на

предыдущих Играх, представляла страна-организатор — 396 человек из 80 городов Советского Союза.

Это и дань уважения к стране, проводящей Игры, это и лишь высокому международному классу и объективности советских судей, и, разумеется, результат длительной работы по отбору и подготовке, которая на протяжении нескольких предолимпийских лет велась практически по всей нашей стране.

СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЩЕМ ДЕЛЕ

Одна из наиболее эффективных форм сотрудничества с международными спортивными федерациями в организации олимпийских состязаний в Москве состояла в том, что ежегодно в октябре делегация Оргкомитета по вопросам подготовки олимпийских соревнований проводила серию двусторонних переговоров с президентами и генеральными секретарями международных спортивных федераций по летним олимпийским видам спорта — встречались, чтобы обсудить с ними выполнение плана сотрудничества за текущий год, наметить основные вопросы, которые должны были решаться в году предстоящем.

Первая из таких серий переговоров была проведена в Барселоне. В Барселону мы направлялись, когда у СССР с Испанией еще не были восстановлены дипломатические отношения, но многие уже говорили, что такое положение продлится недолго. Организатором всего мероприятия — заседания исполкома МОК, заседаний международных спортивных федераций — был Национальный олимпийский комитет Испании, но все мы ощущали постоянное присутствие будущего президента МОК Хуана Антонио Самаранча, занимавшего тогда высокое место среди «отцов» города Барселоны и, пожалуй, всей Каталонской провинции.

Гостиница «Принцесса София» на окраине Барселоны представляла собой в те несколько октябрьских дней эпицентр всего международного спортивного движения, избудораженного еще свежими в памяти событиями Монре-аля.

Предстоял отчет Оргкомитета «Олимпиада-80» на заседании исполкома МОК совместно с руководителями 21 международной спортивной федерации по летним олимпийским видам спорта. Перед МОК Оргкомитет отчитывался не впервые, но тут в дело вступала новая категория «контролеров» — федерации, которых интересовали не

общие вопросы подготовки к Играм, а предельно конкретные проблемы организации соревнований.

Вместе с «большой» официальной делегацией руководства Организационного комитета «Олимпиада-80» в Барселону прибыла и рабочая группа по вопросам организации соревнований. В нее кроме руководителей Управления спортивных программ входили специалисты и Международного управления, и Главного управления по строительству. Важно было согласовать с международными спортивными федерациями ряд спортивно-технологических вопросов подготовки и проведения соревнований, первый проект программы соревнований по дням, перспективные планы сотрудничества на 1976—1980 годы и планы на 1977 год.

Ехали мы, разумеется, не на пустое место. Всем федерациям были заранее направлены предложения о вопросах, которые предстояло обсудить на встречах в Барселоне, и это позволило нам при высочайшей насыщенности программы, включавшей заседания исполкома и комиссий МОК и АГФИ (Генеральной ассамблеи международных спортивных федераций), провести переговоры с каждой из федераций. Мы шутили тогда, что, если бы сами олимпийские соревнования в 1980 году проходили столь организованно и по расписанию, как здесь, в Барселоне, проходили переговоры, о лучшем и мечтать нечего!

А пока со спортивными федерациями согласовывались контуры будущих олимпийских соревнований — их сроки для каждого вида спорта. Из 21 федерации 17 согласились с расписанием сразу же без всяких оговорок. Это было попаданием если не в «десятку», то в «девятку» обязательно.

Не менее важным было рассмотреть с руководителями международных спортивных федераций планировку спортивных арен, размещение основных спортивно-технологических помещений в подтрибунных пространствах. Практически все федерации подтвердили правильность решений, которые были приняты проектировщиками спортивных объектов на основании выданных нами в 1975 году технических требований. Так, президент федерации плавания Хавьер Остос и почетный секретарь Роберт Хелмик с удовлетворением узнали, что соревнования по плаванию и прыжкам в воду будут проведены практически в двух самостоятельных залах бассейна на проспекте Мира, разделенных стенкой. Это позволяло значительно раньше заканчивать соревнования по прыжкам в воду, которые на предыдущих Олимпийских играх порою затягивались далеко за полночь.

Но Андриан Паулен и Фред Холдер сумели-таки высказать слабые места в легкоатлетической планировке большой спортивной арены стадиона имени Ленина. И в очередной раз подняли вопрос о создании козырька над трибунами. Пьер Ферри уточнил число фехтовальных паразек и их расположение в зале. Томас Келлер и Шарль де Кокремон — президенты двух гребных федераций — попросили построить дополнительную трибуну для спортсменов и тренеров на острове напротив центральной трибуны.

Для нас впоследствии оказалось весьма полезным и обсуждение с федерациями потребности в спортивных сооружениях для тренировок спортсменов в ходе Олимпийских игр. В основном количество тренировочных сооружений было нами выбрано правильно и учитывало прогноз количества участников и команд. Но Келлер и Кокремон здесь не были удовлетворены: по их мнению, нужно обязательно иметь дополнительную, хорошо развитую тренировочную базу на Москве-реке.

В Барселоне мы поставили практически перед всеми федерациями вопрос о необходимости создания средств магнитной видеозаписи, что позволило бы контролировать действия судей и способствовало повышению объективности их действия. Ряд федераций выступили с безоговорочной поддержкой, в частности федерация борьбы. Но немало президентов высказались категорически против. Видимо, они на том этапе еще опасались, что такая эффективная техника в руках советских организаторов позволит посягнуть на их собственные прерогативы в руководстве судейскими коллегиями...

Главным моментом работы делегации Оргкомитета в Барселоне было участие в совместном заседании исполкома МОК с международными спортивными федерациями. Официальный отчет Организационного комитета был встречен аплодисментами, затем президент МОК лорд Килланин объявил, что заседание переходит к обсуждению представленного ранее письменного отчета. Основным содержанием отчета были краткое описание спортивных сооружений и проект программы Игр по дням.

А дальше... дальше практически все руководители федераций заявили, что никаких вопросов по представленным документам, описаниям, отчету у них нет, по крайней мере, таких, которые заслуживают обсуждения здесь, на общем заседании. Если и есть какие-то детали, то они будут обсуждены непосредственно с делегацией Оргкомитета и его специалистами по организации соревнований.

Хотя были и отдельные исключения. Например президент федерации хоккея на траве Рене Франк подчелкнул, что до сих пор не решен вопрос, который заслуживает обсуждения и изучения, о том, каким должно быть поле для игры — искусственным или естественным. Тогда еще никто не мог предположить, что эти слова президента станут прологом затяжной эпопеи, о которой читателю предстоит узнать несколько позже...

Затем лорд Килланин предложил обсудить проект программы по дням, представленной не только в книжке-отчете, но и на громадном складном картонном плакате, который мы через всю Европу, сквозь несколько таможенных досмотров привезли сюда, в Барселону. Практически все федерации согласились с предложенным первым вариантом программы. Замечания, которые были высказаны, касались в основном вопросов, еще окончательно решенных самим МОК.

После заключительных благодарственных слов Килланина делегация, вновь под аплодисменты, вышла из зала. Настроение было сложное, двойственное. С одной стороны — удовлетворенность от оценки проделанной работы со стороны федераций, с другой — понимание, что этот этап — лишь начало того преодоления трудностей, которые неизбежно будут в таком сложном деле, как олимпийские соревнования.

С 1977 года, после того как была открыта штаб-квартира АГФИС в Монте-Карло, все генеральные ассамблеи этой организации стали проводиться в «игорной столице» Европы. Да и сама организация, которая первоначально называлась АГФИ — Генеральная ассамблея международных федераций, решила придать себе статус ассоциации и стала именоваться АГФИС (Генеральная ассоциация международных спортивных федераций).

И вот начиная с 1977 года мы приезжали в Монте-Карло в октябре на 5 дней и по заранее составленному и согласованному расписанию встречались с руководителями федераций. В среднем каждая такая встреча занимала от одного до двух часов, в течение которых в хорошем деловом темпе можно было обсудить все вопросы, нуждавшиеся в решении.

Дважды за период 1977—1980 годов в Монте-Карло на заседания федераций приезжала и делегация руководства Оргкомитета. Ее доклады и их обсуждение федерациями стали определенными этапами, закреплявшими достижения тех или иных итогов сотрудничества с МСФ. Практически оба отчета — и в 1978 и 1980 годах — прошли без всяких

вопросов со стороны руководителей федераций. И если после Ставрийских игр, в октябре 1980 года, мы вправе были не думать никаких вопросов — такие основания нам давали успешные итоги Игр, — то отсутствие вопросов в 1978 году, и ритмар подготовки, еще раз убедительно показало, что путь последовательной, тщательно спланированной работы с руководителями МСФ — путь единственно возможный для успешного решения тысяч разнообразных задач.

Вместе с тем, как, видимо, уже понял читатель из главы «Цели, планы, воплощение», каждый год, остававшийся до первого старта, порождал свои собственные трудности в решении задач именно этого, неповторимого года. Так, в 1977 году зарождалась одна из наиболее длительных и мучительных проблем подготовки олимпийских соревнований.

Когда через несколько месяцев после Олимпиады в Буденште корреспондент газеты «Непспорт» Деже Вад спросил, что в подготовке к Олимпийским играм оказалось для меня лично самым трудным, он получил ответ, который прошу считать абсолютно искренним: «Нет, не подготовка 2,5 тысячи советских судей и судейско-вспомогательного персонала и в целом подбор тех 5 тысяч человек, что составляли Управление спортивных программ в июле 1980 года, не разработка расписания по часам и минутам, не контроль за проектированием и монтажом трех десятков громидных демонстрационных табло, не выбор 110 тысяч единиц спортивного оборудования и инвентаря, а... издание 21 брошюры технических регламентов олимпийских соревнований по видам спорта на трех языках». Сложность состояла не только в том, что требовалось написать текст, содержащий все основные сведения о предстоящих соревнованиях, которыми руководствовались бы национальные олимпийские комитеты, национальные спортивные федерации, но и согласовать их с международными спортивными федерациями и Международным олимпийским комитетом, добиться строгого соответствия текстов на русском, французском и английском языках путем работы с издательствами «Физкультура и спорт», «Прогресс» и своевременно издать в Первой образцовой типографии.

В целом мы насчитали двадцать девять организаций, которые участвовали в выпуске этих технических регламентов.

Начало же работы по согласованию текстов регламентов было положено как раз в Монте-Карло в 1977 году. Мы привезли туда 21 текст на русском языке и на одном из двух

официальных языков МОК — французском или английском (это зависело от того, какой язык в федерации считался первым) и провели проработку этих текстов с руководителями каждой из международных федераций.

Пожалуй, путем именно такого раннего начала работы над техническими регламентами нам удалось обеспечить их своевременный выпуск. Даже такая мощная полиграфия, как канадская, не смогла помочь Оргкомитету Игр в Монреале выпустить регламенты своевременно — они вышли с опозданием на 1,5 месяца. По Олимпийской же хартии их следовало выпустить и разослать национальным олимпийским комитетам не позднее чем за год до открытия Игр.

Наконец, еще один важный вопрос, согласованный в Монте-Карло, — структуры судебных коллегий. Наша рабочая группа привезла туда проекты, разработанные на основе предшествующего опыта олимпиад и чемпионатов мира. Появилась возможность своевременно развернуть подготовку советского судейского и судейско-вспомогательного персонала именно в соответствии со структурой судебных коллегий будущих Олимпийских игр и по такой же схеме спроектировать судейские коллегии VII летней Спартакиады народов СССР 1979 года.

Переговоры в Монте-Карло были успешно проведены в 1978 и 1979 годах, когда последовательно развивалось сложившееся уже сотрудничество, рассматривались и ликвидировались дискуссионные проблемы, которые неизбежны в таком большом деле. Так, в переговорах 1978 года основное внимание было сосредоточено на отработке собственно методики проведения соревнований.

Встречи 1979 года были посвящены другой тематике: система подготовки и выдача пропусков, подача и обработка заявок на участие, численность и персональные списки зарубежных судей, структура директората по проведению соревнований. И, что особенно важно, были обсуждены итоги организации соревнований VII Спартакиады народов СССР. Какие изменения следует внести в организацию, какие технические средства улучшить, а какие заменить — все это рассматривалось скрупулезно, но доброжелательно.

После Игр закономерным и необходимым для будущего итогом нашего сотрудничества явилось участие делегации Оргкомитета в заседании руководителей международных спортивных федераций по олимпийским видам спорта в октябре 1980 года — после успешного проведения Московской олимпиады. Это заседание ознаменовалось

поллиным триумфом организации спортивных соревнований Игр XXII Олимпиады.

ПОСТИЖЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВА

Наступил июль 1979 года — пора VII летней Спартакиады народов СССР. Как помнит читатель, Спартакиада была определена в качестве одного из этапов проверки готовности к проведению спортивных соревнований Игр XXII Олимпиады.

Разумеется, значение Спартакиады выходило далеко за рамки просто контрольного соревнования, или, как ее иногда называли, генеральной репетиции, — она была крупнейшим международным соревнованием с участием спортсменов из многих стран. Благодаря участию в Спартакиаде спортсмены и нашей страны, и других стран получили возможность соревноваться в условиях, приближенных к олимпийским. Это, кстати, стало еще одним воплощением в конкретных действиях стремления советских организаторов Игр создать наиболее равные условия для спортсменов всего мира. Те национальные олимпийские комитеты, которые пожелали предоставить своим спортсменам возможность заранее опробовать олимпийские спортивные сооружения, смогли это сделать.

Спартакиада была контрольным мероприятием и для международных спортивных федераций. Шестнадцать из них направили своих представителей на эти соревнования, причем тринадцать были представлены президентами.

Мы воспользовались их пребыванием в Москве для того, чтобы еще раз уточнить отдельные, не согласованные ранее детали проведения олимпийских состязаний и вместе с ними проконтролировать работу судейских коллегий.

Было сочтено необходимым по итогам Спартакиады народов СССР еще раз встретиться с представителями всех международных спортивных федераций на очередном заседании перед Генеральной ассамблеей АГФИС в октябре в Монте-Карло.

Пожалуй, наиболее емкой и показательной характеристикой этого этапа подготовки служит то краткое резюме соревнований Спартакиады, которое было сделано в моем докладе перед руководителями международных спортивных федераций. Вот некоторые выдержки из него.

«Нет необходимости подчеркивать, что на протяжении всего периода подготовки к Олимпийским играм в Москве у

нас сложились деловые отношения с каждой международной спортивной федерацией. Оргкомитет «Олимпиада-80» последовательно реализует долговременные планы сотрудничества с каждой федерацией, разработанные в 1976 году. Практически все спортивно-технологические вопросы, предусмотренные планом, на сегодня согласованы. Многие решения, принятых совместно, было проверено в ходе соревнований VII летней Спартакиады народов СССР, которая содержала все дисциплины, входящие в программу Олимпиады-80. Практически половина олимпийских спортивных сооружений была использована для соревнований Спартакиады, включая все объекты Центрального стадиона имени В. И. Ленина, велокольцо и канал в Крылатском, спорткомплекс ЦСКА, олимпийское поле для стрельбы и лука, стрельбище «Динамо» в Мытищах и парусный центр в Таллине. В целом сооружения были одобрены вами — руководителями федераций, спортсменами, тренерами и представителями команд. Хотел бы также поблагодарить вас за полезные замечания и пожелания, которые обязательно будут приняты во внимание на заключительном этапе подготовки этих сооружений к проведению олимпийских соревнований. Мы понимаем, что уровень проведения олимпийских соревнований должен быть выше, чем уровень Спартакиады. Мы сделаем сегодня все, что в наших силах, чтобы завершить успешно и в срок строительство и реконструкцию олимпийских спортивных сооружений, таких, как Олимпийский конноспортивный комплекс профсоюзов, Дворцы спорта для тяжелой атлетики, ручного мяча, баскетбола, бокса, стадион для хоккея, плавательный бассейн и велодром. Строители обещают завершить эти сооружения в основном к концу 1979 года.

В ходе подготовки и проведения финалов Спартакиады мы стремились достичь большой преемственности в спортивной технологии между Спартакиадой и Олимпийскими играми. Соревнования по многим олимпийским видам спорта проводились согласно правилам международных спортивных федераций и с участием зарубежных судей. Технология проведения Спартакиады практически совпадала с технологией проведения олимпийских соревнований. Судьи на Спартакиаде успешно использовали судейскую документацию, разработанную согласно олимпийской модели. Это было важным не только для судей, но и для специалистов АСУ «Олимпиада», представителей прессы и участников. Практически все оборудование, созданное советскими производителями, которое будет использоваться на Олим-

ийских играх, и часть оборудования, предоставленного для Игр зарубежными фирмами, использовалось в ходе стартов Спартакиады. В основном оно показало свои высокие качества. В то же время были вскрыты и некоторые недоработки, обнаруженные тренерами, спортсменами, судьями, другими специалистами. Могу заверить вас, что замечания будут приняты во внимание. Проверено было также и оборудование для определения результатов и их демонстрации. Подавляющее большинство этих приборов и аппаратов показало свои высокие качества. ...Решены все вопросы создания антидопинговой службы Олимпийских игр. Сегодня она оснащена самым современным оборудованием для анализа биологических проб. Завершена подготовка персонала, продумана и апробирована на Спартакиаде система перевозки проб из антидопинговых пунктов на спортивных сооружениях в Антидопинговый центр Олимпийских игр. Для нас весьма ценными были замечания и предложения, высказанные на заседаниях Медицинской комиссии МОК, недавно заседавшей в Москве. ...Сегодня мы вступаем в наиболее важный период нашей совместной работы — определение списка судей, которые будут проводить Олимпийские игры, как советских, так и зарубежных, организация их аккредитации. Как вам известно, Оргкомитет вместе с нашими национальными федерациями обращал большое внимание на подготовку наших отечественных судей. Конкурс «Олимпийский арбитр» привлек более полумиллиона судей по летним олимпийским видам спорта. Соревнования Спартакиады проводили 2874 лучших советских судьи, и большинство из них будет включено в состав судейско-вспомогательного персонала Игр XXII Олимпиады. Было очень важным, что судейские коллегии Спартакиады работали строго в соответствии с олимпийской структурой. ...Организационный комитет «Олимпиада-80» планирует создать в каждом виде спорта для проведения Олимпийских игр директорат, который будет работать в контакте и сотрудничестве с вами как на протяжении заключительной подготовки к олимпийским соревнованиям, так и на самих Олимпийских играх. Сейчас формируется состав этих директоратов, в которые войдут наряду с руководителем, также президент и генеральный секретарь советской федерации по виду спорта, старший советский представитель в международной спортивной федерации, председатель Всесоюзной коллегии судей по виду спорта».

После Спартакиады наступило время отработки той

организационной идеи, которая не очень афишировалась и точного названия не получила, хотя иногда именовалась «централизация-децентрализация». С одной стороны, максимально передавались полномочия по проведению соревнований на объектах руководителям директоратов по видам спорта до такой степени, что они могли бы продолжать работу, даже если бы вдруг Управление спортивных программ перед началом соревнований было бы ликвидировано. В дополнение на каждом объекте было создано формирование, в которое, в свою очередь, входил директорат, — оперативный центр, объединявший в себе, по существу, все службы данного спортивного сооружения. Децентрализация давала возможность руководителям международных федераций реализовать в полной мере ту руководящую роль в проведении соревнований, которая поручена им Хартией.

С другой стороны, существовала централизация тех функций, которые отличают олимпийские игры от простой суммы чемпионатов мира, — сбор и предварительная обработка заявок, создание единого комплекса для проведения жеребьевок, организация тренировок национальных команд, информация руководителей делегаций, обобщение ежедневных итогов соревнований, организация и обеспечение работы зарубежных и советских судей и многое другое.

Исходя из этой идеи в течение многих месяцев шла подготовка будущих руководителей директоратов по видам спорта к тому, чтобы во время Игр полностью принять на себя ответственность за ход соревнований. И каждый из них удостоился высших похвал руководителей авторитетнейших международных организаций своего вида спорта. И каждый из них по праву может гордиться вкладом, который внес в международное спортивное сотрудничество.

С начала 1980 года развернулась работа по формированию пятитысячного коллектива Управления спортивных программ — его директоратов и служб. Для этой цели пришлось в составе управления даже образовать специальный отдел. За два месяца до Игр, к началу контрольных соревнований, управление вышло на свой олимпийский количественный уровень.

ЭСТАФЕТА ЧЕТЫРЕХ „М“

Изучению предшествующего опыта организации и проведения Олимпийских игр Оргкомитет уделял громадное внимание с первых же дней его работы. Существовал даже

специальный отдел по изучению опыта, помогавший буквально каждому подразделению. Однако в каждом большом деле успех в конечном счете зависит не только и не столько от общих подходов, сколько от инициативы и ответственности каждого руководителя и исполнителя. Поэтому на первом, примерно двухлетнем, этапе работы Оргкомитета важным было изучение каждым работником Управления спортивных программ опыта предшественников и, что не менее важно, обобщение в своей конкретной проектной и организаторской работе своего личного собранного годами, десятилетиями по отдельным крупицам опыта.

Важным моментом в освоении олимпийского опыта стал для меня 1968 год, поездка на первые в моей жизни олимпийские игры в Мехико. В Мехико я пробыл больше трех недель, этот период захватил не только сами Игры, но и заключительные дни подготовки и период непосредственно после Игр. Так что у меня была возможность собрать практически все доступные тогда материалы, относящиеся к организации и техническому оснащению олимпийских соревнований.

Правда, с руководителями спортивной программы Оргкомитета Игр мне так и не удалось встретиться ни тогда, на Играх, ни в последующем—уже после создания Оргкомитета «Олимпиада — 80». Однако большую пользу принесли встречи и беседы с Артуром Такачем, который в течение нескольких лет после Мексиканских игр был техническим директором МОК, в период подготовки к Мексиканской олимпиаде консультировал Оргкомитет, в частности его секцию, проводившую соревнования по легкой атлетике. Беседа с Артуром в июне 1975 года в Ленинграде оказалась весьма полезной для перспективного планирования деятельности Управления спортивных программ. В этой и последующих беседах полезным было еще и то обстоятельство, что разговор шел на «легкоатлетическом» языке, и это позволяло на материале легкой атлетики делать более понятными вопросы и проблемы, охватывавшие спортивную олимпийскую программу в целом.

Очередным этапом освоения технологии соревнований стали Игры 1972 года в Мюнхене. Контакты с аппаратом Оргкомитета в тот период были незначительными. Президент Федерации легкой атлетики ФРГ доктор Август Кирш организовал для меня встречу с руководителями соревнований по легкой атлетике и администрацией Олимпийского стадиона. В течение трех часов руководители стадиона и

директората соревнований по легкой атлетике знакомили со своей системой помещений, задействованных в проведении соревнований, с техническими средствами и, что оказалось впоследствии особенно важным, с олимпийским вычислительным центром фирмы «Сименс», расположенным там же, на Олимпийском стадионе.

Символическое стечение обстоятельств: на самой верхней отметке стадиона в просторной кабине хронометража состоялась моя первая, пока еще случайная, встреча с делегацией группы технических специалистов Оргкомитета Олимпийских игр в Монреале. Было их человек около двадцати. Не думал тогда, что всего через четыре года, осваивая олимпийскую соревновательную технологию, вот так же, как они в Мюнхене, буду с группой сотрудников Московского оргкомитета переходить от аппарата к аппарату в кабине хронометража Олимпийского стадиона Монреала.

Через три года, после того как был сформирован Оргкомитет «Олимпиада-80», состоялась моя первая встреча с Эрнстом Кнозелем, моим предшественником на посту начальника Спортивного управления Оргкомитета Олимпийских игр. Благодаря предварительной договоренности с бывшим президентом Оргкомитета Игр 1972 года, президентом НОК ФРГ Вилли Дауме (он еще не раз проявлял добрую волю и заинтересованность в сотрудничестве с Оргкомитетом «Олимпиада-80»), к нам приехали Эрнст Кнозель, его заместитель Клаус Виллинг, который отвечал в Управлении за вопросы планирования и взаимодействия с международными федерациями, третьим членом делегации был Зигфрид Перрей, в Оргкомитете Мюнхена он был руководителем центра координации и управления.

Во время этого визита мы сумели почерпнуть очень много нового для нас. Это касалось и организации взаимоотношений с международными спортивными федерациями, и формирования Управления спортивных программ, или, как оно называлось в Мюнхене, отдела спорта.

В 1977 году Эрнст Кнозель вновь посетил Москву и встречался почти с каждым сотрудником нашего, к тому времени уже многочисленного, управления.

В 1975 году начался следующий этап преемственности в работе спортивных управлений оргкомитетов трех олимпиад. На этот раз нашим добрым советчиком стал Вальтер Сибер — относительно молодой тогда, энергичный руководитель, ставший начальником Управления спорта после смерти занимавшего этот пост вице-президента Оргкомите-

на Игр в Монреале Пьера Шарбонно. Встретились мы с Вальтером в первый раз в декабре 1975 года в Монреале.

Тогда состоялась лишь краткая беседа с Сибером, хотя и от нее можно было постичь основные направления его деятельности. Через несколько месяцев, в феврале 1976 года, была направлена еще одна делегация, которая привезла от Вальтера Сибера и его сотрудников весьма полезный материал, относившийся к заключительному этапу подготовки к Играм.

Стоит здесь сказать немало благодарных слов в адрес Оргкомитета Олимпийских игр в Монреале, в частности в адрес Сибера, за помощь во время самих Игр 1976 года. Нашим специалистам были предоставлены максимальные возможности для изучения опыта проведения соревнований. Мы получили аккредитационные карточки, открывавшие для большинства членов делегации Оргкомитета, а также для тех работников Управления спортивных программ, которые приехали в составе делегаций Спорткомитета СССР и на заседания международных спортивных федераций, доступ к тем местам соревнований, спортивно-технологическим, техническим и другим зонам, которые представляли для нас интерес. В Монреале опыт проведения спортивных соревнований изучали 11 работников нашего управления, что предоставило возможность собрать объемный материал, сослуживший впоследствии большую и полезную службу.

Приезд Вальтера Сибера в Москву специально для работы с нашими сотрудниками был организован в декабре 1977 года. Сибер, как и Кнозель, подолгу беседовал не только с руководителями управления, но и практически со всем его коллективом.

Впрочем, лучше вспомнить, что об этом говорил сам Вальтер в ноябре 1979 года в интервью монреальской газете «Ля Пресс». Беседе с ним газета предпослала текст:

«Никто так не уверен в успехе Игр в Москве, как бывший генеральный директор Оргкомитета Олимпийских игр 1976 года в Монреале Вальтер Сибер. Дело не только в том, что Сибер находился в постоянном контакте с советскими представителями до и во время Олимпийских игр в Монреале, а также приезжал в Москву. «Они исписали тонны бумаги! — рассказывает Сибер. — А какие они прекрасные собеседники! Ничего не упустят. Если вас просят с ними встретиться, значит, разработан подробный план работы. Распорядок дня точен и насыщен. Рабочий день начинается в 9.30 и заканчивается к ужину. Ни одна минута не пропадает

даром. Советские организаторы хотели знать, как вести переговоры с международными спортивными федерациями. До какого предела можно обсуждать с ними их требования, нужно ли следить за текущей деятельностью этих федераций... Потом они задали тысячи вопросов непосредственно в местах проведения соревнований. Обсуждалось все: выбор оборудования, переговоры с поставщиками, вопросы приоритета определенных видов спорта, повседневная работа специалистов по видам спорта, расписание и т. п. Казалось сначала, что советскому руководству придется доверить некоторые ключевые посты опытным иностранцам. Однако был избран путь консультаций и постепенной подготовки таким образом, штата собственных специалистов. Итак, после Игр СССР будет располагать еще большим числом разного рода спортивных специалистов».

За несколько месяцев до этого Москву еще раз посетила делегация бывшего Оргкомитета в Мюнхене. На этот раз с Кнозелем приехала Бригитта Шмитц. Бригитта работала в двух Оргкомитетах — и в Мюнхене, и в Монреале. Помощь ее нашему управлению трудно переоценить. Это определялось и ее большим опытом, и важностью тех вопросов, которые она вела в обоих Оргкомитетах: сбор и предварительная обработка заявок, получаемых от национальных олимпийских комитетов. Еще в 1976 году во время первой беседы с Бригиттой Шмитц в пункте сбора и предварительной обработки заявок в Олимпийской деревне Монреаля мы договорились о планах нашего дальнейшего сотрудничества. Шмитц привезла в Москву материалы по системе обработки заявок, формы заявочной документации. И ее беседы с Леонидом Юрьевичем Марковичем, будущим руководителем Службы главного секретариата Московской олимпиады, оказались для него весьма полезными. А что оказалось особенно ценным — полученные от нее материалы позволили нам сэкономить немало времени, которое мы в противном случае потратили бы на разработку методики работы, да и самих форм заявочной документации.

Одним словом, планирование работы Управления спортивных программ и многие ее результаты явились итогом не только наших собственных поисков, но и эффективного внедрения того положительного опыта, который мы почерпнули из общения с нашими предшественниками — с руководителями спортивных управлений двух предыдущих Оргкомитетов.

Закономерно, что в соответствии с традицией Оргкомитет пригласил на Московскую олимпиаду в качестве по-

иных гостей Вальтера Сибера и Бригитту Шмитц. Это было знаком признания их помощи, их бесспорных заслуг в подготовке к проведению олимпийских соревнований в Москве.

Важнейший вопрос при любом изучении опыта предшественников — вопрос о соотношении традиций и новаторства. Вопрос этот стоял и перед нами — теми, кто разрабатывал спортивную программу Московской олимпиады. В данном случае проблема эта приобретает своеобразный характер: в основу кладутся правила и требования международных спортивных федераций, отвечающих за проведение спортивных соревнований перед международной спортивной общественностью.

Одна, преобладающая, относительно стабильная, часть правил и требований, мало изменяющаяся со временем, является основой. Но есть и другая, вариативная, часть, изменяющаяся от одной олимпиады до другой. Проблема традиций и новаторства в наибольшей степени касается как раз преимущественно этой вариативной части. Традиции же есть предмет тщательного изучения опыта своих предшественников.

..Но вместе с удовлетворенностью объемом и результатами нашего международного сотрудничества в освоении предшествующего опыта возникло тем не менее ощущение того, что многое в этом деле должно быть построено по-иному. Каждый очередной организационный комитет вынужден начинать почти «с нуля».

По-видимому, давно пора в секретариате МОК в Лозанне иметь постоянный, непрерывно пополняемый и обновляемый фонд инструктивных и справочных материалов. Тогда в гораздо большей, чем сейчас, степени организация олимпийских соревнований будет опираться на бесценный предшествующий опыт. И трудно даже подсчитать, сколько будет при этом сбережено материальных и иных ресурсов.

ТОВАРИЩ ТЕХНИЧЕСКИЙ СОВЕТНИК

Начало 1979 года ознаменовалось для нас напряженной работой над техническими регламентами, о которых читатель уже знает. И когда обращаешься к этому спустя много месяцев после завершения работы, понимаешь, что она не могла бы быть выполнена в установленные Олимпийской хартией сроки без активной помощи и товарищеского участия в этой работе почетного технического советника Международного олимпийского комитета, председателя

комиссии МОК по программе Игр, большого нашего друга товарища Арпада Чанади, генерального секретаря Национального олимпийского комитета Венгрии.

Что же за должность «почетный технический советник»? Читатель, наверное, обратил внимание на то, что в свое время техническим директором Международного олимпийского комитета был Артур Такач. Такая должность существовала наряду с должностью директора Международного олимпийского комитета, которую в течение многих лет занимает Моник Берлю, руководящая штатом примерно из 30 человек, постоянно работающих в штаб-квартире МОК в Лозанне.

После югослава Артура Такача долгое время техническим директором, то есть человеком, отвечающим за взаимодействие МОК с международными спортивными федерациями, был англичанин Генри Бэнкс. На первых этапах деятельности Организационного комитета «Олимпиада-80» мы согласовывали с Бэнксом такие подготовленные нами документы, как, например, программа по дням, типовая структура технического регламента по виду спорта. К сожалению, контакты с Генри Бэнксом, уже далеко не молодым человеком, были недолгими. В начале 1977 года он скончался. Руководство МОК долго не могло принять решение о его преемнике. И в конце концов родилась идея назначить должность технического директора, а пригласить замещающего советника по спортивно-техническим вопросам Арпада Чанади.

Решение это было весьма удачным по многим причинам. Прежде всего Арпад Чанади прекрасно знал большинство видов спорта, включенных в олимпийскую программу. Это и понятно: на протяжении многих лет возглавляя комиссию МОК по программе, он в совершенстве изучил структуру вида спорта, его распространение во всем мире для того, чтобы иметь возможность вместе со своими коллегами по комиссии судить о правомерности присутствия того или иного вида спорта, той или иной спортивной дисциплины в программе олимпийских игр.

Комиссия МОК по программе в течение многих лет занимает весьма прогрессивные позиции в международном олимпийском движении прежде всего благодаря тому, что она разработала объективные критерии включения видов спорта в олимпийскую программу. Характерной для современной олимпийской программы является развившаяся комиссией Чанади тенденция к ее стабильности. Это позволяет спортивным организациям стран, национальным

олимпийским комитетам, национальным спортивным федерациям сосредоточивать свое внимание на долговременных программах развития того или иного вида спорта.

Име не будучи техническим советником МОК, Арпад Чанади сделал ряд очень существенных замечаний по структуре проекта программы Олимпийских игр в Москве. Они носили скорее технический, а не принципиальный характер, но были для нас весьма ценными и позволили в кратчайший срок доработать программу перед ее публикацией и печати.

Но наиболее существенная помощь была оказана Арпадом Чанади при выпуске технических регламентов по видам спорта. Он прочел как английский, так и французский вариант верстки технических регламентов и сделал немало полезных замечаний. В частности, ликвидировал разночтения, которые были в различных вариантах регламентов, привнес их в систему, которая у нас, к сожалению, порой отсутствовала. Как вице-президент Медицинской комиссии МОК (в перечень его должностей входила и такая), он сообщил нам, что одно и то же значение пункта, относящегося к допинг-контролю, в регламентах по разным видам спорта формулируется по-разному, и это может во время Игр привести к ошибочным толкованиям этого пункта.

Трудно переоценить роль Арпада Чанади на очередном этапе подготовки к олимпийским соревнованиям в Москве — этапе согласования с международными спортивными федерациями количества международных судей по каждому виду спорта.

Уже в ноябре 1979 года по согласованию с нами Арпад Чанади представил на утверждение исполкома МОК, заседавшего в японском городе Нагоя, расчеты того количества судей, которое должно по каждому виду спорта быть предоставлено страной-организатором и какое прибудет из-за рубежа. По нашему глубокому убеждению, судейские коллегии на Московской олимпиаде благодаря правильно выбранному соотношению советских и зарубежных судей носили действительно интернациональный характер. Эта тенденция должна развиваться и впредь.

Читатель из предыдущих глав уже знает, что олимпийские соревнования организует и проводит триада, состоящая из Международного олимпийского комитета, международной федерации по виду спорта и организационного комитета, представляющего страну — организатора Игр. Но глубочайшему моему убеждению, Арпад Чанади достой-

но представлял в этой триаде Международный олимпийский комитет.

Во время самих Олимпийских игр каждое утро служба главного секретариата готовила для руководства исполкома Международного олимпийского комитета и представляла через Арпада Чанади отчет о предыдущем дне соревнований. Структура этого отчета была более чем за год до Игр разработана и согласована с Арпадом буквально в мельчайших деталях. Сумма этих отчетов — своеобразная летопись Московской олимпиады.

Каждое олимпийское утро начиналось у нас с того, что мы с Арпадом по телефону обсуждали итоги предыдущего дня Игр, оговаривали возможные ожидаемые ситуации.

Мне думается, что Арпад Чанади в очень большой степени олицетворял то прогрессивное крыло Международного олимпийского комитета, позиции которого в последние десятилетия становятся все более и более прочными. И в том, что Олимпиада в Москве неизмеримо укрепила связи МОК и международных спортивных федераций и их сотрудничество, — немалая его заслуга.

...Большим горем для всех его друзей в Советском Союзе стала смерть Арпада Чанади после тяжелой болезни в начале 1983 года.

ЕДИНЕНИЕ

Пожалуй, наиболее чувствительной лакмусовой бумажкой, по которой можно оценить степень нашего сотрудничества с международными спортивными федерациями, послужила ситуация, создавшаяся начиная с января 1980 года в олимпийском движении в результате действий бывшего президента США Джеймса Картера — действий направленных на организацию бойкота Игр XXII Олимпиады.

Много написано об эгоистических мотивах этих действий, о том, как объединенными усилиями международная спортивная общественность противостояла этим действиям, направленным не только на срыв Московской олимпиады, но и на подрыв международного олимпийского движения. Повторяю, критерием позитивного характера каждой из международных или национальных спортивных организаций служила степень ее настойчивости, ее активности в предотвращении кампании бойкота.

Безусловным лидером в борьбе против грязного политического шантажа стал Международный олимпийский

комитет. На сессии в Лейк-Плэсиде в единодушно одобренной всеми присутствовавшими там членами МОК резолюции содержалась однозначная поддержка проведения Олимпийских игр в Москве.

Спустя несколько недель Ассоциация национальных олимпийских комитетов стран мира (АНОК) во главе с Марио Вакесом Ранья единодушно высказалась в поддержку Московской олимпиады. Резолюция, принятия АНОК, была весьма серьезным этапом в борьбе против попыток бойкота.

Наконец, следующим значительным этапом борьбы стало заседание исполкома МОК совместно с президентами и генеральными секретарями международных спортивных федераций, проведенное в апреле 1980 года в Лозанне. Здесь проявилось единодушие руководителей международного спортивного движения, осудивших попытки бойкота Игр. Президент АГФИС Томас Келлер проявил максимальную настойчивость в объединении усилий федераций по поддержке Московских игр. До нас дошли сообщения, что он даже несколько раз подверг критике некоторых деятелей олимпийского движения за то, что, по его мнению, после принятого в Лейк-Плэсиде исключительно важного решения о безоговорочной поддержке Игр была на некоторое время снижена активная деятельность против попытки бойкота.

Повторяю, лидеры спортивного движения были единодушны. Вот лишь несколько примеров. Положение принца Филипа, герцога Эдинбургского, президента Международной федерации конного спорта, было, конечно, сложным. Но в ходе заседаний в Лозанне принц Филип принял активное участие в разработке текста резолюции, принятой международными спортивными федерациями, в которой содержалась безоговорочная поддержка деятельности Оргкомитета «Олимпиада-80» по подготовке олимпийских соревнований в Москве.

Читателю еще предстоит узнать о том, какими простыми были взаимоотношения с президентом Федерации хоккея Рене Франком при выборе типа искусственного покрытия. Но вот другая грань нашего сотрудничества, раскрывшаяся в период борьбы против попытки бойкота. Там, в Лозанне, первая же фраза, которую произнес Франк по время нашей встречи, была:

— Несколько дней назад я провел в Дели большую пресс-конференцию, на которой говорил о несправедливости действий, направленных на бойкот Игр. Я заявил, что

федерация предпримет все необходимые действия, чтобы обеспечить полноценные олимпийские турниры по хоккею на траве.

Один из самых волнующих эпизодов, оставивших неизгладимый след в памяти, — последние минуты исторического заседания в Лозанне — заседания, на котором руководители международных спортивных федераций дали единодушный отпор попыткам бойкотировать Московские олимпийские игры.

Важны были, разумеется, не только резолюции, но и активная организаторская работа, и в первую очередь с национальными олимпийскими комитетами. Президент Международной федерации волейбола Поль Либо в этой ситуации не произносил громких слов ни с трибуны, ни во время переговоров. Он просто начиная с января 1980 года всегда имел хорошо проработанный вариант списка команд—участниц олимпийского волейбольного турнира, предусматривающий необходимые замены. По его словам, это была лучшая из гарантий того, что никакие случайности или никакие действия противников Олимпиады не помешают проведению полноценного олимпийского турнира по волейболу, турнира, который, как и предусмотрено регламентом, будет в любом случае состоять из 10 мужских и 8 женских команд.

Благодаря усилиям всей международной спортивной общественности широкое представительство на Играх в Москве нанесло решительный удар по проводившейся администрацией Картера политике, направленной на бойкот Игр XXII Олимпиады. По всем без исключения видам спорта было обеспечено полное, в строгом соответствии с Олимпийской хартией, представительство спортсменов, которое позволило разыграть все без исключения комплекты олимпийских наград.

Всесторонняя оценка этого сложнейшего периода олимпийской истории была дана через полтора года на XI Олимпийском конгрессе в Баден-Бадене. Руководители олимпийского движения были единодушны, отмечая, что накануне Игр олимпийское движение столкнулось с острейшими проблемами политического характера. Весь мир оказался свидетелем политического насилия над спортом, попытки использования его в корыстных целях. Разного рода пропагандистские кампании против Игр в Москве не прекращались практически в течение всего периода их подготовки. Беспрецедентные действия администрации США и правящих кругов некоторых других стран, преследо-

являвшихся политическими целями, в 1980 году создали реальную угрозу раскола олимпийского движения.

В этот сложный период наша страна сделала все для того, чтобы оградить олимпийское движение от политической истерии.

Сплоченность и солидарность в борьбе за само будущее олимпизма продемонстрировали МОК, международные спортивные федерации, большинство национальных олимпийских комитетов.

Попытки сорвать Игры в Москве потерпели сокрушительный провал.

Отмеченный всей прогрессивной мировой общественностью беспрецедентный успех Московской олимпиады является и личным достижением каждого, кто внес свой вклад в ее проведение, кто проявил непреклонную решимость оградить олимпийские идеалы от враждебного политического вторжения.

ДВАДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ УСПЕХА

Международная любительская легкоатлетическая федерация (ИААФ) образована в 1912 году. В нее входит около 170 национальных федераций. Федерация легкой атлетики СССР вступила в ИААФ в 1947 году.

Президентом федерации в 1976—1981 годы был Адриан Паулен (Нидерланды), по профессии горный инженер, в годы второй мировой войны — бригадный генерал. В момент избрания Паулену было 74 года.

Оргкомитет «Олимпиада-80» и его Управление спортивных программ за все годы сотрудничества с Адрианом Пауленом ни разу не были им разочарованы. Трудно назвать сегодня, спустя десятилетие после нашей первой встречи, все без исключения причины этого. Наверное, прежде всего тот факт, что наша, советская, федерация много десятилетий провела в теснейшем сотрудничестве с ИААФ, хотя это можно сказать о доброй половине федераций.

Наконец, может быть, попросту сработал фактор времени — еще в 1972 году на конгрессе ИААФ в Мюнхене меня избрали в состав Технического комитета федерации, занимающегося вопросами разработки правил соревнований по легкой атлетике.

Важнейшим итогом предыдущих контактов стало заявление о том, что, учитывая значительный опыт советских судей и организаторов соревнований, федерация считает возможным, чтобы разработка расписания соревнований по легкой атлетике Московской олимпиады была начата практически «с чистого листа». Первый же вопрос разработки программы, который был согласован нами с ИААФ, — предложение о том, чтобы день отдыха в легкоатлетических соревнованиях, который на предыдущих Играх был после первых четырех дней, разбивая соревнования по легкой атлетике на две равные части, был в Москве проведен после пятого дня. Исходя из подготовленного уже тогда проекта общей программы Олимпийских игр, это давало возможность полуфинальный матч по футболу провести в свободный день. Для нас это было важным, в этом случае не

происходила встреча на подходах к Центральному стадиону имени В. И. Ленина двух стотысячных зрительских потоков — легкоатлетического и футбольного.

Согласие ИААФ полностью доверить нам разработку программы было добрым началом и вызвало к жизни немало интересных предложений по ее формированию.

Созданная при Оргкомитете «Олимпиада-80», Всесоюзной федерации и Управлении легкой атлетики Спорткомитета СССР творческая группа, в которую вошли и опытные наши судьи: Николай Кузьмич Калинин, Владимир Борисович Гарбер, Анатолий Николаевич Михайлов, и представители относительно молодого поколения специалистов И. Д. Самотесов и Л. Ю. Маркович, уже через год представила свои предложения, которые были обсуждены с руководителями международной федерации в Москве весной 1977 года. В принципе программа была одобрена. Адриан Паулен говорил тогда в интервью, опубликованном в газете «Советский спорт»: «Организаторы Московских игр выдвинули целый ряд очень интересных и, что важно, научно обоснованных предложений. Подход к решению некоторых проблем абсолютно нов. Хочу выразить мнение, что подготовка к Московским олимпийским играм идет отлично. Оргкомитет намного опережает необходимый график».

Это мажорное интервью достойно завершило переговоры в Москве, которые оказались и длительными, и сложными. Определялось это тем, что предстояло рассмотреть не только программные проблемы, но и, пожалуй, наиболее важный вопрос, относящийся к подготовке олимпийских соревнований, — их материально-техническую базу. В число вопросов, входивших в это понятие, входили планировка спортивной арены, подтрибунных помещений, выбор типа искусственного покрытия беговых дорожек и секторов Большой спортивной арены Центрального стадиона имени В. И. Ленина, определение перечня спортивного оборудования и инвентаря для проведения состязаний (по правилам проведения легкоатлетических соревнований снаряды для метаний, другой инвентарь и оборудование спортсменам предоставляют организаторы).

Готовясь к этим переговорам, мы (вместе со мной советскую сторону представляли председатель Всесоюзной федерации первый вице-президент ИААФ Леонид Сергеевич Хоменков и начальник Управления легкой атлетики Спорткомитета СССР будущий руководитель директората олимпийских легкоатлетических соревнований Анатолий Нестерович Ефименко) сознавали, что это будет наиболее

сложным вопросом, учитывая, что наш, отечественный, легкоатлетический инвентарь не пользовался широким распространением в мире. Оргкомитет же с самого начала поставил перед собой задачу добиться того, чтобы спортсмены, приехавшие в Москву на олимпийские состязания, встретили на спортивных аренах наиболее распространенный во всем мире спортивный инвентарь — тот, который они повседневно привыкли использовать на своих тренировках.

Но поскольку мы не хотели находиться в зависимости от тех зарубежных фирм, которые производят наиболее распространенные в мире модели спортивного инвентаря и оборудования, был разработан и предложен федерации пути решения этого вопроса, который позволял нам сохранить независимость окончательных наших действий, но вместе с тем в согласии с мнением ИААФ. Путь этот состоял в следующем: на основе изучения всего разнообразия оборудования и инвентаря, которые выпускались к тому времени ведущими фирмами мира, мы подготовили перечень, значительно более широкий, чем то количество моделей, которое требовалось для Игр. Простой пример: в толкании ядра мы представили перечень из восьми моделей с примечанием, что Оргкомитету предоставляется право избрать пять моделей ядер из восьми, значащихся в этом перечне. Кстати, такой принцип был применен нами не только в легкой атлетике, но и в ряде других видов спорта. Руководителей ИААФ, как, впрочем, впоследствии и почти всех остальных федераций, удалось убедить, что этот принцип разумный, деловой и, главное, не затронет интересы спортсменов. В результате был подписан соответствующий протокол, и это развязало нам руки в переговорах с зарубежными фирмами, позволяло нам давать жесткий отпор тем из них, которые захотели использовать Московскую олимпиаду в своих меркантильных целях, а не для того, чтобы внести свой закономерный вклад в развитие мирового спорта.

Спустя годы, обобщая в комплексе фактов, встреч, совместных дел и забот весь опыт работы с руководителями федераций, обращаю внимание на одно, пожалуй наиболее существенное, качество: после единожды принятого совместно с Оргкомитетом решения руководство ИААФ уже никогда, вплоть до самих Игр, от него не отступало и, что особенно ценилось нами, отражало всяческие попытки ревизии этого решения со стороны кого бы то ни было.

Приведу один пример. После того как нами и ИААФ было практически согласовано расписание олимпийских соревнований по часам и минутам, американская телевизи-

онная компания Эн-Би-Си, которая получила от Оргкомитета монопольное право трансляции Олимпиады на территории Соединенных Штатов Америки, подняла вопрос о том, чтобы соревнования по марафонскому бегу были проведены не в пятницу 1 августа, в заключительный день легкой атлетики, а в субботу — отдельно от всей динамичной программы легкоатлетических соревнований. Американцев можно было понять: они хотели марафонский бег в субботний выходной день использовать для того, чтобы на протяжении двух с половиной часов этого бега насытить свой телевизионный эфир рекламными включениями, за которые могли получить дополнительную кругленькую сумму.

Нас же это предложение ставило в исключительно сложные условия организации транспорта и всего олимпийского хозяйства в этот хорошо сбалансированный предпоследний день Олимпийских игр.

Так вот это предложение Эн-Би-Си получило немедленный жесткий отпор со стороны руководителей международной федерации на афинской сессии Международного олимпийского комитета в 1978 году.

Что касается выбора дорогостоящего оборудования, например искусственных покрытий или демонстрационных табло, ИААФ практически дала Оргкомитету карт-бланш — возможность выбирать любое из существующих высококачественных покрытий, не настаивая на наиболее распространенном во всем мире покрытии «тартан», хотя и высоко его оценивая. Паулен прямо заявил:

— У нас есть свое мнение, но выбор синтетического покрытия — полностью прерогатива Оргкомитета.

В конце концов мы все же избрали для наших стадионов — соревновательного и двух тренировочных — покрытие «тартан» как одно из лучших и наиболее распространенных в мире. Но сделали это по своей воле, а не под диктовку, что, безусловно, отразилось на финансовой стороне.

Наиболее ярко, полно сотрудничество организаторов Московской олимпиады с Международной любительской федерацией легкой атлетики, ее руководством проявилось в дни самих олимпийских соревнований, а именно тогда, когда некоторые, правда малочисленные, представители зарубежной журналистики попытались бросить тень на качество и объективность судейства на легкоатлетических соревнованиях. По традиции в ИААФ, не имеющей прецедента в других федерациях, в легкой атлетике судейская коллегия

практически является национальной, а не международной, за исключением соревнований по спортивной ходьбе.

Как только в Оргкомитете стало известно содержание этих корреспонденций, мне было поручено руководством Оргкомитета поставить об этом в известность Паулена. Я позвонил на стадион в его штаб-квартиру и прочитал отдельные фразы корреспонденций. Президент немедленно заявил, что готов встретиться с журналистами и дать разъяснения по любому вопросу.

— Я не позволю бросить тень на судейскую коллегия, которая, по моему мнению, весьма высококвалифицированная и объективная!

Пресс-конференция была назначена на 4 часа дня. Уже задолго до ее начала зал пресс-центра Лужников был переполнен.

И едва ли не с первых секунд пресс-конференции Адриан Паулен сам бросается в атаку:

— Прежде всего отвечу на вопрос, который вы еще не задали, но все равно подняли бы: почему так много «красных пиджаков» находится на секторах для проведения соревнований.

Всем ясно, о чем речь: в красные пиджаки одеты 19 членов международного апелляционного жюри.

— Мы находимся на секторах вовсе не из-за подозрительности к действиям советских судей. Мы обязаны по нашему уставу находиться непосредственно на секторах, чтобы внимательно следить за выполнением правил соревнований. Если хотите, — продолжает Паулен, — я хожу на сектор, чтобы оградить в дальнейшем судей от всевозможных сплетен! Заявляю, что московские судьи — это, пожалуй, лучшие из судей, когда-либо проводивших игры.

У президента были основания так заявить. Отряд из четырехсот судей работал как идеально отлаженный механизм. Легкая атлетика — одна пятая часть олимпийской программы. Значит, обеспечено по меньшей мере двадцать процентов успеха Московских игр.

Пресс-конференция набирала темп. Первый вопрос из зала:

— Почему советским спортсменам всегда достаются хорошие — средние дорожки, в то время как некоторым сильнейшим зарубежным достаются крайние?

На этот вопрос ответил почетный казначей ИААФ Фред Холдер. Последовательно и методично, как все, что делал этот бывший финансовый работник одного из крупнейших в

мире лондонских банков (профессия требует пунктуальности), Холдер разъяснил:

— Прежде всего советская судейская коллегия никакого отношения к распределению спортсменов по дорожкам не имеет. Распределение по дорожкам решается жеребьевкой, а жеребьевка полностью в руках двух технических делегатов ИААФ. Технические делегаты — я и Артур Такач из Югославии. Хотел бы добавить, — продолжал Холдер, — что в течение нескольких лет и я, и Такач внимательно следили за подготовкой советских судей, неоднократно посещая Москву. Мы считаем, что они подготовлены идеально. Я был на многих Играх. И почти всегда отличались обилием протестов. Например, в Монреале было подано шестнадцать протестов. В Москве к настоящему времени подано только два протеста.

Забегая вперед, отмечу, что эти два протеста оказались на соревнованиях по легкой атлетике единственными.

Продолжал Паулен:

— Я сегодня утром прочел в сообщении одного из агентств, что МОК якобы обратился с претензиями к Оргкомитету и сделал замечание советским судьям. Официально заявляю, что этого не было. Никаких жалоб от Международного олимпийского комитета ни в адрес Оргкомитета, ни в адрес ИААФ не поступало.

Итог пресс-конференции подвел Фред Холдер:

— Подчеркиваю, что весь ход соревнований по легкой атлетике записывается на видеомэгагнитофоны, позволяющие в любой момент восстановить любой эпизод соревнований для углубленного, тщательного, многократного просмотра. Такой просмотр периодически делается не только по протестам, которых, повторяю, было всего два, но и по простым заявлениям. Например, по заявлению австралийской команды, руководителям которой показалось, что неверно был не засчитан тройной прыжок ее спортсмена. Просмотр видеозаписи показал полную необоснованность подобного заявления. Повторяю, что официального протеста подано не было.

И действительно Московская олимпиада была качественно новым этапом в использовании магнитной видеозаписи для повышения объективности судейства. На предыдущих Играх в Монреале видеомэгагнитофоны применялись для помощи судейским коллегиям только по 4 видам спорта. В Москве были созданы специальные системы видеозаписи по 10 видам спорта, то есть почти в половине видов спорта олимпийской программы. Это стало одним из

важнейших положений нашей спортивно-технологической концепции.

Разумеется, далеко не все было безоблачно в нашем сотрудничестве с этой федерацией, весьма сложной и противоречивой по своему составу, и с этими людьми, до крайности различными по своему мировоззрению. Не всем единодушны мы были и по спортивно-технологическим вопросам. Достаточно вспомнить, что на протяжении целого года Паулен добивался от Оргкомитета создания «козырька» — навеса над трибунами Большой спортивной арены Центрального стадиона им. В. И. Ленина. Споры нет «козырек» над трибунами заметно обезопасил бы спортсменов и зрителей от капризов погоды, создал бы дополнительные комфортные условия. Но требование «козырька» было выдвинуто настолько поздно, что никакими усилиями этот «козырек» в сроки, остававшиеся до Спартакиады народов СССР — а она была определена как крайний срок реконструкции стадиона, — создать было невозможно.

Повторяю, разногласия были, неизбежны они в любом большом и многостороннем деле. Но неизменным осталось и доброжелательное отношение руководителей федерации к организаторам Игр, и понимание ими и нашей ответственности, и объема, и сложности проблем, которые перед нами стояли. Причина помимо объединявшей нас привязанности к избранному виду спорта в немалой степени состояла в личных качествах, характере этих людей. Мягкий, деликатный и чрезвычайно высокопрофессионально подготовленный Фред Холдер, деятельный Артур Такач. И всегда в центре событий — динамичный, несмотря на возраст, Адриан Паулен. Несмотря на свой высокий пост в качестве президента Международной федерации, объединявшей в своих рядах около 170 национальных федераций всех континентов мира, Паулен оставался человеком скромным, мягким в общении, доброжелательным.

И вот закономерный итог условий, которые были созданы для лучших спортсменов мира, итог, который как нельзя лучше характеризует высокий спортивный уровень состязаний по легкой атлетике на Играх XXII Олимпиады. Установлено 7 официальных мировых рекордов, 22 олимпийских рекорда, а всего в ходе соревнований мировые рекорды превышались 11 раз, олимпийские — 62.

И хотя с момента окончания легкоатлетических соревнований Олимпиады прошло уже достаточно времени и мировая легкая атлетика продолжает двигаться вперед, тем не менее стоит назвать здесь выдающиеся достижения,

вторыми была отмечена Московская олимпиада: результат Надежды Олизаренко в беге на 800 м — 1 мин. 53,5 сек., эстафетный круг, преодоленный женской командой ГДР за 41,6 сек., результат Илоны Слупянек из ГДР в толкании ядра — 22 м 41 см. Навсегда останется в таблице мировых рекордов по пятиборью результат Надежды Ткаченко — 5083 очка. Навсегда потому, что после Московской олимпиады пятиборье для женщин заменено семиборьем. Выдающийся результат Герда Вессига в прыжке в высоту — 2 м 36 см.

НОВОЕ НАЗВАНИЕ СТАРОЙ ИГРЫ

Международная федерация волейбола (ФИВБ) основана в 1947 году, объединяет более 130 национальных волейбольных федераций. Федерация волейбола СССР присоединилась к ФИВБ в 1948 году.

Бессменным президентом федерации с 1947 года является архитектор Поль Либо (Франция), которому в год Московской олимпиады исполнилось 76 лет.

В сотрудничестве с каждой из международных спортивных федераций, с которой мы работали, содержался специфический рецепт успеха — либо новый, возникший уже после создания Оргкомитета, либо, что чаще, сложившийся исторически. Когда анализируешь наше сотрудничество с Международной федерацией волейбола, понимаешь, что одной из первооснов этого сотрудничества стали традиции, заложенные вице-президентом ФИВБ, одним из выдающихся наших спортивных дипломатов Владимиром Ивановичем Саввиным. Заслуженный мастер спорта, Владимир Саввин был одним из наиболее популярных волейболистов своего времени, а в последние годы — незаурядным деятелем международного спортивного движения. Работу в волейбольной федерации он в течение многих лет совмещал с деятельностью ответственного секретаря Олимпийского комитета СССР. Много лет его связывало тесное личное сотрудничество с президентом ФИВБ Полем Либо. И, может быть, символично, что один из первых контактов Оргкомитета с Полем Либо произошел во время Мемориала Владимира Ивановича Саввина, популярного международного соревнования, учрежденного вскоре после его смерти.

Трудно себе представить президента, в такой степени внешне не соответствующего представлениям о его виде спорта, в какой Либо не соответствует представлениям о

волейболе. Это далеко не атлетически сложенный человек ростом, наверное, меньше 160 сантиметров.

И тем не менее с именем Поля Либо связывают становление современного атлетического волейбола как олимпийского вида спорта — далекого от прежнего, «пляжного» — игры динамичной, насыщенной острыми ситуациями.

Одним словом, этот человек не только создал международную федерацию, он стоял у колыбели современного волейбола, родившегося заново в его нынешнем спортивном облике.

И не случайно в стенах Оргкомитета родился каламбур: название этого вида спорта шутливо писали «волибол».

Уже в первый приезд Либо в Москву его интересовала главным образом организация самих олимпийских состязаний, казалось бы традиционная, складывавшаяся на протяжении двух последних десятилетий. И тем не менее каждая олимпиада вносит в нее что-то свое, связанное и с местными условиями, и с развитием представлений об этом виде спорта, об организации крупных соревнований на высшем международном уровне.

Для Москвы была разработана такая структура соревнований, при которой они проходили в двух расположенных поблизости сооружениях на территории Центрального стадиона им. В. И. Ленина. Одно из них было более, а другое менее крупным. Это позволяло варьировать распределение команд в зависимости от интереса к матчам (конечно, прогнозировать заранее и оговаривать в программе). Большим сооружением была Малая спортивная арена. Любители спорта еще помнят ее как открытое спортивное сооружение. К Олимпиаде Малая арена была покрыта крышей, серьезно реконструирована и стала практически вторым Дворцом спорта.

Для зрителей и спортсменов были созданы неизмеримо большие удобства, чем это было раньше.

Вторым сооружением служил новый, интересный по своей архитектуре Универсальный спортивный зал «Дружба» с числом мест на трибунах до 4 тысяч.

Такая структура организации олимпийских соревнований себя полностью оправдала, создала дополнительные удобства для спортсменов, организаторов и зрителей.

В подавляющем большинстве вопросов Поль Либо и Оргкомитет находили общий язык. Но благодаря горячей заинтересованности в развитии своего вида спорта президент в 1975 году, в начале нашего сотрудничества, вступил в полемику, которая привела к единственному серьезному

разногласию с Оргкомитетом, которое у Поля Либо возникло при подготовке к Играм.

Разногласие это касалось количества команд—участниц олимпийского волейбольного турнира. Олимпийская хартия гонорила тогда совершенно четко: если в спортивных играх соревнуются и мужские, и женские команды, то их общее количество не должно превышать 18, и при этом по крайней мере 6 из них должны быть женскими (сейчас эти цифры соответственно 20 и 8). Это правило относится и к баскетболу, ручному мячу, хоккею на траве.

Каждая федерация в пределах, установленных Хартией, сама определяет соотношение мужских и женских команд. Федерация волейбола единственная, в которой на протяжении последних олимпиад число женских команд не 6, а 8; при этом на долю мужских оставалось лишь 10. Поль Либо гордился этим, поскольку, по его мнению, это отражает высокий уровень развития женского волейбола во всем мире. Но именно это же — всего 10 мужских команд — не давало ему покоя, заставляло неустанно добиваться от каждого очередного оргкомитета увеличения общего числа команд по волейболу до 20, из которых 8, как и сейчас, оставались бы женскими.

Мало сказать, что эта идея составляла предмет его постоянной заботы и настойчивости.

Но вопрос этот находился отнюдь не в компетенции Оргкомитета: изменение Олимпийской хартии — прерогатива МОК, и только его одного. Вместе с тем было совершенно ясно, что даже простая поддержка со стороны Оргкомитета этого предложения в МОК могла автоматически вызвать цепную реакцию и в других федерациях, что немедленно вывело бы московские олимпийские турниры по спортивным играм из той стабильности и планомерности подготовки к Играм, в какой они находились, и, может быть, даже потребовало бы строительства дополнительных спортивных сооружений.

Надо сказать, что сообщение об отрицательной позиции Оргкомитета Поль Либо встретил мужественно, сказал только:

— Я разочарован...

И на протяжении всего оставшегося периода подготовки к Московской олимпиаде больше к этой теме не возвращался.

Поль Либо и сам, и через технических делегатов ФИВБ Синана Эрдема из Турции и Эрне Холвея из Венгерской Народной Республики внимательно и пристально следил за

ходом подготовки к проведению олимпийского воле большого турнира, не упуская никаких мелочей. Скажу даже что он был особенно придирчив именно к этим мелочам. В предварительных переговорах число зрителей в зале «Дружба» было определено в три с половиной тысячи. Через год, просматривая чертежи и эскизы этого Дворца, Либо вдруг обнаружил цифру 3 тысячи. Он не успокоился до тех пор, пока его не заверили, что в строящемся зале количество мест будет доведено до той цифры, которая была ему обещана.

Были и другие его требования, или, точнее, пожелания. Например, он однозначно заявил, что наилучшим покрытием для площадок является покрытие производства французской фирмы БАТ из города Тарар под названием тарафлек-ВВ. Эта фирма в течение многих лет специализируется на производстве искусственных покрытий для спортивных игр, в частности для волейбола.

Созданное ею покрытие, которое мы называли «промокашка», хорошо впитывает пот при падении игроков на пол и безопасно с точки зрения возможных травм. Несмотря на настойчивость Поля Либо, мы были убеждены, что в данном случае в нем говорит не только и не столько француз, сколько в первую очередь президент международной федерации, заинтересованный в высоком качестве покрытия, в безопасности игроков.

Либо обычно окружен молодежью. Человек, которому далеко за 70, относится к своим молодым коллегам по Международной федерации волейбола по-дружески, воспитывает, учит, хотя порой и иронизирует, вышучивает. Но все это по-доброму. Во время переговоров в Лозанне в апреле 1980 года — это была практически последняя из деловых встреч, не считая Олимпиады, — Поль Либо, заметив передо мной на столе огромный ворох моих документов и материалов, безапелляционно заявил:

— У меня в бумагах порядка больше, молодой человек!

Пришлось отбиваться:

— У меня вас — двадцать один. И документов у меня раз в двадцать побольше, — хотя прозвучало это не очень убедительно.

Как-то сразу же нашли взаимопонимание президент Либо и задолго до Игр назначенный директором олимпийских соревнований по волейболу заслуженный мастер спорта, судья международной категории Анатолий Иванович Чинилин, один из выдающихся в прошлом волейболистов. Он был тяжело ранен во время Отечественной войны, что не

позволило ему продолжать активно выступать на волейбольных площадках. В течение многих лет он руководил развитием волейбола в Москве, работая в городском комитете по физической культуре и спорту. Затем мы пригласили его в Оргкомитет «Олимпиада-80», где он преподавал основы будущего олимпийского турнира.

Кажется, Либо был очень благодарен тому, что его московским коллегой по подготовке олимпийского волейбольного турнира стал человек; которого он знал на протяжении нескольких предыдущих десятилетий, и, что мне показалось существенным, практически одного с ним поколения.

Мало сказать, что Либо был с самого начала нашей совместной работы убежден в успехе московского олимпийского волейбольного турнира. Он делал многое, чтобы это присущее ему лично ощущение уверенности распространить на других, в том числе и своих коллег по международным спортивным федерациям.

Осенью 1978 года делегация Оргкомитета впервые принимала участие в заседании международных спортивных федераций по летним олимпийским видам спорта в Монте-Карло. После успешного отчета Оргкомитета, с которым выступил председатель — какого-либо обсуждения по существу не было, — делегация наша ушла. Остались одни руководители федераций. Через час нам стало известно, что место на трибуне сразу же занял Польш Либо. Он предложил заранее подготовленный им проект резолюции, в которой содержалась безоговорочная и полная поддержка мер, которые предпринимает Оргкомитет «Олимпиада-80» в целях успешной подготовки к проведению спортивных соревнований Игр XXII Олимпиады.

По многочисленным отзывам специалистов мирового волейбола, оба олимпийских турнира в Москве — женский и мужской — оказались беспрецедентно напряженными по уровню спортивной борьбы.

Игры в двух группах женского турнира определили лидеров — команды СССР и Болгарии. В полуфиналах им противостояли волейболистки Венгрии и Германской Демократической Республики. Финал свел хозяев Игр и волейболисток ГДР. Лишь одну партию выиграли гости, проиграв три.

В группах мужского турнира победили волейболисты Польши и СССР. Но, как и в женском турнире, полуфинал внес поправку — соперник спортсменов Польши команда Болгарии одержала верх и вышла в финал. Но тут смогла

выиграть у советских волейболистов только одну партию. Утерянное в 1976 году звание олимпийских чемпионов советские спортсмены вернули.

ЭТОТ ОБАЯТЕЛЬНЫЙ АРХИТЕКТОР

Международная федерация стрельбы из лука (ФИТА) образована в 1931 году. В нее входит около 60 национальных федераций. Федерация стрельбы из лука СССР вошла в ФИТА в 1967 году.

Длительный период — до 1977 года — президентом ФИТА была Ингер Фрит (Великобритания). В 1977 году президентом федерации был избран 53-летний итальянский архитектор Франческо Некки-Русконе, в годы второй мировой войны — участник движения Сопротивления.

На Олимпийских играх в Монреале было не так много встреч с президентами федераций — иные из них не должны были избираться на новый срок, а с их возможными преемниками разговаривать было рано. Существовали и другие причины. Но с президентом Международной федерации стрельбы из лука госпожой Ингер Фрит из Великобритании встреча состоялась.

После венской 75-й сессии МОК, на которой Москве было предоставлено право проведения Игр XXII Олимпиады, отношение к госпоже Фрит со стороны советских спортивных организаций было настороженное. Госпожа Фрит была не только единственной женщиной — президентом международной спортивной федерации, но и едва ли не единственным президентом, который в ходе обсуждения кандидатуры Москвы выступал, может быть, и не жестко против, но и не в защиту. Довод против состоял в том, что в Москве якобы не умеют как следует выращивать траву на полях для стрельбы из лука. Пугали нас также и тем, что это властная женщина и сотрудничество с ней будет не из легких, что эта дама в широкополой шляпе, которую она не снимает ни на соревнованиях, ни на приемах, будет диктовать Оргкомитету свою собственную политику в организации соревнований, выдвигать непомерные требования, которые трудно будет удовлетворить.

Поначалу в какой-то степени эти опасения подтвердились. Моя первая встреча с госпожой Фрит состоялась на олимпийском стрельбище в Монреале, куда я приехал, заранее договорившись о встрече через члена совета международной федерации, председателя Федерации стрельбы из лука СССР, писателя Овидия Горчакова. Горчаков

был человеком в глазах госпожи Фрит весьма авторитетным как своей энергичностью, настойчивостью в решении тех или иных вопросов Международной федерации, так и в значительной степени благодаря тому, что говорил на превосходном английском языке.

Как и предсказывали, первый разговор с госпожой Фрит оказался очень напряженным. Исходя из общего подхода к подготовке соревнований Олимпиады в Москве, который был разработан для всех федераций, мы задали госпоже Фрит вопрос:

— Какими ранее принятыми документами федерации и какими критериями надо руководствоваться в поисках тех или иных технических средств, которые необходимо выбрать или создать?

Ответ был совершенно однозначным и жестким:

— Будете руководствоваться тем, что я скажу. Опыта у нас в организации крупных соревнований по стрельбе из лука практически нет. Людей, которые способны возглавить и организовать подготовку, тоже нет. Поэтому в интересах успешного проведения соревнований вы должны будете руководствоваться теми принципами и критериями, которые буду диктовать я, поскольку я президент международной федерации.

Сейчас уже почти невозможно в деталях вспомнить, какой была наша реакция. Похоже, что никакая предварительная подготовка к такой встрече не помогла, настолько ошеломляющим было это проявление «доброй воли» со стороны госпожи Фрит.

С другой стороны, мы понимали, что это в какой-то степени — визитная карточка госпожи президента: как опытный человек, она сразу попыталась поставить Оргкомитет «на место», на которое она, видимо, перед этим поставила Оргкомитет Олимпиады в Монреале.

Главный итог разговора состоял в родившемся глубоком убеждении, что стержнем будущего сотрудничества будет серьезная проработка нами технологии соревнований.

1976 год стал периодом завершения нашей основной спортивно-технологической концепции олимпийских соревнований по стрельбе из лука. Было решено не выделять для этого вида спорта какую-то самостоятельную зону и использовать одну из сложившихся пяти олимпийских зон столицы — зону Крылатского. Олимпийские поля для стрельбы из лука были спланированы в непосредственной близости от трибун Гребного канала по направлению к проектируемому велосипедному треку. Линия стрельбы бы-

ла проложена перпендикулярно к оси канала. Вдоль нее планировалось 120 постов для стрельбы. Стрельбище делилось на две зоны: для мужчин и для женщин, чтобы они могли соревноваться одновременно. Позади линии стрельбы располагается павильон со всеми необходимыми вспомогательными, служебными, техническими помещениями. На островке небольшого озера, расположенного позади велотрека, размещается отдельное поле для тренировки лучников (по правилам ФИТА регулярные тренировки должны проходить не на соревновательном поле). Спроектирован был и обширный спектр технических устройств, начиная от универсальных передвижных демонстрационных электронных табло и кончая специализированными и большими устройствами для показа времени стрельбы и дополнительных сведений.

Была отдана дань и требованию мадам Фрит о выращивании на стрельбище травы.

Создавались удобства и для зрителей. Предполагалось, что ежедневно зрителями будут около 3000 любителей этого вида спорта, на это количество мест и были спроектированы временные трибуны.

Следующая встреча состоялась через несколько месяцев в Барселоне перед заседанием исполкома МОК с руководителями международных спортивных федераций. И первые же фразы показали, что позиция госпожи Фрит к этому времени практически изменилась на прямо противоположную. Причина однозначно состояла в том, что за прошедшие полгода, даже несколько меньше, Оргкомитет направил госпоже Фрит несколько писем, документов, предложений, планов, которые показывали, что вовсе не такие уж мы не подготовленные к проведению крупных международных соревнований. На госпожу Фрит произвели впечатление и те организационные мероприятия, проектные работы, которые к этому времени провел Оргкомитет. Неоценимую роль в подготовке этих планов, предложений, схем сыграли Георгий Афанасьевич Гордиенко, который впоследствии был назначен руководителем директората олимпийских соревнований по стрельбе из лука, и Овидий Горчаков. Так что, повторяю, наша вторая встреча была заметно более приятной во всех отношениях как с той, так и с другой стороны.

Однако без конфликта не обошлось. Правда, был он чисто «производственного» характера и касался программы соревнований по дням, которая к этому времени была нами уже разработана для рассмотрения исполкома МОК с

руководством международных спортивных федераций. По проекту этой программы заключительный день соревнований по стрельбе из лука совпадал с последним днем проведения соревнований по легкой атлетике. В кулуарах заседания исполкома острили, что это совпадение карлика и гиганта. Тем не менее госпожа Фрит, надо отдать ей должное, не захотела реагировать на ту иронию, которая явно сквозила у членов исполкома и у руководителей федераций, когда она потребовала «развести» заключительные дни соревнований по этим двум видам спорта. Кстати, нас это, в общем-то, устраивало: соревнования по стрельбе из лука мы передвинули на один день, тем самым насытив действительно до этого недостаточно напряженную программу соревнований 2 августа.

В дальнейшем с госпожой Фрит мы сотрудничали значительно меньше, поскольку через несколько месяцев после барселонской встречи она была избрана почетным президентом, а ее преемником на посту действующего президента был избран итальянский архитектор Франческо Некки-Русконе.

Летом 1977 года президент ФИТА впервые в новом качестве вместе с женой приехал в Москву. После первых нескольких часов знакомства мы поехали в Крылатское на то место, где через два года должны были находиться олимпийские поля для стрельбы из лука.

День тогда, помнится, был ветреный и довольно прохладный. Поездка была, как говорят, дискомфортная, но, как оказалось, весьма и весьма полезная для будущего олимпийского турнира лучников. Может быть, именно потому, что Франческо Некки-Русконе по профессии архитектор.

Сейчас, возвращаясь на несколько лет назад и оценивая всю систему нашей подготовки, можно видеть, что практически почти у каждого президента был какой-то собственный, наверное в какой-то степени профессиональный, подход к подготовке и проведению олимпийских соревнований. Подход, основанный на его личных качествах, знаниях, опыте, всей предшествовавшей биографии. Профессиональная подготовленность Русконе-архитектора немало помогла нам в решении таких вопросов, как проектирование основного павильона для олимпийского стрельбища, учет фактора нейтрализации ветра, который обычно играет серьезную отрицательную роль на соревнованиях по стрельбе из лука.

Русконе прямо там же, в Крылатском, нарисовал эскиз

расположения олимпийского стрельбища и аргументированными расчетами показал, что заградительные барьеры, отделявшие стрельбище от канала, должны быть расположены от самих дорожек для стрельбы не ближе чем на расстоянии в 10 раз большем, чем высота самого заградительного барьера. Тогда поток ветра с канала сможет после «возмущений» за этим заградительным барьером стать снова ровным и спокойным и оказывать не столь существенное влияние на результаты стрельбы.

Другое важное замечание, которое он нам немедленно сделал, относилось к расположению ложи почетных гостей. То ли наши проектировщики что-то там не учли, то ли он действительно предложил более удобный и простой вариант, но, ознакомившись с эскизом, он сразу сказал, что ложу почетных гостей нужно выносить на крышу основного павильона. Так это и было сделано, и проведение олимпийского турнира показало, что это оказалось удобным, технологичным, причем недорогим решением.

Немало делал Русконе и в интересах спортсменов. В соревнованиях по стрельбе из лука спортсмены находятся на «огневом» рубеже в течение многих часов. Конечно, это требует создания определенных удобств для них. Мы, в частности, на первой же встрече подверглись довольно резкой критике со стороны Русконе за то, что туалеты для спортсменов—и постоянные, и передвижные—находились на большом удалении от «огневого» рубежа. Конечно, пришлось прислушаться к этому замечанию президента, означавшему, что для Русконе в подготовке Олимпийских игр не было мелочей.

Это мы особенно остро почувствовали, когда через несколько месяцев получили от него подробное на нескольких страницах письмо, в котором этап за этапом президент подсказывал нам, какие организационные и технические решения должны быть приняты во внимание при подготовке и проведении Игр.

Однако, заботясь об интересах спортсменов, он тем не менее впоследствии проявил большое понимание при рассмотрении вопроса о месте расположения телевизионных камер. С одной стороны, ему хотелось учесть запросы специалистов нашего телевидения, которые с большим творческим интересом подошли к показу соревнований лучников. Так, наши «телевизионщики» настаивали на расположении камер в коридоре между мужским и женским секторами стрельбища. С другой стороны, Русконе справедливо опасался, что это может мешать спортсменам и

шнить на результаты стрельбы. В конечном итоге удалось все-таки найти взаимоприемлемый вариант.

В течение нескольких лет Франческо неоднократно приезжал в Москву и следил за ходом строительства и оснащения олимпийских полей. Особенно подробно мы обсуждали методику проведения соревнований во время его приезда на Спартакиаду народов СССР 1979 года. С ним вместе были технические делегаты ФИТА — педантичные и придирчивые специалисты Арилд Хоне из Норвегии и Дональд Лово из Канады. Оргкомитет достойно и квалифицированно представляли Георгий Гордиенко и молодой эксперт нашего управления Владимир Ведерников. После Спартакиады уже никто в ФИТА не говорил об отсутствии у нас опыта, речь шла в основном о незначительных доработках, доведении до олимпийского стандарта. Причем того, который только еще прогнозировался и нами, и руководителями ФИТА на 1980 год.

Несколько слов о самом Франческо Некки-Русконе. Это необыкновенно интеллигентный, мягкий и симпатичный человек. Даже споры, которые он с нами вел, были проникнуты большой взаимосимпатией.

И как любой подлинно интеллигентный человек, Франческо необыкновенно щепетилен во взаимоотношениях с людьми. В 1978 году делегация Оргкомитета встретила в Монте-Карло с руководителями международных спортивных федераций. Отчет Оргкомитета, содержащий развернутый анализ подготовки к Играм, был встречен аплодисментами. Вопросов практически никаких задано не было. Однако вдруг возникло беспокойство, когда неожиданно поднялся Русконе. Но предчувствие меня, к счастью, обмануло: Русконе всего лишь обратился с просьбой письменный текст доклада размножить и раздать руководителям международных спортивных федераций. Разумеется, было дано согласие. Но, пожалуй, мне не стоило так неловко добавлять: «У нас нет никаких секретов», потому что в течение всего последовавшего затем приема Русконе несколько раз подходил ко мне и говорил:

— Я вовсе не думаю, что у вас есть какие-то секреты, я никак не хотел вас обидеть. Просто нам хочется иметь этот текст, в котором логично и последовательно отражен ход подготовки к Олимпийским соревнованиям.

Разумеется, не было все столь легко и безоблачно с этим, безусловно, обаятельным человеком. Мы, например, долго не могли договориться с ним по, казалось бы, простому

вопросу: будут ли входить руководители судейской коллегии с советской стороны в число международных судей. Русконе постоянно пытался мне доказать, что у них нет опыта международных соревнований, большого авторитета среди зарубежных судей и спортсменов, и поэтому он отводил им роль только организаторов. Однако после долгих дискуссий, которые завершились только в апреле 1980 года в Лозанне, удалось все-таки убедить Русконе в том, что советские организаторы вовсе не стремятся, выступая в качестве международных судей, навязывать свои решения Международной судейской коллегии и что статус международного судьи необходим для усиления взаимодействия советских организаторов с апелляционным жюри ФИТА, да и для повышения их авторитета среди советских организаций.

Только после последнего аргумента Русконе в конце концов принял по этому поводу положительное решение. Но при всех спорах и разногласиях Франческо оставался обаятельным, порой поражающим неожиданным и изящным остроумием. Однажды, еще во время Спартакиады, едем на стрельбище. У поворота на Крылатское — большие пиктограммы велоспорта и гребли. Пиктограмма стрельбы из лука отсутствует. Франческо реагирует мгновенно:

— А, понимаю, понимаю: пиктограммой стрельбы из лука для экономии считается эта стрелка, обозначающая поворот направо!

Олимпийские соревнования лучников прошли как большой праздник. Франческо говорил корреспонденту «Советского спорта»:

— Двухдневное заседание конгресса и открытие заседания совета нашей федерации проходили под бурные аплодисменты делегатов, которые таким образом выражали благодарность Оргкомитету «Олимпиада-80» и Федерации стрельбы из лука СССР за отличную организацию олимпийского турнира в Крылатском.

Соревнования были увенчаны высокими результатами большой группы спортсменов — из большинства стран, принявших участие в олимпийском турнире. Борьба за олимпийское первенство в личном зачете шла до последней мишени как в мужском, так и в женском турнире. Приехавший к последним стартам олимпийского турнира лучников президент МОК Майкл Килланин приветствовал победителей — Кетеван Лосаберидзе из СССР и финского стрелка Томи Пойколайнена.

Как дорогую для меня реликвию храню письмо Франческо, с которым связывали многие годы сотрудничества. В письме есть такие строки: «Кроме всех официальных выражений благодарности я хотел бы от себя лично сказать, как высоко я оцениваю работу по организации Игр XXII Олимпиады. Успех Игр — это успех всех нас, кто верит в высокое положительное значение международного спортивного движения, и мы должны ему радоваться».

НА ОЛИМПИЙСКОМ ПАРКЕТЕ

Международная любительская федерация баскетбола (ФИБА) основана в 1932 году. Она объединяет более 150 национальных федераций. Федерация баскетбола СССР вошла в состав ФИБА в 1947 году.

В 1976 году президентом федерации избран филиппинец Гонзало „Лито“ Пуят II, промышленник и общественный деятель.

После барселонской встречи (1976 год) наступило время реализации тех договоренностей, которых мы там достигли. В принципе было одобрено количество соревновательных дней, отведенных на каждый вид спорта (которое, правда, еще предстояло утвердить на 79-й сессии МОК в Праге в 1977 году), появилась возможность дорабатывать подготовленные к этому времени проекты расписаний по часам. Это касалось всех видов спорта, включая, естественно, и баскетбол. Но неожиданно для нас с баскетболом возникли сложности.

Тут нужно вспомнить о том, что в отличие от всех остальных федераций, где наше управление на этапе подготовки к Играм взаимодействовало и с президентом федерации, и с ее генеральным секретарем, работа с руководством Международной любительской федерации баскетбола была построена по-иному. Например, с ее президентом филиппинцем Гонзало Пуятом (на его визитной карточке значилось более подробно и аристократически: Гонзало «Лито» Пуят II) мы впервые встретились лишь в 1979 году во время Спартакиады народов СССР в кабинете заместителя председателя Оргкомитета «Олимпиада-80», председателя Федерации баскетбола СССР Владимира Ивановича Ковалея, ведавшего в нашем Оргкомитете вопросами экономической и билетной программ, организацией эстафеты олимпийского огня, церемоний открытия и закрытия. Именно принимая во внимание то обстоятельство, что президент Советской федерации работал в Оргкомитете, на

7

него было возложено решение организационных вопросов и взаимодействие с самим президентом. Технические же вопросы по организации соревнований решались Управлением спортивных программ.

Генеральная спортивно-технологическая концепция олимпийского баскетбольного турнира опиралась при ее разработке на несколько положений, часть которых носила сугубо баскетбольный характер, а другие были связаны с общей схемой расположения, строительства и реконструкции олимпийских сооружений Москвы. Сложившаяся в баскетболе система розыгрыша мест в олимпийском турнире говорила о том, что матчи «аутсайдеров» будут проходить практически от начала до конца Игр. Поэтому на весь период Олимпийских игр следовало предусмотреть два разных по вместимости зала.

Так пришли к решению использовать для баскетбольного турнира одну половину проектируемого крытого стадиона спорткомплекса на проспекте Мира и построить новый Дворец спорта Центрального спортивного клуба Армии в зоне ЦСКА на Ленинградском проспекте.

Другим существенным отличием наших соревнований от предшествующих было значительное усиление их информационного обеспечения.

Технические вопросы мы решали в течение всех лет подготовки с генеральным секретарем ФИБА югославом Бориславом Станковичем. На протяжении многих лет Станкович работал с нами в тесном контакте, хотя к тому периоду, о котором сейчас идет речь, и относится небольшое разногласие.

Главная его причина состояла в том, что после Монреальской олимпиады федерация изменила свои взгляды на систему розыгрыша олимпийских наград — структуру проведения олимпийского баскетбольного турнира. Появилась, в частности, идея о повторном матче за первое место. Идея эта в какой-то степени позволяла повысить зрелищность баскетбольного турнира.

С этой идеей Станкович познакомил нас в первый же его приезд в Москву по приглашению Оргкомитета в декабре 1976 года. Переговоры были очень благожелательными, спокойными и деловыми. Станкович заявил, что на вопросы, являющиеся прерогативой Оргкомитета, ФИБА посягать ни в коем случае не будет. Это, например, относилось к количеству мест в проектировавшемся Олимпийском крытом стадионе. Для ФИБА, сказал Станкович, безразлично — 18 тыс. или 12 тыс. зрительских мест будет в

баскетбольной половине стадиона. Правда, причина такой покладистости была ясна, к тому времени уже стало известно, что отчисления от сумм, получаемых за право трансляции по телевидению каждой федерацией, не будут пропорциональными количеству мест на олимпийских спортивных сооружениях. Договорились мы и по многим другим вопросам.

И тем не менее после этого успокаивающего визита возникло разногласие по количеству дней, отведенных на проведение олимпийского баскетбольного турнира.

Как принято говорить в таких случаях, еще не успела высохнуть краска на программе по дням, одобренной на барселонской встрече, как Борислав Станкович, неизвестно по какой причине, стал настаивать на количестве дней, значительно превышающем не только то, которое было на предыдущих Олимпийских играх, но и то, что, по нашему мнению, требовалось с учетом предложенного им повторного матча за первое место. Повторяю, причины этой настойчивости Борислава нам были не ясны: серьезных аргументов он не приводил. Мы же «сопротивлялись» вовсе не потому, что программа была уже одобрена. Нет. Мы считали, что именно в части спортивных игр программа хорошо сбалансирована, особенно в последние дни. Предложение Станковича разрушало с трудом достигнутый баланс. Баланс, который определял и потоки зрителей во время соревнований, и разезд туристских групп, и загрузку наших служб, и многое другое, что было прямо или косвенно связано с расписанием. Поэтому мы настаивали на сохранении ранее согласованного количества дней. Завязались переписка, обмен телексами, каждая сторона предлагала свои аргументы. Может быть, наших оказалось больше, потому что в конечном итоге нам удалось убедить Станковича, что даже со спортивной точки зрения, уж не говоря об экономических проблемах содержания команды на месте, его вариант был менее предпочтителен.

К счастью, это разногласие оказалось единственным.

Мы были особенно благодарны федерации за ее политику в экономических вопросах выбора спортивного оборудования и инвентаря. Например, в отличие от некоторых других федераций, настаивавших на искусственных покрытиях игровых площадок, ФИБА полагала, что наилучшим покрытием служит обычный паркет. Что же касалось выбора баскетбольных мячей для проведения олимпийского турнира, федерация согласилась с той процедурой выбора мяча, которая была нами разработана для всех федераций и

одобрена почти всеми (об исключениях читатель еще узнает): руководство федерации дает согласие на переговоры Оргкомитета не с одной какой-то фирмой, а с несколькими, мячи которых ранее одобрены федерациями и имеют их соответствующий сертификат. Так что благодаря лояльной по отношению к Оргкомитету позиции федерации баскетбола и тому, что мы имели возможность выбирать среди нескольких фирм, удалось провести интенсивные переговоры на конкурентной основе с группой фирм, из которых наибольшую заинтересованность проявили японские «Микаса» и «Тачикара». В результате переговоров право предоставить свои мячи для проведения Московской олимпиады было дано фирме «Тачикара».

В канун Московских игр нашей общей заботой стало «оживление» только что построенного крытого стадиона «Олимпийский». Разумеется, это было проблемой для всех сооружений, вступивших в строй в период между Спартакиадой и Играми. Для того чтобы успешнее освоить новые арены, мы решили провести совместно с управлениями Спорткомитета СССР и Споркомитетом Москвы серию соревнований, которые назвали «контрольными». Это были в зависимости от вида спорта либо соревнования молодежных или юношеских команд, либо чемпионаты Москвы или страны, либо международные товарищеские встречи. Последнее было организовано как раз по баскетболу. Кроме того, мы пригласили на новоселье одного из технических делегатов ФИБА — энергичного англичанина Кейта Митчелла. Он дал немало добрых и ценных советов руководителю директората Александру Пономареву.

В Монреале одной из полезных и эффективных встреч была беседа с тогдашним генеральным секретарем ФИБА, одним из самых, пожалуй, известных специалистов в истории мирового баскетбола англичанином Уильямом Джонсом. В дни Московской олимпиады он был почетным генеральным секретарем ФИБА и в этом качестве приехал в Москву. Интересно было бы после завершения турнира узнать его мнение, но, к сожалению, не удалось. Видимо, напряженная обстановка подготовки и проведения крупнейшего олимпийского турнира оказалась не по силам Джонсу, давно пересекшему рубеж семидесяти лет. Скорая помощь, к счастью, пришла вовремя, но положение на протяжении многих дней оставалось угрожающим. Врачи московской городской больницы № 31, специально подготовленной для обслуживания зарубежных официальных лиц Олимпиады, сделали все, чтобы помочь Джонсу вернуться к жизни. Уже

к концу Игр появилась возможность отправить его домой.

Подготовка к проведению олимпийских соревнований баскетболистов была высоко оценена международной спортивной общественностью. Генеральный секретарь ФИБА В. Станкович, отвечая на вопросы журналистов, заявил: «Организация турнира очень хорошая. У нас нет никаких проблем».

У руководителей мирового баскетбола, у миллионов поклонников этой динамичной игры есть основание быть довольными организацией олимпийского турнира в Москве. Вот хотя бы одна ее сторона — информационное обеспечение журналистов, тренеров и руководителей команд. Оно осуществлялось на базе автоматизированной системы управления АСУ «Баскетбол», составлявшей часть комплекса АСУ «Олимпиада», разработанного Московским научно-исследовательским и проектным институтом сетевого планирования и управления (МНИПИ СПУ) в содружестве с ведущими советскими спортивными судьями и специалистами нашего и Технического управлений Оргкомитета. Вот лишь некоторые показатели системы, намного превосходившие соответствующие данные предшествовавших Олимпийских игр и чемпионатов мира: срочная техническая информация о статистических данных по проведенному матчу выдавалась через 30 секунд после его окончания; заметно увеличен объем выдаваемых статистических данных по турниру в целом: в Москве он содержал 16 протоколов, в Монреале 2 протокола; автоматическая обработка итоговой информации по всему турниру позволила сделать выпуск материалов через 2 часа после его окончания с полной классификацией игроков, а не только команд.

Конечно, главная причина таких технических достижений лежит в многолетней последовательной работе десятков технических специалистов над созданием АСУ «Олимпиада». Но эти результаты, в частности в обработке информации баскетбольного турнира, были бы попросту невозможны без оперативного участия в работе системы самих спортивных судей — большой и хорошо подготовленной службы сбора и контроля информации (СКИ).

За два с лишним года до Игр были определены основные требования к службе СКИ АСУ «Баскетбол» и началась активная подготовка более чем сорока судей этой службы. Качественно новым здесь было то, что они должны были непосредственно управлять, как операторы, устройствами ввода информации в АСУ «Баскетбол» — управлять непосредственно в ходе игры.

Пожалуй, ни в одной из систем, входивших в комплекс АСУ «Олимпиада», не возникала столь остро, как в АСУ «Баскетбол», проблема взаимодействия в системе «человек—машина» и не была столь эффективно решена путем своевременного обучения судейско-вспомогательного персонала.

В баскетбольных олимпийских турнирах в Москве были представлены все континенты планеты. Шесть женских команд вначале провели между собой игры по круговой системе. Но победившая в этом предварительном турнире команда СССР еще не становилась, как на предыдущем олимпийском турнире, чемпионом. Ей предстоял «суперматч» с занявшей второе место командой Болгарии. Счет в нем 104:78 в пользу хозяек турнира позволил им повторить свой монреальский успех. Бронзовые медали в упорной борьбе с венгерскими баскетболистками (68:65!) достались команде Югославии.

А в мужском турнире югославская баскетбольная школа продемонстрировала свой высочайший уровень. Вначале баскетболисты Югославии выиграли свой групповой турнир. Затем победили в полуфинале, оттеснив на второе место итальянцев и на третье — спортсменов СССР. Таким образом, в «суперматче» за звание олимпийского чемпиона их соперниками были баскетболисты Италии. Счет 86:77 принес югославам победу. Хозяевам турнира досталась «бронза» после выигранного матча с испанцами.

ЖЕЛТЫЕ ОТБЛЕСКИ КЛИНКОВ

Международная федерация фехтования (ФИЕ) была образована в 1913 году. В настоящее время в нее входит около 80 национальных федераций. Федерация фехтования СССР признана ФИЕ в 1952 году.

Пьер Ферри, финансист, министр в правительстве Франции начала 50-х годов, был президентом федерации дважды: с 1956 по 1960 год и с 1964 по 1980 год.

В год Московских игр ему исполнилось 76 лет.

В каждом виде спорта, не упуская мелочей, необходимо было отыскивать главное направление — главное звено, потянув за которое можно было вытянуть всю цепь, которая вела к успеху. В фехтовании таким звеном с самого начала подготовки были определены разработка и внедрение отечественных технических средств обеспечения объективности судейства, а также существенное улучшение информации участников и зрителей.

Причина такого выбора была понятной и не только для нас самих, но и для руководителей Международной федерации фехтования. Технические средства фиксации уколов в поединках фехтовальщиков сегодня определяют уровень проведения соревнований. Будучи ответственными за обеспечение этого уровня перед мировой спортивной общественностью, советские организаторы, естественно, не хотели нести ответственности за качество аппаратуры иностранных фирм.

Главная проблема, конечно, — создать это оборудование. К счастью, здесь был заранее создан хороший конструктивный задел во Всесоюзном институте по спортивным и туристским изделиям (ВИСТИ). Другая проблема — добиться утверждения советской аппаратуры Международной федерацией фехтования.

Мы понимали с самого начала, что работа предстоит длительная и трудная, поскольку на мировом рынке к этому времени было немало стабильных и популярных конструкций электрофиксаторов. Но мы были убеждены, что наши электрофиксаторы УЭФ-4 и УЭФ-5, разработанные специалистами ВИСТИ, ни в чем не уступают зарубежным образцам и должны использоваться на Олимпиаде. Однако для этого они должны быть официально утверждены сначала Комиссией ФИЕ по электросигнализации и затем руководством этой федерации. Длительные переговоры и демонстрация нашей аппаратуры на крупнейших международных соревнованиях привели все-таки к положительному решению.

Впервые в практике олимпийских игр были применены индикаторы приоритета при обоюдных атаках на саблях, «система желтых ламп», позволявшая обнаружить неисправности электрических цепей оружия и одежды фехтовальщиков.

Повышению культуры олимпийских состязаний способствовали и другие приборы, созданные к Играм: счетчики уколов, настольные хронометры, демонстрационные электрочасы и протоколы для каждого из 17 полей боя.

Для информации участников и зрителей на большом универсальном электротабло производства венгерских предприятий «Электроимпекс» использовалось 50 форматов сообщений на русском и французском языках. Такого количества разнообразных форматов в практике прошлых олимпийских игр не было.

На самой Олимпиаде руководство федерации было в восторге от аппаратуры, которая не дала ни одного сбоя во время олимпийских соревнований.

Конечно, взаимоотношения с ФИЕ не ограничивались лишь согласованием использования судейско-информационной аппаратуры. Важные вопросы организации решались в большинстве случаев путем прямых контактов Оргкомитета с президентом ФИЕ — теперь уже бывшим — Пьером Ферри.

Пьер Ферри—очень колоритная фигура в международном и французском спортивном движении, в свое время и в политической жизни Франции. По профессии он финансист, имеет в Париже собственную контору. В течение многих лет занимался активной политической деятельностью, одно время — в начале 50-х годов — был министром коммуникаций в правительстве Мендес-Франса (правительство существовало недолго).

Президентом ФИЕ Ферри впервые был избран еще в 1956 году. Проработал тогда четыре года, затем был перерыв на олимпийский цикл, в 1964 году Ферри был избран на этот пост вторично.

...Внимательно просмотрел свои записи и обнаружил, что в них очень мало того, что относится непосредственно к переговорам с президентом Международной федерации фехтования. Пытаюсь понять, в чем дело. Наверное, в том, что уже в 1977 году мы пригласили на работу в Оргкомитет вице-президента Международной федерации фехтования Анатолия Петровича Голяницкого, который на протяжении всех предолимпийских лет регулярно участвовал в заседаниях исполкома и конгрессах этой федерации и практически взял на себя всю нагрузку по согласованию с ФИЕ спортивно-технологических вопросов.

В Оргкомитете это был не единственный случай, когда вице-президентами той или иной международной федерации были работники Управления спортивных программ.

Большую нагрузку по согласованию с федерацией спортивно-технологических вопросов взяли на себя такие высококвалифицированные советские специалисты в проведении соревнований по фехтованию, как Йозас Удрас и Валериан Базаревич.

Из песни слова не выкинешь: далеко не все спортивно-технологические вопросы, в частности связанные с расписанием олимпийских соревнований, решались с Международной федерацией фехтования и своевременно, и правильно. В первую очередь стоит вспомнить о том, сколько раз приходилось изменять ранее составленное расписание предварительных боев и тура прямого выбывания в разных видах оружия. И на заключительном этапе подготовки, и в период

проведения Игр расписание периодически необходимо было корректировать. Происходило ли это из-за специфики фехтования как вида спорта, в котором трудно рассчитать и спрогнозировать реальную продолжительность боев, или оттого, что международная федерация «отключилась» от разработки расписания, сосредоточив свое внимание лишь на решении организационных вопросов, в частности аккредитации официальных лиц, их размещения, транспорта, других вопросов, которыми Пьер Ферри занимался весьма активно и настойчиво, не знаю. Но факт остается фактом: расписание по фехтованию уже после утверждения технического регламента изменялось довольно активно.

К счастью, эти изменения всегда оперативно учитывались в организации Игр и не повлияли на их четкий и размеренный ритм.

По мнению международной фехтовальной общественности, пожалуй, наибольшее впечатление произвела атмосфера олимпийского турнира фехтовальщиков, определявшаяся прежде всего самим местом проведения олимпийских состязаний. Представьте себе необыкновенно просторное, какое-то прозрачное, радостное спортивное сооружение, днем освещавшееся через громадные витражи, расположенные напротив удлиненной пятитысячной трибуны. На просторном поле расположены 17 боевых дорожек. Ощущение праздничности, подлинно олимпийской атмосферы не покидало любого находящегося в этом здании. На громадном футбольном поле кипит напряженная фехтовальная жизнь: судейские бригады переходят от одной дорожки к другой, группы спортсменов собираются возле тех дорожек, где идут наиболее напряженные бои. И буквально каждый поединок носит отпечаток мужественной и бескомпромиссной борьбы за звание олимпийского чемпиона.

...На конгрессе в Москве президент ФИЕ Пьер Ферри сдал свои полномочия. Его соотечественники-спортсмены приготовили ему хороший подарок: завоевали половину олимпийского фехтовального золота. Чемпионкой стала Паскаль Тренке, звание победителей в командном первенстве завоевали мужская и женская команды рапиристов и мужская команда в фехтовании на шпаге. Советские фехтовальщики довольствовались 3 золотыми медалями. Владимир Смирнов стал победителем в турнире рапиристов, Виктор Кровопусков и команда стали победителями в фехтовании на саблях. Одна медаль уехала в Швецию с олимпийским чемпионом по шпаге Йоханом Харменбергом.

Пьер Ферри сдал свои полномочия президента ФИЕ

судьи международной категории Яниса Альбертовича Гринбергаса из Литовской ССР. Кстати, Янис Альбертович оказался единственным директором олимпийских соревнований немосквичом из директоров по 20 видам спорта, проводившимся в Москве.

Даже своевременность, аккуратность переписки поддерживалась специалисткой в области ручного мяча Юлией Ивановной Ивановой, работавшей непосредственно в аппарате при руководстве Управления спортивных программ.

Это одна сторона дела. Другая состояла в том, что и международная федерация, и Оргкомитет шли, как и хорошей семье, на всяческие уступки друг другу, не претендовали на то, что входило в сферу компетенции другой стороны.

Поясню на двух примерах. Первоначально руководителей федерации не очень устраивало число мест в зале «Сокольники». Причем вначале, до реконструкции, число мест в «Сокольниках» было 8 тыс., затем в связи с усилением мер противопожарной безопасности — созданием дополнительных проходов для эвакуации зрителей в случае возможной опасности — число мест было сокращено более чем на 1 тыс. И надо сказать, что на этом этапе федерация весьма спокойно перенесла это сокращение, понимая, что здесь позиция проектировщиков и Оргкомитета продиктована добрыми намерениями и вызывается специфическими, техническими условиями данного зала.

Пример противоположного свойства относится к выбору спортивного оборудования и инвентаря. Позволив Оргкомитету выбирать те ворота для гандбола, которые он считал нужным заказать у нас в стране, федерация тем не менее жестко встала на защиту своих интересов в вопросе выбора мяча. Эта федерация оказалась, пожалуй, самой предусмотрительной из 21 федерации по летним олимпийским видам спорта в политике выбора основных видов оборудования и инвентаря. Задолго до Московской олимпиады она записала себе в правила пункт о том, что право выбора мяча принадлежит руководству международной федерации. А поскольку мы обязаны были руководствоваться соответствующим правилом Олимпийской хартии, говорящим о том, что Игры проводятся по правилам международных спортивных федераций, нам пришлось смириться с тем, что федерация сама выбрала поставщика и предоставила нужное количество мячей для проведения олимпийского турнира по гандболу.

Правда, этой фирмой оказалась «Адидас», которая до

того уже была назначена официальным поставщиком Игр XXII Олимпиады.

В пользу федерации было решено и разногласие, возникшее по одному из вариантов расписания олимпийских соревнований. Федерация смогла убедить нас, что предложенный ею вариант больше соответствует сложившейся практике проведения олимпийских гандбольных турниров.

География олимпийских турниров гандболистов была весьма широкой. В соревнованиях приняли участие команды 14 стран. Победы одержали женская команда Советского Союза и мужская команда Германской Демократической Республики, победившая сборную СССР с разницей всего в 1 мяч.

...Краткая, но убедительная оценка олимпийского турнира содержится в официальном отчете, опубликованном в бюллетене Международной федерации гандбола: «Турнир по ручному мячу был великолепным во всех отношениях и отмечен как высоким уровнем мастерства спортсменов, так и прекрасной организацией».

ПРЕЗИДЕНТ СРЕДИ ПРЕЗИДЕНТОВ

Международная федерация гребных обществ (ФИСА) была основана в 1892 году. Она объединяет более 50 национальных федераций академической гребли. Федерация гребного спорта СССР вступила в ФИСА в 1952 году.

В 1959 году президентом ФИСА избран 34-летний промышленник Томас Келлер (Швейцария). Т. Келлер — президент Генеральной ассоциации международных спортивных федераций (АГФИС). С 1972 года Т. Келлер — президент объединения „Свисс Тайминг“.

Президент Генеральной ассоциации международных спортивных федераций, Международной федерации гребных обществ и компании «Свисс Тайминг» Томас Келлер, пожалуй, одна из наиболее интересных, сложных и порой противоречивых фигур в современном международном спортивном движении.

Келлер сотрудничал с Оргкомитетом «Олимпиада-80» во всех этих трех своих ипостасях, и сотрудничал много, плодотворно для Игр и успешно для себя.

Прежде всего впервые в истории современных олимпийских игр столь большая работа Оргкомитета была связана с генеральными ассамблеями АГФИС. Кстати, именно в этот период (1976—1980 годы) Келлер немало сделал для укреп-

ления самой АГФИС. Ему удалось открыть в Монте-Карло постоянную штаб-квартиру АГФИС с техническим директором и небольшим аппаратом этой организации.

Период подготовки к Московской олимпиаде с точки зрения консолидации международных спортивных федераций, организации их взаимодействия отличается прежде всего переходом от статуса Генеральной ассамблеи (то есть регулярных совместных заседаний) к статусу Генеральной ассоциации, принятием Устава этой организации, в котором большое внимание уделено вопросам передачи опыта между федерациями и той или иной форме их объединения.

Следует, однако, отметить и рыхлый характер структуры этой организации, в которой соседствуют федерации не только по олимпийским, но и другим видам спорта, да и ряд организаций, которые мало кого представляют (их, правда, немного из тех шести десятков, что в 1980 году составлял АГФИС).

Томас Келлер очень много сделал для создания необходимых условий сотрудничества Оргкомитета «Олимпиада-80» с руководством международных спортивных федераций. Так, по его инициативе и приглашению регулярно на совместных заседаниях международных федераций по летним олимпийским видам спорта заслушивались сообщения Оргкомитета «Олимпиада-80», что было весьма полезным и для популяризации во всем мире успешного и планомерного хода подготовки к Московской олимпиаде, и для создания в самих федерациях обстановки спокойной уверенности в успехе Игр.

Уделяя немало времени организации работы АГФИС, Томас Келлер не забывал, разумеется, и о необходимости поддержания «должного порядка» в той международной федерации (одном из шестидесяти членов АГФИС), в которой он сам был президентом и где начиналась его карьера спортивного деятеля международного масштаба, — Международной федерации гребных обществ.

Федерация весьма активна в организации крупнейших международных регат. Помню, еще на чемпионате мира по академической гребле для женских команд, проведенном в Москве в 1964 году, стройный, сильный, динамичный, тогда еще совсем молодой Томас Келлер был в центре всеобщего внимания.

На протяжении многих лет Советская федерация академической гребли через своего президента, вице-президента ФИСА Евгения Леонидовича Кабанова, поддерживала тесные контакты с руководством ФИСА и с самим

Келлером. Его советы во время строительства Московского Гребного канала, который сам Келлер считает лучшим в мире сооружением подобного рода, оказались весьма полезными, хотя перед чемпионатом Европы 1973 года, к которому был приурочен ввод в действие первой очереди канала, Келлер высказывал весьма скептические суждения по вопросу о том, будет ли канал готов к сроку. Действительно, прошедшие дожди затруднили отделочные и завершающие работы на канале, да и другие субъективные факторы также мешали. За несколько дней до начала чемпионата Келлер демонстративно ходил по строительным площадкам в резиновых сапогах, оставаясь пессимистом до последней минуты. Однако в день чемпионата, когда, естественно, все в полной готовности сияло новизной и чистотой, Келлер вышел на судейском катере на середину канала и демонстративно утопил в нем свои сапоги.

...Если говорить откровенно, то Келлер с самого начала нашего сотрудничества был убежден, что олимпийские соревнования по академической гребле будут подготовлены и проведены хорошо. Он верил в опыт наших судей. На первых порах его беспокоило только то, что в ходе сотрудничества с федерацией мы не сразу нашли кандидатуру на пост директора будущих олимпийских соревнований. В конце концов такой директор появился. Точнее, «директриса» — единственная женщина, назначенная директором олимпийских соревнований по виду спорта, Елизавета Ивановна Залеская. Она пришла в Управление спортивных программ в 1977 году, завершив работу во Всероссийском спорткомитете, где проработала более четверти века. Елизавета Ивановна — человек, глубоко и серьезно знающий «водные» виды спорта: парусные гонки и оба вида гребли. Уже через пару дней после своего очередного приезда в Москву, поработав с Елизаветой Ивановной непосредственно на канале, Келлер сказал мне:

— Ты наконец-то нашел человека, который нам нужен!

Их необыкновенно полезное для Игр сотрудничество продолжалось вплоть до последнего дня Олимпийской регаты. И закономерно, что один из первых тостов, который Келлер произнес на заключительном приеме, организованном им от имени ФИСА прямо на Гребном канале, в присутствии президента МОК лорда Килланина, был тост «за здоровье энергичной леди — подлинной хозяйки Олимпийской гребной регаты!»

В ходе подготовки к олимпийским соревнованиям мы стремились по возможности удовлетворять просьбы федера-

ции, понимая, что многолетний опыт Келлера, его требования, которые многим порой казались завышенными, позволят достичь высокого уровня Олимпийской гребной регаты.

На Спартакиаде народов СССР ему вдруг не понравились наши дикторы английского и французского языков. Наверное, он был прав. Спору нет, для наших дикторов английский и французский языки, мягко говоря, не являлись родными, у них, безусловно, был акцент. Но на самой Олимпиаде благодаря нашему сотрудничеству с Московским государственным институтом иностранных языков имени Мориса Тореза удалось создать обширную группу, состоявшую из 150 человек—преподавателей, студентов, аспирантов, профессиональных дикторов, и значительно поднять уровень подготовки наших радиоинформаторов по сравнению со Спартакиадой.

Проведение олимпийских соревнований по академической гребле полностью подтвердило разработанную советскими специалистами и согласованную с международной федерацией концепцию Олимпийской гребной регаты, основанную на использовании богатейших технических возможностей Московского канала — тех, что были созданы в первой очереди канала, вступившей в строй за несколько лет до Московской олимпиады, уже тогда отличавшейся высоким технологическим уровнем, и тех устройств, зданий, сооружений, которые были созданы во второй очереди канала специально к Олимпийским играм.

Так, в целях нейтрализации ветра использовались любые шесть дорожек из восьми, размеченных на канале; созданное венгерскими специалистами табло позволяло в ходе заездов демонстрировать на нем относительное положение лодок; через каждые 250 метров поступали сообщения о времени, с которым лодки проходили очередной отрезок дистанции; перечень этот можно было бы продолжать и продолжать.

Олимпийская регата была представительной и отмечена высокими спортивно-техническими результатами.

Спортивные итоги Олимпийской гребной регаты, по мнению специалистов, еще раз подтвердили тенденции последних лет — преимущество гребцов Германской Демократической Республики. Достаточно сказать, что из шести первых мест в женских соревнованиях у спортсменок ГДР четыре.

В гребле на одиночке румынка Санда Тома и в двойке парной советские спортсменки Елена Хлопцева и Лариса

Попова оттеснили спортсменов ГДР, но «недалеко» — на второе-третье места.

Соотношение сил в мужских финалах еще более показательно: лишь финну Пертти Карпинену в одиночке удалось нарушить гегемонию гребцов ГДР. В остальных семи классах лодок преимущество за командами ГДР.

И в то же время гребная регата отличалась широкой географией призеров. В их числе спортсмены Югославии, Чехословакии, Великобритании, Болгарии, СССР.

Закономерным и приятным итогом нашего сотрудничества с ФИСА стала запись, которую в заключительный день олимпийских соревнований по академической гребле Келлер сделал в книге отзывов на Гребном канале:

«Олимпийская регата по академической гребле в Москве имела большой успех. Я благодарю всех, кто внес свой вклад в это незабываемое мероприятие. Организационный комитет проделал огромную работу. Я с нетерпением жду своего следующего визита в Москву».

...Но первый рабочий контакт с Келлером был у меня повсе не в связи с «гребными делами». Наше знакомство состоялось в Швейцарии, куда приехала делегация Подготовительного комитета по выдвижению Москвы на проведение Олимпийских игр 1980 года. Тогда, весной 1974 года, за несколько месяцев до решения венской сессии МОК, задача делегации состояла в том, чтобы ознакомиться с аппаратурой хронометража, выпускаемой предприятиями швейцарской часовой промышленности, используемой на крупнейших международных спортивных соревнованиях. К этому времени прошло почти два года с момента создания объединения «Свисс Тайминг».

Особенно хорошо были знакомы спортивному миру два его члена-учредителя — всемирно известные часовые фирмы «Омега» и «Лонжин», затем к ним присоединились фирма «Хойер Леонидас» — один из крупнейших в мире производителей ручных хронометров и ряд других организаций. Президентом объединения в 1972 году был избран Томас Келлер. Решение было, безусловно, правильным. Помимо того что Томас Келлер — бизнесмен в третьем поколении с большими связями в деловом мире, он еще — фигура популярная и в спортивном мире, а это, безусловно, способствовало повышению авторитета вновь созданного общества. В задачу объединения входит осуществление хронометража на крупнейших международных и национальных спортивных соревнованиях.

В те апрельские дни 1974 года закладывались основы

последующего возможного сотрудничества Управлении спортивных программ Оргкомитета «Олимпиада-80» с организацией «Свисс Тайминг». Но к окончательному оформлению и закреплению этого сотрудничества в рамках контракта обе стороны шли долгим, сложным и не всегда гладким путем.

Оргкомитет и Спорткомитет СССР предпринимали усилия к тому, чтобы в максимально возможном числе видов спорта разработать отечественные системы спортивного хронометража и использовать период подготовки к Играм для их создания. Многие в этом отношении удалось сделать. Так, из 21 вида спорта, входящего в программу Московской олимпиады, лишь в 6 хронометраж осуществляла фирма «Свисс Тайминг», в 15 — советские организации, прежде всего ВИСТИ (Всесоюзный институт по спортивным и туристским изделиям).

Преимущество сотрудничества со «Свисс Тайминг» состояло в том, что благодаря положению Келлера как президента АГФИС, да и по причинам личного характера, у него сложились хорошие отношения с подавляющим большинством руководителей международных спортивных федераций. Мы были убеждены (и это подтвердилось в ходе подготовки и проведения Олимпийских игр), что любые возникавшие технические вопросы и разногласия с федерациями «Свисс Тайминг» сможет успешно ликвидировать даже без нашего участия. А это представляло для нас определенный интерес, учитывая высокие требования, которые федерации предъявляют к техническому обеспечению олимпийских соревнований.

На заключительном этапе подготовки к Играм, примерно в последние два года, Келлер сделал своим ближайшим помощником и в федерации, и в объединении «Свисс Тайминг» молодого энергичного швейцарца Денниса Освальда, добившись его назначения директором «Свисс Тайминг» и избрания генеральным секретарем ФИСА. Деннис в прошлом тоже был гребцом, призером Олимпийских игр в Мехико в 1968 году. Освальд во многом способствовал укреплению тех плодотворных традиций сотрудничества ФИСА и «Свисс Тайминг» с Оргкомитетом, которые в течение нескольких лет развивал Келлер. На Освальда во время Олимпиады лег большой груз организационной работы по координации деятельности нескольких десятков специалистов «Свисс Тайминг», приехавших в Москву для обеспечения хронометража по 6 видам спорта.

Освальд унаследовал от Келлера настойчивость в требо-

ваших к оборудованию гребного канала, например добиваясь восстановления вещательной телевизионной сети на трибунах. Эта сеть существовала с 1973 года (в первой очереди канала), но затем при его реконструкции была нарушена. Освальд добился ее восстановления.

Однако отдельные разногласия, повторяю, не были типичными для наших взаимоотношений. В первую очередь помогало то, что сотрудничество носило долговременный, стабильный характер. Нашу страну Келлер объездил вдоль и поперек. Помнится, как на одном из вечеров, проходившем в швейцарском Институте физкультуры в Маглингене, он демонстрировал снятый им узкоплечный кинофильм о Сибири. Фильм был сделан с большой любовью и наблюдательностью, сопровождался интересными комментариями своего Томаса.

Но порой многие положения, исповедуемые Келлером, трудно принять и объяснить с позиций прогресса в мировом спортивном движении. О том, насколько противоречивой и сложной является его фигура спортивно-политического деятеля, можно судить по тем словам, которые он как-то несколько произнес: «Я знаю, я иногда считаюсь самым реакционным. У меня в Уставе... — он так и сказал, имея в виду Устав ФИСА, — отсутствует пункт о том, что на церемониях награждения поднимаются флаги и исполняются гимны, и пункт о запрещении всех видов дискриминации — по расовым, политическим и религиозным мотивам».

Одним словом, Томас Келлер — сильный, энергичный и умный представитель своего класса, реальный спортивный политик.

...Через восемь месяцев после завершения Игр, в разгар подготовки к XI Олимпийскому конгрессу, Томас Келлер вновь приехал в Москву. В интервью корреспондентам «Советского спорта» он сказал:

— Выражаю огромную благодарность всем, кто участвовал в подготовке и проведении Олимпиады. С собой в Москву я привез письмо всех руководителей олимпийских федераций, в котором они выражают признательность Организационному комитету «Олимпиада-80». Нас буквально поразило великолепное проведение Игр.

Сейчас в Москве у меня были очень полезные и важные переговоры в Спорткомитете СССР и Национальном олимпийском комитете СССР, которые касались развития сотрудничества с международными федерациями, столь успешно поработавшими в Москве с хозяевами Игр. Все единодушно в том, что опыт Олимпиады-80 поможет

обсуждению на конгрессе вопроса о будущем олимпийских игр.

МЕДЛЕННО, НО ВЕРНО

Международная любительская федерация плавания (ФИНА) была образована в 1908 году. В ее состав входит свыше 115 национальных федераций. Федерация плавания СССР вошла в состав ФИНА в 1947 году.

Мексиканец Хавьер Остос избирался президентом федерации дважды: впервые избран в возрасте 51 года в 1968 году и был президентом до 1972 года, вторым раз — с 1976 по 1980 год.

В сентябре—октябре 1977 года подготовка к Играм XXI Олимпиады пересекла свой экватор, и дни, оставшиеся до Игр, замелькали с быстротой десятых долей секунды, отсчитывающих время спортсмена на телевизионном экране.

К этому периоду относится один из сложных моментов во взаимоотношениях с МСФ — приезд в Москву президента Международной любительской федерации плавания мексиканца Хавьера Остоса и почетного генерального секретаря этой федерации Роберта Хелмика из США.

Это два очень не похожих друг на друга человека — экспансивный, маленький брюнет Остос, любивший много, долго и порой запутанно говорить, и высокий, стройный, моложавый, выдержанный блондин, почти альбинос, Хелмик с его предельно четким языком.

В ходе этого визита и произошел первый серьезный конфликт Оргкомитета и ФИНА, который начался не по нашей инициативе, а явился следствием взаимоотношений, сложившихся у ФИНА с Международным олимпийским комитетом, первоначально с программной комиссией МОК, которая отклонила притязания ФИНА на расширение программы олимпийских соревнований в Москве за счет синхронного плавания и за счет восстановления ряда дисциплин, которые ранее были исключены из программы.

Процедура рассмотрения этого вопроса не устроила руководство федерации, оно пожаловалось МОК.

Первой жертвой этих разногласий оказался Оргкомитет... В Москве Остос категорически отказался рассматривать подготовленный нами первый вариант расписания олимпийских соревнований по плаванию, прыжкам в воду и водному поло. Он заявил, что не хочет рассматривать проект расписания в его, как он считал, сокращенном виде, не соответствующем притязаниям ФИНА.

Нам же с таким подходом соглашаться не хотелось: до срока объявления расписания, который мы себе установили, оставалось лишь несколько месяцев. Поэтому в ответ на отказ ФИНА было сказано, что будет ли принято их требование или не будет, расписание уже сегодня необходимо десяткам организаций, участвующих в подготовке к проведению Олимпийских игр. В частности, нам нужно иметь это расписание для разработки билетной программы, своевременного выпуска билетного каталога и изготовления билетов. Мы полагали, что отказ ФИНА согласовать проект расписания может пагубно отразиться на нашей коммерческой программе.

Мы заявили Остосу, что идем навстречу пожеланиям федерации, строя, например, плавательный бассейн, который, видимо, будет лучшим и наиболее удобным в мире для проведения крупных комплексных соревнований, поскольку в отличие от всех предыдущих имеет два зала: один — для плавания и водного поло, другой — для прыжков в воду, так что эти соревнования могут идти одновременно. А ведь строительство такого бассейна требует немалых средств, которые должны быть получены от нашей коммерческой деятельности, в том числе от продажи билетов. Не давая этого хотя бы предварительного согласия на первый вариант расписания, федерация тем самым не только проявляет недружелюбие по отношению к Оргкомитету и не выполняет своих обязательств как организатора соревнований, но и ставит под угрозу получение нами определенных доходов.

Попытки убедить руководителей ФИНА осуществлялись нами в течение почти всех дней пребывания в Москве этой делегации. В конце концов нам удалось убедить Остоса (Хелмик, как мы понимали, был к этому готов с самого начала) рассмотреть с нами проект расписания, который потом почти без изменений вошел в технический регламент.

На последовавших позже исполкоме и сессии МОК притязания ФИНА на расширение программы были отвергнуты, и программа Московской олимпиады осталась в ранее согласованном объеме.

Еще одним разногласием с руководителями ФИНА оказалось у нас планирование. Начну же с того, что размах планирования, полностью завершено к их приезду, поразил и Остоса, и особенно Хелмика. Роберт Хелмик через несколько дней после возвращения из Москвы подробно написал об этом в интервью, опубликованном в одной из газет США. Представители ФИНА были удовлетворены и

тем, что в Москве готовили для участников Олимпиады невиданное ранее количество тренировочных объектов. Мы понимали, что продолжавшийся процесс увеличения нагрузок в плавании потребует большого количества «воды» для проведения тренировок участников Олимпийских игр непосредственно после приезда в Москву. Поэтому предусматривалось предоставление более чем 80 плавательных дорожек.

Но, видимо, напуганный тем, что организаторы Олимпийских игр в Монреале до последнего момента испытывали затруднения в строительстве олимпийского бассейна и даже вели поиски резервных вариантов, Остос заявил Оргкомитету, что он требует представить ему график строительства Олимпийского плавательного бассейна с указанием основных хронологических этапов строительства и он собирается сам внимательно следить за выполнением этого графика.

Федерации было однозначно заявлено, что контроль за строительством олимпийских сооружений находится полностью и в компетенции Оргкомитета, и в сфере его ответственности перед МОК, международной спортивной общественностью и перед участниками Олимпийских игр. Оргкомитет, а не федерация отвечает за то, что олимпийские сооружения будут построены в срок и будут соответствовать правилам и требованиям международной федерации, удовлетворять задачам проведения олимпийских соревнований на высоком организационном, спортивном и техническом уровне.

Руководители ФИНА этими переговорами не ограничились: переписка по этому поводу шла в течение нескольких месяцев, пока федерация наконец «сдалась» и больше этот вопрос не поднимала.

Нет, уж если говорить более точно, федерация вспомнила об этой «проблеме» за несколько месяцев до Игр, когда Остос и Хелмик в очередной раз посетили Москву и побывали в Олимпийском бассейне. Надо отдать должное руководителям ФИНА. Остос сказал:

— Теперь я понимаю, почему вы так сопротивлялись, отказываясь дать нам график. Я вижу, что вы были убеждены в том, что постройте все своевременно и с таким высоким качеством, которое мы видим здесь.

— Конечно, это лучший в мире бассейн, — добавил Хелмик.

Это, естественно, не означало, что они не сделали замечаний. Так, они попросили в дополнение к звуконепроницаемой перегородке сделать разделительный занавес

между залом для прыжков в воду и плавательным залом. Они попросили изменить порядок вывода участников перед началом соревнований, их размещение до церемонии награждения. Мы изменили, правда очень незначительно, схему размещения подтрибунных служебных помещений. Но, повторяю, в главном они были единодушны: московский олимпийский бассейн — лучший в мире, функционально и технологически наиболее подготовленный к проведению олимпийских соревнований.

«Очередное» разногласие с Международной федерацией плавания не относилось к собственно спортивным соревнованиям, оно касалось выбора организации, которой будет поручено провести съемку технического кинофильма на олимпийских соревнованиях по плаванию.

Существующими правилами Международного олимпийского комитета предусмотрено, что международные спортивные федерации имеют право снять так называемые технические фильмы об олимпийских соревнованиях по своим видам спорта для некоммерческого показа в спортивных организациях, спортивных школах и т. п. Оргкомитет «Олимпиада-80» и Государственный комитет СССР по кинематографии приняли решение в интересах будущего развития спорта добиться того, чтобы в отличие от предыдущих Игр технические фильмы были сняты в Москве практически по всем видам спорта (обычно на предыдущих олимпиадах снималось 5—6 фильмов).

Поэтому Оргкомитет «Олимпиада-80» предоставил Госкино СССР право снять не только большой «официальный» фильм об Олимпиаде, но и технические фильмы по видам спорта, о чем был подписан соответствующий договор.

Разные федерации по-разному отнеслись к этой идее. Большинство из них безоговорочно приняли предложение Оргкомитета предоставить Госкино СССР права и на съемку технических фильмов, и потом на распространение фильмов по всему миру.

Но мы встретили возражения со стороны Остоса и Хелмика. Причина выяснилась почти сразу же: в предыдущих олимпийских циклах у федерации плавания сложились определенные и, надо сказать, успешные коммерческие взаимоотношения с австралийской фирмой «Спидо». Остос активно выступил против предоставления Госкино исключительного права на съемку. Оргкомитет дал согласие на аккредитацию на Московской олимпиаде съемочной группы «Спидо» в количестве 6 человек.

Но дальше события разворачивались следующим образом: фирма «Спидо» и ФИНА разорвали свои отношения, и технический фильм по плаванию так и не был снят.

...У читателя может сложиться впечатление, что все наши взаимоотношения с ФИНА состояли из одних сложностей и разногласий. Нет, все определялось обстановкой сотрудничества в подготовке к Олимпийским играм. Ведь в конечном итоге и расписание согласовано вовремя, и руководство федерации шло навстречу в решении вопросов, которые для нас представляли большую важность.

Уже после того как расписание было согласовано, возникла необходимость в переносе начала соревнований по водному поло, подавляющая часть которых проводилась в открытом плавательном бассейне Центрального стадиона имени В. И. Ленина, на более раннее время. Это понадобилось для того, чтобы избежать строительства нескольких дорогостоящих осветительных мачт для вечернего освещения, отвечавшего требованиям показа по цветному телевидению. Федерация очень быстро дала нам согласие, и предварительные соревнования по водному поло проводились в дневное время, что позволило сэкономить большую сумму денег и строительных мощностей.

Федерация пошла нам навстречу и тогда, когда по просьбе московских транспортных организаций и Центрального телевидения возникла необходимость в отдельные дни несколько «развести» время начала соревнований по плаванию и по прыжкам в воду, поскольку первоначальный вариант расписания приводил к большой концентрации зрителей на ограниченном участке в зоне крытого стадиона и плавательного бассейна. Федерация также сразу же согласилась, хотя это и противоречило их первоначальным взглядам.

Она также поддержала нас в желании указывать в расписании соревнований время начала не только очередной смены — утренней или вечерней, — но и время начала каждой плавательной дисциплины. Тем самым методика проведения соревнований по плаванию была приведена в соответствие с общепринятой методикой планирования соревнований в других видах спорта, например в легкой атлетике.

...И все-таки не могу не вспомнить, что переговоры с ФИНА времени всегда занимали в несколько раз больше, чем с любой другой федерацией. Пробыл Остос президентом во второй раз снова всего один четырехлетний срок: международная плавательная общественность пришла к выводу о

необходимости смены руководства, и на московском конгрессе на место Остоса был избран новый президент — югослав Анте Ламбаша. Анте всегда шел на хорошие деловые товарищеские контакты с Оргкомитетом «Олимпиада-80». Мы работали с ним последние два года до Игр: он был назначен техническим делегатом ФИНА по водному поло.

Постоянно существовало у нас взаимопонимание и с Робертом Хелмиком, почетным генеральным секретарем федерации. Роберт занимает высокое место в иерархии спортивного руководства США. Так, в 1979—1980 годах он был президентом Любительского легкоатлетического союза США (ААЮ). Это опытный и знающий юрист, и сотрудничество с ним доставляло большое удовольствие своей профессиональной остротой, конкретностью и деловым подходом. По-видимому, такой же точки зрения придерживались и директор олимпийских соревнований по плаванию Виктор Алексеевич Агальцов, и советские представители в ФИНА, активно и плодотворно участвовавшие в подготовке и проведении Игр в течение всего шестилетнего периода.

Многолетняя настойчивая работа по созданию наилучших условий для состязаний в Москве не могла не принести своих плодов. Олимпийский плавательный турнир ошеломил потоком высоких достижений — мировых, олимпийских, континентальных рекордов. На различных этапах соревнований были в соответствии с правилами ФИНА зарегистрированы 10 мировых и 22 олимпийских рекорда, а всего число результатов, превышавших прежние мировые рекорды, составило 48.

Четырем выдающимся мастерам плавания удалось завоевать по 3 золотые медали. Владимир Сальников в плавательном марафоне 1500 м вольным стилем первым в истории мирового спорта преодолел рубеж 15 минут. На дистанции 400 м он финишировал с олимпийским рекордом. Третью золотую медаль Сальников получил в составе команды СССР в эстафете 4 × 200 м.

Спортсменка из ГДР Барбара Краузе в плавательном спринте, на «сотке», установила мировой и олимпийский рекорды, 200 м преодолела с олимпийским. В эстафете 4 × 100 м вольным стилем с ее участием команда ГДР установила мировой и олимпийский рекорды.

Третья героиня плавательного турнира Рика Райниш, также из ГДР. На обеих дистанциях 100 и 200 м на спине она установила олимпийские и мировые рекорды; третья медаль у нее в составе эстафеты.

Три золотые медали также у спортсменки из ГДР Карен Метчук — на 100 м баттерфляем и в двух эстафетах.

В число олимпийских чемпионов вошли пловцы Швеции, Венгрии, Великобритании, Австралии, среди призеров спортсмены Австрии, Испании, Бразилии, Дании, Польши, Нидерландов.

Прыжки в воду также принесли успех спортсменам ГДР и СССР, у которых по 2 золотые медали.

Турнир ватерполистов в очередной раз стал ареной борьбы команд Венгрии, Югославии, СССР.

За последние 20 лет венгры стали чемпионами два раза, по одному разу — югославы и советские ватерполисты. На этот раз чемпионами стали хозяева бассейна, оттеснившие югославов на второе место, венгров — на третье.

Итоги олимпийских соревнований коротко подвел Остос: — Спортивное сооружение можно назвать непревзойденным. Созданы все условия для спортсменов и зрителей. Советские организаторы соревнований отмечены специальными наградами ФИНА.

Это было самым коротким его высказыванием. Но лучше, пожалуй, не скажешь...

СРАЖЕНИЕ НА ИСКУССТВЕННОМ ПОЛЕ

Международная федерация хоккея на траве (ФИХ) основана в 1924 году. В нее входит около 80 национальных федераций. Федерация хоккея на траве СССР вступила в ФИХ в 1970 году.

В 1966 году президентом федерации избран Рене Франк (Бельгия). В год Московской олимпиады ему исполнилось 79 лет.

И вот наступает время рассказать об одном из наиболее интересных, увлекательных и волнующих эпизодов нашей подготовки к проведению спортивных состязаний Олимпиады.

Было известно, что Рене Франк, президент Международной федерации хоккея на траве, — человек властный, в своей федерации едва ли не всемогущий, пользующийся колоссальной популярностью среди руководителей хоккея во многих странах мира.

Советские организаторы в его глазах, да и, наверное, по мнению всей мировой, как говорится, «хоккейной общестственности», — новички в проведении крупных соревнований по этому виду спорта и должны были смириться с ролью покорных учеников. Может быть, с его точки зрения, это

было и правильно: ведь, скажем, количество судей по хоккею на траве, которые были у нас в стране к моменту начала подготовки к Олимпийским играм, не составляло и ста человек. Это меньше, чем количество судей по любому другому олимпийскому виду спорта.

Вместе с тем, вступая в длительный период подготовки к Играм, хотелось верить, что у нас с федерацией общие интересы, что и федерация, и Оргкомитет руководствуются единым мнением, желанием, стремлением добиться того, чтобы олимпийский турнир по хоккею в Москве стал лучшим в истории мирового хоккея.

Существовали все предпосылки для этого. Наша добрая воля, определенные материальные возможности, поддержка со стороны десятков организаций у нас в стране. Уже к началу подготовки советские спортивные организации представлял в совете Международной федерации хоккея на траве Альберт Львович Лейкин, президент Всесоюзной федерации хоккея на траве.

Но вместе с тем уже в 1976 году можно было предположить, что будут вопросы, в которых возможно расхождение наших взглядов и интересов с Федерацией. Прежде всего полем битвы могут стать, простите за каламбур, поля для игры в хоккей. На Играх в Мюнхене, где проводился мужской турнир, поля были естественные. Однако с тех пор хоккей изменился — стал более динамичным, в том числе и за счет появления полей с искусственной травой — нейлоновой или из других синтетических материалов. В Монреале, где так же, как и в Мюнхене, разыгрывался только мужской турнир, матчи проводились на полях, покрытых искусственной травой «астротурф», производимой одной из крупнейших американских химических фирм «Монсанто».

У работников управления были встречи на Играх в Монреале с представителями фирмы «Монсанто». Вели они себя тогда заинтересованно, хотя и в достаточной мере уверенно.

Позже мы поняли подоплеку этой уверенности. Состояла она, как выяснилось, в безоговорочной поддержке фирмы со стороны руководства Международной федерации хоккея.

В 1977 году, весной, состоялся первый приезд Рене Франка и генерального секретаря Этьена Глишича в Москву.

Одно из первых требований федерации состояло в том, чтобы по примеру Монреаля и в соответствии с представлениями о современном хоккее поля были покрыты искусственной травой. Мы не стали сопротивляться этому требованию по двум причинам. Первая — Оргкомитету, как

и федерации, тоже нужен был красивый и динамичный хоккей, и хотелось создать наилучшие условия для спортсменов. Но была и еще одна причина: мы понимали, что в оставшееся до Олимпийских игр время практически невозможно будет вырастить (это подтвердилось заключениями наших специалистов) траву нужного качества.

Рассказывают такой анекдот. Англичанам, которые обладают большим опытом выращивания естественных газонов, как-то задали вопрос: «В чем состоит секрет высокого качества ваших полей?» — «Секрет этот очень простой: нужно каждый день подстригать и каждый день поливать!» — «Как — и это все?» — «Да, и все. И так шестьсот лет».

Поскольку у нас этих шестисот лет уже не оставалось, мы пришли к выводу, что следует согласиться на требование федерации, но с одной оговоркой: должно быть не три поля, как требовала федерация, а только два. Убедить удалось на основе подготовленного нами экономичного варианта расписания соревнований и тренировок, доказывавшего, что даже с учетом того, что в программу Игр был включен женский хоккей, двух полей будет достаточно для обеспечения и соревнований, и тренировок. Тем более что в Москве к этому времени уже был построен и оборудован манеж «Спартак» с искусственным полем, покрытым «астротурфом».

Но после того как заместитель председателя Оргкомитета В. Г. Смирнов подтвердил руководству федерации готовность уложить два искусственных поля, на меня началась «массированная атака» Франка и Глишича: искусственные поля должны быть изготовлены только из «астротурфа» фирмы «Монсанто»!

Соглашаться с безоговорочным диктатом, естественно, не следовало. Стоит лишь официально дать согласие на «только «астротурф», «только «Монсанто», как фирма начнет из нас «вить веревки», ставя непомерные финансовые условия.

Поэтому руководству федерации было заявлено, что Оргкомитет готов уложить искусственное покрытие. Но выбор типа этого покрытия полностью составляет прерогативу Оргкомитета. Мы обязаны по правилам Международного олимпийского комитета проводить Игры в соответствии с правилами международных федераций. В правилах же Международной федерации хоккея — заявлено было Франку и Глишичу — отсутствует всякое упоминание не только о том, кто выбирает фирму, укладывающую покрытие, но отсутствует даже запись о том, каким

должно быть это покрытие — искусственным или естественным. Наша добрая воля, что мы решили укладывать искусственное поле, а уж каким оно будет — целиком входит в нашу прерогативу. Но вы можете высказать свои требования к спортивно-техническим характеристикам этих покрытий. Мы рассмотрим эти требования и, если они покажутся нам разумными, выберем покрытие, удовлетворяющее этим требованиям.

В результате нелегких переговоров был тем не менее подписан протокол, в котором за Оргкомитетом закреплялось право выбора типа искусственного покрытия в соответствии со спортивно-техническими требованиями, которые пришлет федерация и которые также должны быть согласованы с Оргкомитетом. Это было, конечно, достижением. Но мы продолжали испытывать давление со стороны фирмы «Монсанто», которая, чувствуя поддержку федерации, откровенно заявила о своих финансовых аппетитах.

И вот требования, подписанные Глишичем, пришли. Даже беглого взгляда на них оказалось достаточно, чтобы убедиться, что эти требования «один к одному» списаны с технического описания покрытия «астротурф» фирмы «Монсанто».

Тем временем едва ли не десяток фирм прислали в Оргкомитет образцы своей искусственной травы и коммерческие предложения. Начались поиски возможных вариантов, которые в конечном итоге привели нас к мысли изучить возможности западногерманской фирмы «Й. Адольф АГ», производившей недорогое покрытие типа «полиграсс». Но хотя «полиграсс» имел определенное распространение в Скандинавских странах и в ФРГ, прежде всего из-за дешевизны этого покрытия и удобства ухода за ним, Международная федерация, поддерживающая «Монсанто», отказывалась его признать.

Руководство фирмы «Й. Адольф АГ» в ответ на наше предложение подтвердило, что оно согласно предоставить два поля бесплатно. Это было уже достижением, но... только началом: предстояло доказать международной федерации право Оргкомитета избрать бесплатное покрытие «полиграсс», а не дорогой «астротурф». И хотя было понятно, что конфликт с федерацией по этому поводу зайдет очень далеко — вплоть до сессии МОК, руководство Оргкомитета приняло решение пойти на конфликт с федерацией. Мы сообщили ей, что «спортивно-технические требования», присланные нам, не содержат тех показателей игры в хоккей, которые могли бы принести пользу публичной организации,

пожелавшей изготовить покрытие, удовлетворяющее требования игроков и способствующее динамичности и безопасности игры. Однако Оргкомитет хорошо понимает свои обязательства перед спортсменами, которые приедут в Москву. Правило 41 Международного олимпийского комитета говорит, что стадионы должны соответствовать правилам международных федераций. В правилах ФИХ отсутствует какое-либо указание о покрытии. Тем не менее Организационный комитет пошел навстречу федерации в решении главного вопроса о том, что олимпийские соревнования должны проводиться на искусственном покрытии, и мы не собираемся отступать от этого обещания. Мы рассмотрели образцы покрытий, присланные рядом изготовителей, провели многочисленные консультации со специалистами и убедились, что в настоящее время существует несколько типов искусственных покрытий примерно одинакового качества.

В начале марта 1978 года соглашение с фирмой «Й. Адольф АГ» было подписано, о чем мы немедленно известили федерацию.

Естественным ответом сначала был телекс Э. Глишича, а затем большое письмо Р. Франка президенту МОК Майклу Килланину, в котором содержались обвинения в адрес Оргкомитета и подозрения в политических мотивах, которыми мы якобы руководствовались.

Как и предполагалось, переломным моментом в решении данного вопроса явилась сессия МОК, которая на этот раз проводилась в Афинах. После того как президент МОК М. Килланин приступил к рассмотрению отчета Оргкомитета, заранее розданного всем делегатам, слово взял Франк, сообщивший членам МОК, что Оргкомитет выбрал для покрытия материал, не одобренный международной федерацией.

В ответ внимание участников сессии было обращено на тот факт, что Оргкомитет следовал правилам МОК. От Оргкомитета потребовали обеспечить определенный материал, цена которого была весьма высока, но он нашел фирму, которая смогла поставить сходное покрытие бесплатно. Таким образом, это скорее коммерческий, чем технический, вопрос.

Почетный технический советник МОК Арпад Чанади напомнил делегатам, что если были удовлетворены все технические требования федераций, то их дополнительные запросы до начала Игр абсолютно неприемлемы.

Право Оргкомитета было подтверждено на этой сессии.

Последовал, правда, еще обмен письмами Франка с Киллашном, но это было уже, как говорится, вдогонку. Кстати, показательно, что на всех последующих за афинской сессией встречах с нами федерация уже не поднимала вопроса о правильности или неправильности действий Оргкомитета при выборе искусственного покрытия, подчеркивая лишь то, что всю ответственность Оргкомитет взял на себя.

...Возвращаясь мысленно к итогам Игр, задаю себе вопрос: в чем состояла причина поразительной заинтересованности руководства Международной федерации хоккея на траве в выборе искусственного покрытия «астротурф» фирмы «Монсанто»? Несмотря на слухи о личной заинтересованности президента федерации Рене Франка в выборе этого покрытия (говорили, что не случайно европейское представительство «Монсанто» находилось в Брюсселе — в том городе, где постоянно проживает Франк), считаю, что у него не было личной заинтересованности. Настойчивость же Франка объясняется тем, что к началу нашей совместной работы у него, как у президента федерации, был только один положительный опыт — покрытие фирмы «Монсанто». И как человек консервативного склада, он просто сопротивлялся чему-то новому, отличавшемуся от его взглядов.

Итак, непростым путем, но организация олимпийских хоккейных турниров пришла к своему логическому завершению.

Шесть мужских команд представляли все континенты (кроме Австралии), где хоккей на траве получил широкое распространение. Команды Испании, Индии, СССР, Польши, Кубы, Танзании сначала встретились между собой в однокруговом турнире. Затем команды Испании и Индии, занявшие первое и второе места, встретились в финальном матче. В обеих командах играли лучшие «бомбардиры» турнира — Хуан Анат и Суриндер Сингх. Упорный матч принес победу индусам — 4:3. Команда Индии стала олимпийским чемпионом в седьмой раз — ее первая победа датирована 1932 годом. Бронзовые медали сборной СССР — признак растущего класса советских спортсменов. Медали этого же достоинства и у нашей женской команды, хотя состав женского турнира — первого в олимпийской истории — был также весьма силен. Здесь победу одержала команда африканского государства Зимбабве, незадолго до Игр добившегося подлинной независимости. Серебряные медали у сборной Чехословакии.

В ходе соревнований и по окончании их Международная федерация хоккея, работавшая в тесном контакте с руково-

директората Евгением Алексеевичем Минаевым, неоднократно отмечала высокий уровень организации соревнований, имея в виду подготовку спортивных арен, вспомогательных помещений, организацию питания участников, четкое движение транспорта и прочие аспекты, способствовавшие успешному проведению олимпийского турнира.

И еще до окончания турнира Рене Франк заявил:

— Хоккейный турнир проводится на самом высоком организационно-техническом уровне, и у меня нет никаких замечаний.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРЕПЯТСТВИЙ

Международная федерация конного спорта (ФЭИ) организована в 1921 году. Объединяет около 70 национальных федераций. Федерация конного спорта СССР вошла в состав ФЭИ в 1952 году.

В 1964 году президентом ФЭИ избран 43-летний принц Филип, герцог Эдинбургский, супруг королевы Великобритании.

Наше сотрудничество с Международной федерацией конного спорта развивалось, может быть, и не очень стремительно, но достаточно планомерно, в строгом соответствии с планом, который был согласован в 1976 году, — в те же сроки, что и с другими международными спортивными федерациями.

Постоянную связь между Оргкомитетом «Олимпиада-80», нашей Федерацией конного спорта, с одной стороны, и руководством ФЭИ, с другой, поддерживал один из ведущих специалистов конного спорта и ветеринарной службы член бюро ФЭИ профессор Игорь Федорович Бобылев. Часто встречался с представителями международной федерации и будущий руководитель директората олимпийских соревнований по конному спорту известный специалист по организации конноспортивных соревнований Николай Федорович Шеленков.

Основную нагрузку со стороны федерации в нашей взаимной совместной работе взял на себя генеральный секретарь ФЭИ швейцарец Фриц Видмер, который за эти годы показал себя конструктивно мыслящим человеком, стремящимся сгладить противоречия и трения, которые порой возникали. В то же время он настаивал на жестком выполнении линии руководства федерации.

Отдавая должное вкладу этого человека в организацию

олимпийских соревнований и его международному авторитету, хочу начать рассказ о нашем взаимодействии с ФЭИ с его слов, сказанных после Игр:

— Как известно, соревнования по конному спорту требовали особых усилий со стороны Оргкомитета. В целом сотрудничество между Оргкомитетом и ФЭИ было весьма плодотворным.

За этими короткими фразами многое...

Начиная с 1912 года соревнования по преодолению препятствий в конном спорте проводились на главном олимпийском стадионе. Этот факт, по-видимому, отражал определенное привилегированное положение данной международной спортивной федерации. Причем если первоначально на протяжении многих олимпиад такое мероприятие проводилось на Олимпийском стадионе просто традиционно, то в дальнейшем Международная федерация конного спорта записала это положение в качестве одного из своих правил. И сегодня в правилах ФЭИ четко сформулировано: «Соревнования по преодолению препятствий проводятся на Олимпийском стадионе».

Раньше эти соревнования были лично-командными. Начиная с Монреаля федерация, стремясь увеличить количество разыгрываемых медалей, добилась того, что в преодолении препятствий стали проводить раздельно командные и личные соревнования. На Олимпиаде в Монреале на Олимпийском стадионе в последний день Игр проводились командные соревнования. После Монреаля ФЭИ внесла в МОК предложение, согласованное с Оргкомитетом «Олимпиада-80», что соревнования в последний день Олимпиады будут проведены личные, а за несколько дней до этого на Конноспортивной базе профсоюзов в Битцевском лесопарке — командные.

Многие руководители Международной федерации конного спорта задолго до Игр отмечали, что еще нигде для проведения олимпийских конноспортивных состязаний не делалось так много, как в Москве. Имелось в виду главным образом то, что не где-то далеко за городом, как, скажем, на Играх «под Монреалем», в Бромоне, а в черте большого многонаселенного города, в хорошо озелененном районе была построена практически лучшая в мире конноспортивная база, включающая стадион с трибунами на 12 тыс. мест, поле для выездки с трибунами на 4 тыс. мест, закрытый манеж, круг для стипль-чеза, плавательный бассейн и гостиницу, постоянные конюшни на 250 голов и еще 200 мест во временных конюшнях.

Наши взаимоотношения с Международной федерацией конного спорта начались с тщательной проработки с ее представителями всех без исключения программно-технологических вопросов проведения олимпийских соревнований по конному спорту.

Особое внимание с нашей стороны было уделено ветеринарному обеспечению соревнований. Министерство сельского хозяйства СССР, его Главное ветеринарное управление привлекли к разработке программы ветеринарного контроля конского состава своих лучших специалистов. Были разработаны и разосланы во все НОК ветеринарные требования, продумана процедура встречи и контроля лошадей в пограничных пунктах, их транспортировка от границы до Москвы. По заданию Оргкомитета Министерство автомобильной промышленности СССР создало отличные конструкции специальных автомобилей — «коневозок». На случай заболеваний в Московской ветеринарной академии были подготовлены места в специально оборудованной лечебнице. Во время Игр конюхам команд создавались все условия для круглосуточного наблюдения за питомцами: они получили возможность жить в филиале Олимпийской деревни — гостинице Конноспортивного комплекса профсоюзов. Одним словом, «четвероногий спортсмен» получал на Московской олимпиаде максимум необходимой заботы.

Не меньше внимания было уделено и организации соревнований. В Битцевском лесопарке и его округе с участием представителей ФЭИ были выбраны и проложены трассы полевых испытаний, удовлетворявшие самым взыскательным требованиям специалистов конного спорта. Отечественные предприятия изготовили (с учетом и соревнований, и тренировок) одиннадцать комплектов препятствий, оформленных художниками с учетом традиционного колорита нашей страны. Немало времени было потрачено на обсуждение с представителями ФЭИ состава грунта покрытий площадок для выездки и стипль-чеза. Грунтовые воды на этих участках расположены близко к поверхности и доставили немало беспокойства, но наши специалисты пришли к правильному решению.

Как часто случается в деле, в которое вовлечены десятки организаций, руководителей и специалистов самого высокого ранга, наряду с единством мнений по подавляющему большинству решавшихся проблем не обошлось и без разногласий...

При обсуждении в Оргкомитете «Олимпиада-80» в мае

1978 года программы «по сменам» возник вопрос о правомерности проведения конноспортивных состязаний по преодолению препятствий на Большой спортивной арене Центрального стадиона имени В. И. Ленина. Специалисты, отвечавшие за праздник закрытия, сетовали, что в их распоряжении было недостаточно времени, чтобы провести необходимую подготовку поля и установить свои конструкции.

Поэтому мне было поручено в порядке проработки поставить перед бюро ФЭИ вопрос о возможности переноса соревнований по преодолению препятствий на стадион «Динамо». Было решено направить меня на заседание бюро Международной федерации конного спорта, которое на этот раз проводилось вблизи города Сан-Хуана, столицы Пуэрто-Рико. Эта поездка для меня совмещалась с участием в конгрессе Международной федерации легкой атлетики.

Национальный олимпийский комитет Пуэрто-Рико, его председатель—обаятельный член МОК Герман Рихехоф (через полтора года этому мужественному человеку предстояло бороться и победить в подлинной битве за право участия спортсменов Пуэрто-Рико в Московских играх вопреки американской политике бойкота) помогли мне добраться до места заседания бюро ФЭИ.

На заседании бюро собрался практически весь его состав. Ясно было, что подавляющее большинство членов будут противниками просьбы Оргкомитета. Поддерживать ее будут Игорь Федорович Бобылев и, может быть, еще 1—2 члена бюро. В моем сообщении от имени Оргкомитета, которое заняло примерно 20 минут, было рассказано о последовательном и планомерном ходе подготовки к Играм, разработке отдельных программ и методических вопросов Игр, а также о том, как идет строительство олимпийской конноспортивной базы.

Затем (честно говоря, с большой опаской) перешел к тому главному, ради чего приехал на это заседание. Аргументов в пользу переноса на «Динамо» было немало. Громадный (проявленный уже за два года!) интерес к празднику закрытия, по существу, не позволит многим подлинным любителям конного спорта приобрести билеты на второй финальный гит соревнований, совмещенный с праздником закрытия, тем самым их интересы будут ущемлены. Церемония закрытия, которой Оргкомитет придает большое значение, требует значительного времени на подготовку, которого не окажется, если соревнования по конному спорту будут завершаться вплотную к церемонии

закрытия. Было приведено еще несколько аргументов и более, и менее значительных и весомых. Но уже задолго до конца выступления по реакции слушателей можно было предположить их явно негативное отношение.

В заключение от имени Оргкомитета прозвучала официальная просьба к бюро федерации дать согласие на проведение личных соревнований по преодолению препятствий на стадионе «Динамо».

После нескольких вопросов перешли к обсуждению. Как и предполагалось, активную отрицательную позицию первым занял президент Федерации конного спорта ФРГ граф Ландсберг. Он сразу же сослался на соответствующее правило Хартии МОК и на соответствующее правило Международной федерации конного спорта.

Попытка объяснить, что стадион «Динамо» это тоже олимпийский стадион (как и Большая спортивная арена), повисла в воздухе потому, что в практике предыдущих олимпийских игр Олимпийским стадионом всегда назывался стадион, где проводились открытие, закрытие и соревнования по легкой атлетике.

В итоге принц Филип предложил компромиссный вариант: соревнования проводить в Лужниках, но начать первый гит в 7 часов — 7 часов 30 минут утра. Для конников, а тем более для лошадей это совсем не раннее, а вполне приемлемое время для начала соревнований. Можно и организовать ночевку лошадей в тех временных конюшнях, которые мы и без того предполагали построить недалеко от Большой спортивной арены.

Расчеты, основанные на прогнозе количества участников соревнований и времени на каждую попытку спортсмена (принимая во внимание и перерыв, необходимый на перестроение препятствий после первого гита), показывали, что состязания могут быть закончены в 14 часов — 14 часов 30 минут. Таким образом, до церемонии закрытия оставалось еще 4—5 часов. Компромиссное предложение федерации было доложено руководству Оргкомитета. После долгой цепи обсуждений, переписки с президентом МОК Килланином, приезда в Москву Ф. Видмера, согласования с принцем Филипом времени окончания соревнований в конце концов было принято компромиссное предложение ФЭИ.

К этому времени подготовки Игр (конец 1978 года) практически все президенты международных спортивных федераций успели побывать в Москве, многие даже не по одному разу. Прощаясь в Пуэрто-Рико, принц Филип сказал,

что, по-видимому, настало время и ему в качестве президента ФЭИ посетить олимпийские спортивные сооружения Москвы. Естественно, что вскоре были согласованы сроки его приезда — начало марта 1979 года.

Принц Филип прилетел в Москву на небольшом реактивном самолете королевского авиаотряда, который пилотировал он сам. В Москву он летел откуда-то с юга — с Аравийского полуострова, совершил две промежуточные посадки — сначала в Турции, потом в Киеве. В аэропорту Внуково-2 он должен был совершить посадку в 16 часов 15 минут. В момент приземления самолета взгляд автоматически упал на часы: разница с расчетным временем составила 15 секунд. Наверное, принц Филип действительно искусный пилот...

Краткий — всего 4 дня, но весьма насыщенный визит включал осмотр сооружений (Конноспортивного комплекса профсоюзов, филиала Олимпийской деревни, который располагался на территории комплекса, трасс соревнований по полевым испытаниям), а также переговоры в Оргкомитете и в Министерстве сельского хозяйства СССР.

В переговорах в Оргкомитете был окончательно согласован расчет времени, нужного для проведения конноспортивных соревнований на Большой спортивной арене 3 августа. Перед принцем Филипом был твердо поставлен вопрос о необходимости завершить соревнования в 14 часов. Окончательного ответа, правда, принц Филип не дал, но в дальнейшем — обменом телексами — этот срок был согласован.

В Министерстве сельского хозяйства были уточнены вопросы ветеринарного контроля лошадей, ввозимых в СССР для участия в конноспортивных состязаниях, и допинг-контроля лошадей в ходе соревнований. Министр сельского хозяйства Валентин Карпович Месяц сообщил президенту федерации, что все необходимые условия для ветеринарного контроля лошадей на Играх уже практически созданы, что на всех этапах он будет осуществляться без лишней напряженности — с целью обеспечения наилучших условий для выступления спортсменов.

На Играх в Москве принца Филипа мы не увидели. Его официально представлял один из ведущих специалистов конного спорта швед Густав Ниблеус, который возглавил апелляционное жюри. Руководство федерации было также представлено генеральным секретарем ФЭИ Фрицем Видмером.

Хочу отметить исключительно конструктивную роль,

которую сыграл Фриц Видмер в ходе самих соревнований. Если быть последовательным, то события развивались так. За несколько дней до начала соревнований в троеборье меня срочно вызвали на конноспортивную базу, где технический делегат ФЭИ Антон Бюлер в присутствии Видмера сделал весьма серьезное заявление о том, что недостаточные эффективно ведутся работы на трассе полевых испытаний по устранению тех нарушений, которые были вызваны предшествующими обильными дождями. Он поставил условие завершить все работы на трассе полевых испытаний и сократить фазу «Ц» («езда по дорогам»), частично размывшую дождем, до 16 часов следующего дня — дня, предшествующего соревнованиям.

В указанный срок эта работа выполнена не была. Видимо, она попросту не могла быть выполнена в срок, как говорят, физически, хотя все усилия предпринимались.

К 16 часам меня официально пригласили на заседание бюро федерации конного спорта. Видмер сообщил о том, что бюро будет обсуждать создавшуюся ситуацию. После данных нами членам бюро объяснений мы покинули помещение.

Через полчаса мне сказали, что Видмер и Ниблеус хотят переговорить со мной. Мы встретились. Видмер сообщил, что положение тяжелое: Бюлер снял с себя обязанности технического делегата, а вместе с ними — и ответственности за проведение соревнований, мотивируя это тем, что трасса подготовлена, с его точки зрения, недостаточно качественно. Видмер сказал:

— Есть только одна возможность для проведения соревнований: я, как генеральный секретарь ФЭИ, и вы, как представитель Оргкомитета, должны принять на себя всю полноту ответственности за возможные травмы или другие случаи, которые могут произойти на трассе полевых испытаний. Но и в этом случае соревнования скорее всего начнутся не завтра, а послезавтра.

Это, конечно, наносило серьезный удар по расписанию Олимпийских игр. То, что нужно вместе с Видмером принимать ответственность, у меня сомнений не вызывало. Но соревнования должны были начаться завтра в 8 часов утра, и причина предложения о переносе их на послезавтра была в том, что еще не проведено официальное ознакомление спортсменов с трассой, поскольку до последнего момента трасса была не готова.

...Наконец рождается встречный вариант: мы откладываем начало соревнований с 8 часов на 11. В этом случае мы,

первых, получаем возможность утром ознакомить участников с готовой трассой, во-вторых, мне казалось, что это естественно не затрагивает интересы печати, радио, телевидения.

Нет, риск все же существовал: средства массовой информации, особенно телевидение и радио, могли высказать нам претензии за перенос начала соревнований. Этот вопрос мне пришлось оперативно согласовывать с заместителем председателя Оргкомитета, отвечавшим за работу со средствами массовых коммуникаций, Владимиром Ивановичем Поповым. Он дал на это согласие, так же как и куратор олимпийской программы заместитель председателя Оргкомитета Георгий Михайлович Рогульский. Через несколько минут в зале заседаний конноспортивного комплекса были приглашены представители команд. Фриц Видмер заявил:

— Господин Бюлер снял с себя обязанности технического директора. Федерация благодарна ему за ту работу, которую он ранее проделал, но считает возможным удовлетворить его отставку. В этих условиях ответственность за проведение соревнований полностью берут на себя Видмер и Родригес. Соревнования начнутся на следующий день не в субботу, как было объявлено ранее, а в 11.

Что же касается самих соревнований, то прошли они довольно быстро и организованно, закончились в расчетное время, количество травм и сходов с дистанции оказалось даже меньше, чем на аналогичных предыдущих соревнованиях. Инцидентов же не было совсем. Так что через несколько дней в Монте-Карло у Фрица Видмера были все основания сказать:

— Да, порой олимпийские игры требуют смелости не только от спортсменов, но и от организаторов!

Каждый день на Конноспортивном комплексе профсоюзом собирались тысячи любителей конного спорта. А утром третьего дня Олимпиады — 3 августа на Большой спортивной арене в Лужниках десятки тысяч зрителей увидели напряженный розыгрыш личного приза по преодолению препятствий. Победу в нем одержал польский всадник Ян Альчик. А в предыдущие дни Игр личный приз по выездке с большим преимуществом выиграла Элизабет Бергер, выступавшая на сером в яблоках красавце «Монте-Карло». Немало препятствий неспортивного характера пришлось преодолеть настойчивой спортсменке, чтобы наперекор скептическим реакционным деятелям национальной федерации выступить в Московских играх. Командное первенство по выездке выиграла — уже второй раз в олимпийской исто-

рии — советская сборная. Кстати, советские спортсмены выиграли и остальные два командных первенства — в преодолении препятствий и в троеборье. В личном первенстве по троеборью первым призером стал итальянец Федерико-Эуро Роман. Среди призеров — мексиканские, болгарские и румынские всадники.

Личный представитель президента ФЭИ на Играх XXII Олимпиады, президент большого жюри и технический делегат Густав Ниблеус в своем официальном отчете указал: «Все судьи, которые принимали участие в судействе олимпийских соревнований, были полезными и оказали большую помощь. Атмосфера на соревнованиях была дружеской и благожелательной».

ФОРМУЛА ГРАНАТКИНА

Международная федерация футбольных ассоциаций (ФИФА) образована в 1904 году. В нее входит около 150 национальных федераций. Федерация футбола СССР вошла в ФИФА в 1946 году.

В 1974 году президентом федерации избирается член МОК бразильский адвокат и бизнесмен Жоао Авеланж, которому в год Московской олимпиады исполнилось 65 лет.

Вторая половина 1978 года была отмечена не только затяжными переговорами с ФЭИ, но еще одним не менее острым вопросом, который в течение нескольких месяцев волновал практически всю международную спортивную общественность. Это вопрос о порядке допуска участников Олимпийских игр по футболу.

Но перед тем как рассказать об этом, хотел бы вернуться к самому началу организации олимпийского футбольного турнира.

Без всякого сомнения, наиболее существенная роль в организации олимпийских футбольных соревнований в Москве, а также в Ленинграде, Киеве и Минске принадлежит Валентину Александровичу Гранаткину — одному из наиболее выдающихся деятелей советского и международного спортивного движения. В течение многих лет — до самой смерти Валентин Александрович являлся первым вице-президентом Международной федерации футбольных ассоциаций и председателем любительского комитета этой федерации. По существу, он в ФИФА отвечал за подготовку и проведение олимпийского турнира.

Перед тем как прийти на работу в Оргкомитет, Валентин

Александрович, несмотря на пенсионный возраст, продолжал активно работать в спорте.

Первоначально, поскольку сотрудников было маловато, он отвечал за подготовку соревнований не только по футболу, но и по хоккею на траве.

Первым серьезным этапом в сотрудничестве с ФИФА по подготовке Олимпиады были приезд в Москву и поездка в другие «города-спутники» московского футбольного турнира — Ленинград, Киев, Минск президента ФИФА Жоао Авеланжа и генерального секретаря Хельмута Кезера. В поездке руководителей ФИФА сопровождал Валентин Александрович. Они остались вполне удовлетворенными ходом реконструкции спортивных сооружений: посмотрели проекты реконструкции стадионов, модернизации, ознакомились с ходом подготовки советского судейско-вспомогательного персонала, будущим техническим оснащением футбольных стадионов Олимпиады-80.

Последним в поездке был Киев, он как бы подводил итоги этой инспекции. Поэтому наиболее показательно сообщение прессы о заключительном визите в Киев: «Авеланж дал высокую оценку киевскому Центральному стадиону. Поле, трибуны, раздевалки для спортсменов, комнаты для арбитров, вообще нынешнее состояние сооружения в целом таково, сказал он, что олимпийские матчи можно проводить хоть сегодня».

Большое впечатление на президента ФИФА произвели планы предстоящей в ближайшие годы реконструкции Центрального стадиона, включающие в себя обновление футбольного газона, трибун и всех подсобных служб, усиление осветительной системы, сооружение двух новых тренировочных футбольных полей на Черепановой горе, строительство двух спортивных гостиниц рядом со стадионом».

Итоги этого визита по четырем олимпийским городам были весьма важны для Оргкомитета еще и потому, что Авеланж — человек весьма уважаемый в международном спортивном движении — затем в ходе многочисленных заседаний МОК постоянно подчеркивал планомерный успешный ход подготовки олимпийского футбольного турнира.

Вот, например, что зафиксировано в стенограмме вопросов и комментариев членов МОК в связи с отчетом Оргкомитета «Олимпиада-80» на 78-й сессии МОК в июле 1976 года в Монреале:

«Жоао Авеланж: Как президент ФИФА, в конце июня

нынешнего года я имел удовольствие посетить Москву, Ленинград, Киёв и Минск, где предусматривается проведение турниров по футболу. Условия проведения в СССР олимпийского футбольного турнира будут совершенными. Мы можем предполагать, что и все другие виды спорта получают такие же условия. Хотелось бы отметить любезность Оргкомитета в связи с предоставленной возможностью ознакомиться с местами проведения соревнований. Я хочу также поздравить Оргкомитет «Олимпиада-80» и сказать МОК, что у меня нет никаких сомнений в том, что Олимпийские игры в Москве пройдут на высоком уровне».

Полезными в ходе этого посещения оказались для нас высказанные Авеланжем и Кезером советы и по организации олимпийского турнира, и по обслуживанию отдельных групп лиц, имевших к нему отношение. В частности, Кезера очень волновали вопросы обслуживания журналистов, организации пресс-центров на футбольных стадионах Олимпиады-80, их в Москве было два — в Лужниках и на «Динамо», а также на стадионе имени С. М. Кирова в Ленинграде, динамовском стадионе Минска и Республиканском стадионе Киева.

...И тем не менее, несмотря на полнейшее единодушие в вопросах спортивной технологии, возникла длительная напряженность в вопросе о допуске игроков. Существовало в том, что конгресс Международной федерации футбола постановил: спортсмены, выступающие на чемпионате мира 1978 года, автоматически лишаются права выступать в олимпийском футбольном турнире. Это решение вызвало бурю протеста со стороны многих представителей международной спортивной общественности. Тогда ФИФА пошла на компромисс: учитывая, что наибольшую остроту этот вопрос имел в странах Африки и Азии, было принято решение о том, что этот пункт правил касался лишь Европы и Латинской Америки, тем самым не распространялся на спортсменов стран Африки и Азии, которые в противном случае (по первому варианту) должны были иметь практически две сборные команды — сборную на чемпионат мира и сборную олимпийскую, чего большинство стран сделать было не в состоянии.

Это компромиссное предложение также вызвало протесты, поскольку создавало неравноправное положение континентов, когда одним давалось какое-то предпочтение перед другими, или по крайней мере какой-то другой статус.

Руководство международной федерации настойчиво добивалось реализации своей политики — вплоть до угрозы

выхода из олимпийского движения, до исключения своего вида из программы Олимпийских игр. В этих условиях Международный олимпийский комитет вынужден был пойти на уступку для того, чтобы сохранить в программе Олимпийских игр такой популярный вид спорта, как футбол.

Хочу, кстати, сразу сказать читателю, что эти трения и разногласия проходили без участия Оргкомитета «Олимпиада-80», поскольку вопрос о допуске спортсменов и команд полностью находится в компетенции Международного олимпийского комитета и соответствующей международной федерации.

Что же касается самой организации олимпийского футбольного турнира, то здесь, повторяю, никаких разногласий не существовало — была полная поддержка, было полное взаимопонимание, которое в значительной степени определялось личным вкладом Валентина Александровича Гранаткина.

Соревнования по футболу на Играх XXII Олимпиады проводились по организационному принципу, практикуемому и на предыдущих олимпиадах: 16 команд-участниц были разбиты на 4 группы по 4 команды в каждой. По 2 команды, занявшие первые и вторые места в группах, выходили в 1/8 финала, где вступал в действие принцип выбывания.

Вместе с тем организация олимпийского футбольного турнира 1980 года отличалась от организации предыдущих олимпийских футбольных турниров прежде всего тем, что соревнования проводились в четырех крупнейших городах страны (расположенных в европейской части СССР), что практикуется лишь на чемпионатах мира.

Что касается принципиально новых организационно-методических идей, которые были использованы при проведении олимпийского футбольного турнира, то главная из них состояла в том, что 4 города, в которых проводился предварительный турнир, были поделены на две «связки» по 2 города и команды играли попеременно в этих двух городах, а не, скажем, так, как можно было предположить — организовать 4 групповых турнира — по одному в каждом из этих городов.

Таким образом, команды одной группы размещались в двух разных городах (Москва—Ленинград, Киев—Минск). Это дало возможность советским любителям футбола увидеть большее количество команд в своих городах, а футболистам, тренерам, судьям и официальным ли-

цам — подробнее ознакомиться со страной, с жизнью советского народа.

Из-за небольших расстояний, которые разделяли эти города, переезды были необременительны для команд, а тем более для организаторов олимпийских предварительных турниров.

Эта система, предложенная и принятая по инициативе Валентина Александровича Гранаткина, стала одним из его многочисленных творческих вкладов в Олимпиаду-80.

В 1979 году мы торжественно отпраздновали с участием представителей многих спортивных организаций страны его 70-летие. Но в этот период начало ухудшаться состояние здоровья. Шла речь о том, что ему следует оставить работу в Оргкомитете. Но коллектив прекрасно понимал, что без работы этот деятельный человек будет чувствовать себя еще хуже.

Осенью 1979 года в Монте-Карло перед началом переговоров с международными федерациями по летним олимпийским видам спорта одним из первых, кого мы встретили в гостинице, был Авеланж. Он озабоченно сказал:

— Сегодня из Лозанны с нашего заседания сюда прилетит ваш... и наш Валентин Гранаткин. Там он почувствовал себя очень плохо, несколько раз мы вызывали врача.

Вечером прибыл Валентин Александрович, он действительно и выглядел, и чувствовал себя неважно. Решили ограничить его участие в заседаниях, свести до минимума...

А через месяц после его возвращения из Монте-Карло он скоропостижно скончался через час после окончания своего обычного трудового дня.

Сотни людей — работников спортивных организаций Москвы и других городов пришли отдать последний долг этому выдающемуся деятелю спортивного движения.

Те идеи, программы, методические разработки, которые были созданы Гранаткиным, предстояло реализовать на заключительном этапе подготовки и в период проведения Олимпийских игр. Наиболее сложными были задачи, стоявшие перед Вячеславом Ивановичем Колосковым, руководителем директората олимпийского футбольного турнира и преемником Валентина Александровича на посту вице-президента ФИФА. Но это было успешно сделано.

Важным этапом сотрудничества с международной федерацией уже в отсутствие Валентина Александровича был приезд Кезера в Москву для обсуждения процедуры проведения предстоявшего в мае 1980 года заседания

любительского комитета ФИФА. Этот комитет практически служит своеобразным международным директоратом олимпийского футбольного турнира. Само заседание любительского комитета, проведенное в Главном олимпийском пресс-центре на Зубовском бульваре, и церемония жеребьевки олимпийского футбольного турнира, проведенная там же, транслировались по сети Интервидения и Евровидения на десятки стран мира.

В ходе самих Игр большое внимание, естественно, было обращено на организацию тренировок команд—участниц олимпийского футбольного турнира. Каждый из четырех городов имел достаточное количество отлично подготовленных футбольных полей со всеми помещениями, необходимыми для организации тренировок. Правда, не обошлось здесь без накладок, особенно в первые дни. Команды несколько раз приезжали не на те спортивные сооружения, где им предстояло тренироваться, и их ждали. Водители автобусов не сразу находили соответствующие направления для въезда на спортивные сооружения. Если говорить в целом, а не только о футболе, то приблизительно из 6 тыс. организованных Оргкомитетом тренировок в 12 были те или иные отклонения от расписания или от установленного порядка. Что же касается самих соревнований по футболу, то они были проведены строго по расписанию, пользовались большой популярностью у зрителей — их посетило около 2 млн. человек.

Победителями предварительных групповых турниров стали команды Югославии, Германской Демократической Республики, ЧССР и СССР. Вместе с ними в состав четвертьфинала вышли футболисты Кувейта, Кубы, Ирака и Алжира. Но лидеры групповых турниров подтвердили в четвертьфинале свой класс и образовали две полуфинальные пары. В матче с командой ГДР советские спортсмены пропустили мяч в свои ворота и вынуждены были оспаривать у команды Югославии, проигравшей чехословацкой сборной, лишь третье место. В итоге у советской сборной бронзовые медали.

А в финале победу над сборной ГДР — олимпийскими победителями Монреаля, забив всего один гол, впервые одержали футболисты Чехословакии.

По официальным заявлениям руководителей ФИФА, олимпийский футбольный турнир прошел на высоком организационном и спортивно-техническом уровне. Х. Кезер отметил: «ФИФА полностью удовлетворена подготовкой турнира, ни одна из 16 команд-участниц не направила ни единой жалобы».

Нам особенно лестно высказывание одного из самых авторитетных людей в международном спортивном движении — Жоао Авеланжа: «Вы сумели создать прекрасные условия для проведения соревнований, как, впрочем, и на всех олимпийских базах СССР. В сочетании с дружественной, благожелательной атмосферой, которая царит на Олимпиаде, все это обеспечивает ее полный успех. За последние годы я посетил 127 стран, однако таких современных спортивных баз, такого отношения к развитию спорта не встречал нигде.

Я счастлив, что мне удалось посетить в СССР все олимпийские сооружения. Могу заверить, что советские люди сделали все от них зависящее, чтобы максимально подготовить их к состязаниям. Организация Игр была безупречной. Я должен отметить, что у нас не было нехватки ни в чем, все запросы участников Олимпиады выполнялись четко и своевременно, по лучшим мировым стандартам».

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ

Международный союз стрелкового спорта (УИТ) основан в 1921 году. В его составе около 95 национальных федераций. Федерация стрелкового спорта СССР стала членом УИТ в 1952 году.

В 1976 году президентом УИТ стал греческий адвокат Георгиос Вихос, которому тогда был 61 год.

В 1980 году президентом федерации избирается 45-летний мексиканский бизнесмен Олегарио Васкес Ранья.

Завершился период, когда спортивный мир на все лады обсуждал «футбольную проблему» — правила допуска к Играм, а на очереди была следующая, на этот раз «стрелковая». В последние месяцы 1978 года возникла острая ситуация в Международном союзе стрелкового спорта. УИТ — одна из тех нескольких федераций, в которых за время подготовки к проведению Олимпийских игр в Москве произошли изменения в руководстве. На смену президенту Георгиосу Вихосу из Греции пришел мексиканец Олегарио Васкес Ранья.

И вот сейчас, оценивая правомерность такой смены, понимаешь, что это был процесс объективный, несмотря на то что взаимоотношения Оргкомитета с прежним президентом Георгиосом Вихосом с самого начала складывались весьма плодотворно и конструктивно, в чем немалая,

кстати, заслуга руководителя директората соревнований, одного из ведущих наших специалистов по стрелковому спорту Евгения Ивановича Поликанина.

И тем более прискорбно вспоминать сейчас, что президент Вихос, человек демократичный, который на протяжении многих встреч как с руководством Оргкомитета, так и с нашим управлением высказывался в пользу тесного сотрудничества, говорил о том, что для него главное — это использование спорта в целях укрепления дружбы, сотрудничества между странами, оказался не на высоте своего ведущего положения в мировом стрелковом спорте, не смог управлять ситуацией, возникшей в УИТ.

В итоге в 1978 году на Генеральной ассамблее УИТ в Сеуле представители социалистических стран не были избраны ни на один из руководящих постов союза, практически не избраны и в технические органы.

Таким образом, количество мест, занимаемых представителями социалистических стран в различных органах УИТ, сократилось примерно в 4 раза. Конечно, это был провокационный вызов всему прогрессивному крылу в международном стрелковом спорте.

Приняли и другое беспрецедентное, противоречившее уставу УИТ решение (против которого выступал президент Вихос, но, по-видимому, не нашел достаточных аргументов) — решение о том, чтобы очередную Генеральную ассамблею УИТ перенести из Москвы, где она планировалась в период Игр XXII Олимпиады, в Мексику, и провести эту ассамблею в марте 1980 года, за несколько месяцев до Московских игр.

В планы реакционных деятелей УИТ входило также (о чем нам стало известно сразу же после ассамблеи в Сеуле) использовать ассамблею в Мексике для того, чтобы принять решение о бойкоте Московской олимпиады. Вот когда уже вынашивались эти планы!

Позиция президента Вихоса выглядела противоречивой. На словах он высказывал недовольство и возмущение таким решением. Это зафиксировано в ряде его речей. Тем не менее он не выступил открыто в печати с заявлениями о том, что решение Генеральной ассамблеи УИТ в Сеуле является незаконным, не отражающим мнение большинства, противоречащим уставу УИТ, хотя такие факты были абсолютно бесспорны. В течение многих недель после ассамблеи мы внимательно следили за прессой, пытаясь найти в ней подтверждение того, что Вихос занимает наступательную позицию, но этого не произошло. В то же самое время

сотрудничество по вопросам организации соревнований шло весьма успешно. Здесь сыграли роль и неоднократные визиты Вихоса в Москву и технических делегатов — японца Тойотаро Икуты и американца Майкла Типы в период по 1979 год включительно. Визиты и техническая помощь специалистов УИТ во многом способствовали тому, что стрельбище в Мытищах, по единодушному мнению большинства специалистов стрелкового спорта, является сейчас наилучшим в мире сооружением подобного рода, оснащенным по самым лучшим мировым стандартам в соответствии со всеми требованиями и методическими разработками Международного союза стрелкового спорта.

В марте 1980 года в Мексике была проведена внеочередная Генеральная ассамблея УИТ, явившаяся очередным поворотным пунктом и в деятельности Международного союза стрелкового спорта, и в его сотрудничестве с Организационным комитетом Олимпийских игр в Москве. В данном случае поворотный пункт означал возвращение к политике демократизации этого союза, возвращение прогрессивных сил в его руководство. Прежде всего были восстановлены в его руководящих и технических органах утерянные за полтора года позиции представителей социалистических стран.

Президентом федерации на смену Вихосу, который проявил себя недостаточно сильным в борьбе с реакционными силами в УИТ, пришел Олегарио Васкес Ранья—представитель Мексики. Олегарио понял (и главное — реализовал в конкретных действиях), что в такой массовой организации, как Международный союз стрелкового спорта, невозможно работать в отрыве от спортивных организаций социалистических стран. Это было особенно важным на заключительном этапе подготовки к проведению олимпийских соревнований в Москве.

Еще одним существенным положительным моментом генеральной ассамблеи, проведенной в Мехико, явилось принятое под влиянием прогрессивной части федерации решение провести в Москве еще одну генеральную ассамблею, на которую вынести важнейшие вопросы деятельности этой федерации. Этим было ликвидировано второе дискриминационное решение Сеульской ассамблеи — не проводить очередной конгресс в Москве. Таким образом, ассамблея в Мексике явилась как бы промежуточным этапом — этапом подготовки к Московской генеральной ассамблее. Она отметила также последовательный, планомерный, творческий и конструктивный ход подготовки к

проведению олимпийских соревнований по стрелковому спорту, высокое качество подготовки советских специалистов и высокие характеристики олимпийского стрельбища «Динамо» в Мытищах.

Правда, в ходе последних инспекционных поездок представителей УИТ в Москву была попытка поставить под сомнение правильность размещения постов для стендовой стрельбы, в частности их взаимное расположение: достаточно ли пространства на стрельбище для того, чтобы спортсмены, стреляющие на соседних постах, не мешали друг другу. Но посетившая Москву авторитетная комиссия, возглавлявшаяся Северино Роза-Клотом из Италии, показала, что все эти сомнения не имеют под собой никакой реальной почвы.

Новый президент Олегарио Васкес Ранья и новый генеральный секретарь Хорст Шрайбер, пришедший на смену Циммерману (Хорст Шрайбер также из ФРГ), были с самого начала весьма лояльно настроены по отношению к Оргкомитету и Советской федерации стрелкового спорта. Это оказалось особенно полезным на завершающем этапе подготовки. Отмечу также, что Олегарио Васкес Ранья — брат президента Ассоциации национальных олимпийских комитетов стран мира (АНОК) Марио Васкеса, который возглавил деятельность этой ассоциации в поддержку Московской олимпиады в период развернутой Картером кампании по бойкоту Игр. Резолюция, принятая АНОК, была весьма серьезным этапом в борьбе против антиолимпийской кампании.

Завершая, хотел бы отметить, что острая, бескомпромиссная политическая борьба в УИТ шла тем не менее на фоне тесного сотрудничества по спортивным вопросам, что в итоге и определило исключительно высокий уровень соревнований. Многие из того, что было специально изготовлено к Играм, — разумно, красиво и нигде в стрелковом спорте до сих пор не применялось.

Соревнования ознаменовались каскадом рекордов. В ходе борьбы 11 раз превышались рекорды мира, 13 — олимпийские. В итоговых протоколах три достижения были зафиксированы на будущее как официальные мировые и олимпийские рекорды. Среди наиболее высоких достижений — результат Александра Мелентьева в стрельбе из произвольного пистолета. Его 581 очко — показатель высочайшего класса. Чемпионами стали еще два советских стрелка—Виктор Власов и Игорь Соколов. В разных видах оружия победили также Корнелиу Ион из Румынии,

итальянец Лучано Джованнети, датчанин Ханс-Келль Расмуссен. Среди призеров — стрелки ГДР, Болгарии, Швеции, Австрии, Кубы.

За время проведения соревнований был подан один протест, отклоненный жюри как необоснованный. Руководство и технические делегаты УИТ дали высокую оценку и организации олимпийских соревнований, и местам их проведения.

Олегарио Васкес Ранья отметил: «Еще до начала олимпийских соревнований по стрельбе я был уверен, что они принесут новые мировые рекорды. Очень рад, что не ошибся в своих предположениях. При тех условиях, которые были созданы для участников, иного и быть не могло.

Считаю, что стрельбище в Мытищах — самое лучшее в мире. Как президент Международного союза стрелкового спорта, горжусь тем, что здесь, в ходе Игр 1980 года, были показаны исключительно высокие результаты».

УСПЕХ ТАЛЛИНСКОЙ РЕГАТЫ

Международный союз парусного спорта (ИЯРУ) начал свою деятельность в 1907 году. Членами ИЯРУ являются более 75 национальных федераций. Федерация парусного спорта СССР признана ИЯРУ в 1956 году.

В 1968 году президентом ИЯРУ избран итальянец Беппе Кроче, владелец фирмы по страхованию морских судов, которому тогда исполнилось 54 года.

Наступил 1979 год, и в коридорах Оргкомитета все чаще можно было услышать словосочетание, которое было наверняка непонятно непосвященному, но очень много говорило тем, кто был связан с подготовкой олимпийских соревнований: «Финн и 470».

Смысл беспокойства, которое охватывало нас при этом словосочетании, состоял в том, что Международный союз парусного спорта все чаще высказывал недовольство, которое, как мы хорошо понимали, подогревалось несколькими национальными федерациями парусного спорта, недовольство якобы низким качеством швертботов классов «Финн» и «470», которые создавались на таллинской верфи спортивного судостроения для предоставления на соревнованиях бесплатно всем участникам Игр XXII Олимпиады.

Наша позиция здесь была ясной и недвусмысленной. Опыт многих десятилетий развития мирового парусного спорта убеждал в том, что одним из тормозов распространения этого вида спорта во многих, особенно слаборазви-

тых, странах являются высокая стоимость яхт и большие расходы на транспортировку к местам соревнований. Поэтому Оргкомитет «Олимпиада-80» и Федерация парусного спорта СССР решили сделать парусную регату в Таллине новым этапом организации и материально-технического оснащения олимпийских соревнований. Главспортпромом Спорткомитета СССР поручил своей таллинской спортсудоверфи изготовить для Олимпийских игр необходимое количество судов классов «Финн» и «470». Практика предоставления бесплатно по жребию всем участникам судов класса «Финн» уже существовала на ряде предыдущих олимпийских игр. Для класса «470» Таллинская регата должна была стать первой.

Но, по-видимому, не всем это стремление советских организаторов пришлось по вкусу. В первую очередь противниками предоставления «470» в бесплатное пользование спортсменам выступили представители наиболее богатых федераций парусного спорта. Они имели возможность изготовить суда по специальному заказу — повышенного качества, и их явно не устраивала перспектива выступать на судах, одинаковых по качеству для всех участников гонки. Поэтому под давлением именно этих национальных федераций Генеральная ассамблея Международного союза парусного спорта приняла решение о том, что использование лодок класса «470», предоставляемых организаторами, не является обязательным для всех участников соревнований. Тем самым был нанесен удар по перспективам прогресса в развитии этого вида спорта во всем мире и по повышению объективности определения победителей Олимпийской парусной регаты.

С руководителями ИЯРУ завязалась оживленная переписка, касавшаяся формулировки соответствующего пункта технического регламента. В конце концов было принято компромиссное решение о том, что суда класса «Финн» предоставляются организаторами, производится жеребьевка всех яхт перед началом гонки; что же касается судов класса «470», то жеребьевке будут подвергнуты те предоставляемые страной-организатором суда, которыми захотят воспользоваться участники, не имеющие своих яхт. Но и этот компромисс следует считать шагом вперед.

Последующая борьба не изменила этого решения, несмотря на то что позиции Советской федерации парусного спорта были и остаются сегодня весьма прочными. Это связано с двумя обстоятельствами. Одно из них состоит в том, что руководители Международного Союза парусного

спорта не могли не признать высочайший уровень подготовки Таллинской олимпийской регаты. Это касалось буквально всех сторон этой подготовки и создания материально-технической основы: строительства замечательной базы парусного спорта в устье реки Пирита, и оснащения этой базы, и создания максимальных удобств и комфорта для спортсменов, официальных лиц, журналистов, которые приехали на Олимпийские игры в Таллин.

С первых дней сотрудничества с организаторами регаты представители ИЯРУ подчеркивали его планомерный характер. Вот что говорил еще в 1976 году вице-президент ИЯРУ англичанин Д. Джансон: «Президент и все члены нашей делегации остались удовлетворенными тем, что организаторы Олимпийской парусной регаты 1980 года учли те советы и рекомендации, которые мы давали во время наших предыдущих встреч. Знаменателен и тот факт, что ИЯРУ уже на такой ранней стадии принимает участие в организации и планировании будущих олимпийских гонок. Я не могу припомнить, чтобы у нашего союза были столь тесные контакты с другими национальными федерациями. Эта деловая дружба пойдет только на пользу и поможет своевременно решить любые вопросы, которые будут возникать в ходе подготовки к всемирному форуму яхтсменов».

Директором Олимпийской парусной регаты был назначен Николай Константинович Кююн, опытный специалист по организации парусных соревнований.

Большую роль сыграла деятельность вице-президента ИЯРУ — избранного на этот пост на втором году работы в Оргкомитете — Андрея Александровича Кислова — человека, глубоко преданного парусному спорту, мастера спорта по парусным гонкам, призера чемпионатов СССР, президента Федерации парусного спорта СССР.

Начав свою работу в Оргкомитете в должности главного специалиста, он стал затем заместителем начальника Управления спортивных программ, вел у нас вопросы обеспечения соревнований по всем видам спорта спортивным оборудованием и инвентарем. И для большинства из нас не оказалось неожиданным, когда в середине 1979 года руководство Оргкомитета назначило его начальником самостоятельного подразделения — Управления эстафеты олимпийского огня и церемоний открытия и закрытия.

Мы начали эту главу с рассказа о разногласиях с ИЯРУ. Но разногласий таких было немного. Главный, определяющий мотив нашего сотрудничества с федерацией — полное

слиномыслие во всех основных направлениях подготовки Олимпийской парусной регаты. Руководители ИЯРУ неоднократно бывали в Таллине и внимательно следили за ходом строительства олимпийской парусной базы, за созданием других условий для проведения Олимпийской регаты — президент Беппе Кроче постоянно с трубкой, очень похожий на капитанов из приключенческих фильмов о море (даже голос его, казалось, просолен морскими ветрами); генеральный секретарь ИЯРУ пунктуальный, художавый англичанин Найджел Хакинг.

У руководителей ИЯРУ были в Таллине сильные союзники в успешной организации парусных соревнований, прежде всего председатель Оргкомитета регаты заместитель Председателя Совета Министров Эстонской ССР Арнольд Карлович Грен и начальник управления Оргкомитета Олег Владимирович Сапожнин.

В соревнованиях приняли участие 204 спортсмена из 23 стран.

Спортивные итоги Олимпийской регаты продемонстрировали широкую географию развития этого вида спорта. Достаточно сказать, что в шести классах судов в числе призеров яхтсмены 12 стран. Две золотые медали — в классах «470» и «Торнадо» — впервые завоевали гонщики Бразилии. В классе «Солинг» датчане Поуль Енсен, Валь Банноловски и Эрик Хансен повторили свой успех, достигнутый на Играх 1976 года в канадском Кингстоне. По одной золотой медали у яхтсменов Финляндии и Испании. Но наибольшего уважения заслужили, по общему мнению, олимпийское долголетие Валентина Манкина и его парусная универсальность. В 1968 году он стал олимпийским чемпионом на «Финне». Через 4 года — в классе «Темпест». Игры 1976 года принесли ему серебряную медаль в том же классе. Наконец, в Таллине освоил «Звездный» и стал в третий раз олимпийским чемпионом. В его экипаже был Александр Музыченко.

Организация соревнований и сам парусный центр вызвали самые положительные отклики практически всех официальных лиц ИЯРУ. Общее мнение выразил Хакинг: «Еще прошлым летом побывав в Таллине, я заявил, что организаторы подготовились к регате, по крайней мере, на целый год раньше, чем спортсмены. А теперь довели все до высшей степени совершенства. Должен сказать, что такого парусного центра нет ни в одной стране мира. По общему мнению, он способен обслужить самое широкое представительство».

БЕСПОКОЙНЫЙ ПРЕЗИДЕНТ

Международная любительская федерация борьбы (ФИЛА) основана в 1912 году. Объединяет около 90 национальных федераций. Федерация борьбы СССР вошла в ФИЛА в 1947 году.

В 1972 году президентом ФИЛА избран 56-летний югослав Милан Эрцеган.

Не успели утихнуть страсти после Сеульской генеральной ассамблеи УИТ, как в январе 1979 года пришло время Оргкомитету подумать о том, изменять ли свое ранее принятое и согласованное с соответствующей федерацией решение...

Оргкомитет совместно с федерациями стремился объявить все данные, которые могли быть полезными для спортсменов всего мира, как можно раньше. Это, разумеется, относилось и к такому виду спорта, как борьба. В программу Игр входят соревнования по борьбе вольной и классической.

Однако в уже разосланные программы мы тем не менее считали нужным вносить изменения, но только в тех случаях, когда эти изменения помогали существенно улучшить уровень и качество проведения соревнования, их зрелищность или другие свойства.

Именно так и произошло с программой соревнований по борьбе, точнее, с распределением предварительных и финальных соревнований. Практика проведения предыдущих олимпийских игр была такой: соревнования по каждому виду борьбы (по вольной или классической) проводились в течение пяти дней. Причем четыре дня шли предварительные соревнования, а в последний, пятый, проводились финалы — разыгрывались и вручались награды. Конечно, это снижало интерес зрителей, прессы, телезрителей к первым четырем дням соревнований в каждом виде борьбы.

И вот совместными усилиями Федерации борьбы СССР, Советского телевидения была разработана другая система: первые два дня по-прежнему были «отборочными», в третий же день происходил розыгрыш золотых, серебряных и бронзовых медалей в ходе финальных схваток в трех весовых категориях. В четвертый день продолжались предварительные соревнования в оставшихся весовых категориях и одновременно с этим разыгрывались очередные 3 комплекта наград. И наконец, в пятый день разыгрывались и вручались победителям оставшиеся 4 комплекта наград.

Конечно, эта новая система была значительно эффективней, зрелищней, чем предыдущая. Поэтому Оргкомитет, не

посчитавшись с тем, что в это время завершалась работа над регламентами, пошел на то, чтобы изменить ранее принятую совместно с федерацией программу, сделав ее более напряженной, интересной и зрелищной. Мы понимали, что это изменение представляло собой одно из звеньев той цепи преобразований, которые в Международной любительской федерации борьбы начались под воздействием ее президента Милана Эрцегана.

Милан Эрцеган — один из известнейших деятелей международного спортивного движения. В последние годы его усилия в качестве президента ФИЛА направлены на то, чтобы сделать такой вид спорта, как борьба, зрелищным, динамичным, увлекательным.

Вот основные изменения в правилах за 1974—1975 годы: наиболее эффективные, зрелищные захваты и броски (обвивы руками, броски через плечо и через бедро) стали оцениваться выше, чем прежде; засчитываются броски, законченные и за пределами ковра; отменены ничейные результаты. Арбитр может остановить встречу и определить пассивность борца.

Первый чемпионат мира по новым правилам был проведен в Минске в сентябре 1975 года, и тогда же Эрцеган с удовлетворением произнес:

— Мы увидели новое лицо классической борьбы!

Нужно отметить к тому же, что и на Московском конгрессе этой федерации уже во время самой Олимпиады руководство федерации продолжало вести курс на совершенствование правил. С 1981 года соревнования вместо 9 минут проходят в течение 6 минут с одним минутным перерывом.

Безусловно, существовали и другие сферы сотрудничества руководства ФИЛА с Оргкомитетом — сотрудничество, которое осуществлялось как напрямую — в ходе переговоров президента с нашим управлением, так и путем постоянных консультаций с вице-президентом федерации Александром Александровичем Новиковым, который по предложению Эрцегана осуществлял связь между федерацией и Оргкомитетом. Немало времени мы потратили, обсуждая с Эрцеганом проекты и ход строительства футбольно-легкоатлетического комплекса ЦСКА, где проводились олимпийские соревнования по борьбе. Для этого выделили половину объема этого уникального здания: 312 метров по главному фасаду и 90 метров по боковому (представьте себе два футбольных поля, взятые под крышу!) В одном из залов соревнования по фехтованию, в дру-

гом — по борьбе. По договоренности с федерацией было уложено в линию на специальном подиуме 4 борцовских ковра. Этот подиум доставил нам довольно много беспокойства. Его надо было «вписать», если хотите, вмонтировать в легкоатлетическую беговую дорожку, которая сооружена в этом зале.

Но главные волнения, к сожалению, связаны, как это ни странно, с количеством мест на трибунах. Почему-то именно эта характеристика вызвала наибольшее беспокойство президента Эрцегана. Еще в 1976 году в Барселоне Эрцеган обратил внимание на то, что на показанном ему эскизе будущего проекта футбольно-легкоатлетического манежа в зале для борьбы было указано число мест на трибуне 5 тыс. Он сказал, что это противоречит ранее достигнутым договоренностям, прислал несколько писем и телексов, в которых утверждал, что Международной федерации борьбы было «обещано» 10 тыс. мест. Пришлось послать ему страницы из пояснительной брошюры Подготовительного комитета, на которых значилось 7 тыс. Зал, в котором проводились соревнования по борьбе на Монреальской олимпиаде, по количеству зрителей уступал нашему легкоатлетическому манежу раза в три, если не больше. То же самое, что и в Монреале, было в Мюнхене. Так что увеличение в 3 раза надо было считать весьма солидным, говорящим о большом интересе к борьбе и о большом авторитете этого вида спорта у нас в стране.

Именно на это обстоятельство — популярность борьбы в нашей стране — опирался Эрцеган, когда аргументировал необходимость увеличения количества мест на трибуне зала для борьбы.

В итоге при очередной встрече мы договорились с ним, что в дополнение к 5 тыс. мест на постоянной трибуне будут построены еще временные на 2,5 тыс. Таким образом, федерация оказалась полностью удовлетворенной числом зрителей на трибунах. Надо отдать должное Эрцегану: во время Игр и даже, пожалуй, еще раньше — на Спартакиаде народов СССР — он даже извинился за то, что доставил так много тревожений Оргкомитету.

Оргкомитет пошел навстречу федерации и в таком важном вопросе, как аккредитация в качестве судей членов медицинской комиссии ФИЛА. В самой этой просьбе и в ответе на нее сказались забота о спортсменах, которая характеризует и руководство федерации, и Оргкомитет, который немало уделял внимания этой важной стороне подготовки и проведения олимпийских соревнований.

Разделяли мы и другую заботу Эрцегана: сделать в зале для борьбы так, чтобы международные судьи подвергались как можно меньшему прессингу со стороны руководителей команд и других лиц, которые могли бы оказать на них влияние. С этой целью места судей, свободных от судейства, были расположены на специальной трибуне ФИЛА, достаточно изолированной и от публики, и от всех других лиц.

На Спартакиаде народов СССР Эрцеган внимательно рассмотрел всю структуру работы судейской коллегии — как она обосновалась в помещениях, как организовано взаимодействие ее отдельных звеньев — и остался доволен. Лишь незначительные исправления были внесены по его рекомендациям.

Важным моментом оказались обработка результатов и показ на табло, чему уделялось большое внимание как на Спартакиаде, так и на Олимпийских играх.

Еще на конгрессе в 1979 году М. Эрцеган заявил: «Олимпийские соревнования в Москве можно проводить уже завтра».

Двадцать комплектов золотых, серебряных и бронзовых олимпийских медалей были разыграны на борцовских коврах комплекса ЦСКА. Победы советских борцов вольного и классического стиля уже стали традиционными. Московские состязания эту традицию продолжили. Тяжеловесы Александр Колчинский и Сослан Андиев стали двукратными олимпийскими чемпионами, остальные советские олимпийские победители получили золотые медали впервые. В первый раз победили на Играх и атлеты других стран — итальянец Клаудио Паллио, болгарские борцы Валентин Райчев, Исмаил Абилов, Георги Райков, грек Стилианос Мигиакис, венгры Ференц Кочиш и Норберт Ноттни, румынский борец Штефан Русу.

И вот все хлопоты позади.

Генеральный секретарь ФИЛА Фернандо Компте так оценил Игры XXII Олимпиады: «Трудно отыскать человека среди коллег на олимпийских соревнованиях по борьбе, который не дал бы самую высокую оценку Играм XXII Олимпиады».

Но, пожалуй, самую законченную оценку дал Милан Эрцеган: «Еще никогда за всю историю проведения олимпийских турниров Федерация борьбы не имела таких прекрасных условий. Ни одна страна не может предоставить ничего подобного. В прошлом году я присутствовал на борцовском турнире VII Спартакиады народов СССР и уехал из вашей гостеприимной столицы с твердым

убеждением, что лучше борцовские соревнования организовать невозможно. Я ошибся. Олимпийский турнир борцов был организован еще лучше. Я бы назвал столь идеальную, продуманную до мельчайших деталей организацию турнира моделью будущего. Мне, как президенту ФИЛА, хочется, чтобы этим уроком воспользовались в других странах».

СОТВОРЕНИЕ СКОРОСТИ

Международный союз велосипедистов (УСИ) образован в 1900 году. В него входят Международная любительская федерация велосипедного спорта (ФИЛАК), основанная в 1965 году, и Международная федерация профессионального велосипедного спорта (ФИКП). ФИЛАК объединяет более 100 национальных федераций. Федерация велосипедного спорта СССР присоединилась к ФИЛАК в 1965 году.

С 1958 по 1981 год президентом УСИ был итальянец Адриано Родони. В год Московской олимпиады ему исполнилось 79 лет.

Спартакиада народов СССР финишировала, и наступила пора по ее итогам вносить коррективы в планы нашей подготовки к проведению Олимпийских игр, в разработанную уже к этому времени методику проведения олимпийских соревнований.

Но чего мы стремились по возможности избегать — это переделки уже построенных или реконструированных объектов. Однако это не всегда было легко осуществить. Осенью 1979 года сделала «модным» вопрос, поставленный той международной федерацией, с которой никогда не существовало проблем с самого создания Оргкомитета, — Международной любительской федерацией велосипедного спорта.

Серьезным контрольным соревнованием для Олимпиады стала Спартакиада народов СССР 1979 года, особенно в деле проверки кольцевой велотрассы, раскинувшейся на холмах Крылатского. Трек к этому времени готов еще не был, на нем делались последние штрихи. Было сочтено нецелесообразным ускорять его завершение к Спартакиаде народов СССР.

Итак, по итогам апробации на Спартакиаде международная федерация сделала два замечания по велотрассе. Прежде всего некоторые представители федерации заявили, что отдельные участки кольцевой велодороги слишком трудны, и, мотивируя интересами спортсменов стран с низким уровнем развития велосипедного спорта, предлагали сократить эти участки, сделать какие-то переходные,

связующие дорожки, с тем чтобы эти участки из трассы исключить.

Нам удалось убедить международную федерацию в том, что эти опасения ни на чем не основаны, что Олимпиада — это все-таки гонка для сильнейших спортсменов мира, которые должны продемонстрировать и скоростные качества, и, что не менее важно, свои технические возможности. Наша трасса в ее полном объеме такую возможность предоставляет. Вторая просьба: индивидуальные кабины для спортсменов перенести со стартовой на финишную сторону. Это пожелание можно было бы и выполнить, хотя, правда, особой разницы нет. Мы пошли по другому пути — организацию соревнований спланировали так, чтобы создать удобное, без помех направление «потока» спортсменов перед стартом. Таким образом удалось убедить федерацию в ненужности передвижки этого уже смонтированного громадного блока — почти сотни кабин — на несколько сот метров.

Нам удалось отстоять свою точку зрения потому, что и у Оргкомитета, и задолго до этого у Советской федерации велоспорта на протяжении многих лет складывались идеальные отношения с Международным велосипедным союзом, который, по существу, объединяет две организации; одна из них ФИАК — Федерация любительского велоспорта, которая, собственно, и отвечает за проведение олимпийских игр. Международный союз велосипедистов объединяет как любителей, так и профессионалов. Возглавлял УСИ и ФИАК итальянец Адребано Родони — человек весьма преклонного возраста — во время Олимпийских игр он уже подошел к рубежу 80 лет. В прошлом президент УСИ и ФИАК владел предприятием химической промышленности у себя в стране — в Милане. В последние годы жил на доходы с этого предприятия, которым руководил его сын. Президентом федерации Адребано Родони был более 15 лет и руководил ею весьма активно, поддерживая почти все прогрессивные начинания в международном спортивном движении.

В последние годы Адребано Родони был почти «нетранспортабелен», и практически все функции по согласованию с Оргкомитетом вопросов подготовки к проведению олимпийских соревнований выполняли два других деятеля УСИ—ФИАК: генеральный секретарь УСИ Михаил Екель — поляк, последние годы он постоянно жил в Швейцарии, в течение многих предыдущих лет Михаил Екель был заместителем председателя Польского комитета по

спорту и туризму; Джулиано Пачарелли — генеральный секретарь ФИАК, весьма активный и экспансивный итальянец.

С этими двумя деятелями международной федерации с самого начала у Оргкомитета установились отличные взаимоотношения. Причина этого состояла, конечно же, в том, что подготовку к проведению олимпийских соревнований по велосипедному спорту с первого дня существования Оргкомитета вел Алексей Андреевич Куприянов, тогда вице-президент УСИ—ФИАК, в прошлом известный советский спортсмен-велосипедист, председатель Центрального совета Всесоюзного физкультурно-спортивного общества «Динамо».

Он был персональным пенсионером, но продолжал активно работать в Оргкомитете.

Да и после того как место Алексея Андреевича в качестве вице-президента международной федерации занял Валерий Сергеевич Сысов — председатель Советской федерации велосипедного спорта (ныне он — президент ФИАК), тесное сотрудничество с Международной федерацией велосипедного спорта было продолжено.

На первом этапе важнейшую задачу составляла разработка исходных требований к проектированию всей нашей велосипедной зоны в Крылатском. «Зона» — имеются в виду два объекта: во-первых, велотрек, во-вторых, кольцевая велотрасса. Велотрек должен воплощать в себе все новейшие достижения спортивной технологии. Сейчас соревнования по велосипедному спорту все больше и больше становятся соревнованиями в закрытых помещениях. Московский велотрек — самый крупный крытый велотрек в мире. Длина его дорожки составляет 333,33 метра, ширина ее на отдельных участках от 9 до 7 метров. Тщательные расчеты позволили создать уникальное во всех отношениях скоростное полотно. Этому способствовал и выбор материала для полотна трека — его покрытия.

На Олимпиадах с 1956 года деревом для полотна треков служили высококачественная сосна, кенийское черное дерево, канадская лиственница. Полотно московского олимпийского трека по рекомендации свердловского НИИ спецдревесины Министерства лесной промышленности СССР впервые изготовлялось из сибирской лиственницы.

Серьезной новизной отличается и форма трека. На виражах угол наклона составляет 42 градуса, затем наклон изменяется до 34 градусов и на прямой составляет 11 градусов. Трек имеет довольно короткие отрезки прямых, что

также способствует высокой скорости. Олимпиада показала необыкновенно высокие скоростные возможности нашего трека. Несколько десятков раз на нем улучшались мировые рекорды.

Интересна планировка этого объекта. Его было решено разбить на два объема: один — собственно соревновательный, с трибунами и дорожкой, второй — вспомогательный корпус; они соединены между собой подземным переходом.

Уникальна и крыша основного сооружения, похожая на гигантскую бабочку. В строительстве этого трека использованы новейшие достижения архитектуры и строительной техники. Архитекторы и конструкторы сумели создать уникальный во всех отношениях проект. А строители создали объект в короткие сроки, что привело в восторг представителей международной федерации.

В 1982 г. создатели Олимпийского велотрека были удостоены Государственной премии СССР.

Вторая составляющая велосипедной зоны в Крылатском — кольцевая велотрасса протяженностью 13,5 километра, расположенная на живописных холмах Крылатского. На ней более 120 поворотов.

Впервые в истории олимпийских игр создается для индивидуальной гонки специальная трасса, а не используются ранее существовавшие дороги. В основном трасса имеет ширину асфальтового покрытия 7 метров. Трасса необыкновенно интересна в ходе гонки.

Мы вели сотрудничество с международной федерацией и в плане подготовки советских судей и судейско-вспомогательного персонала. Так, Михаил Екель провел в качестве руководителя и председателя экзаменационной комиссии большой семинар для советских судей по велоспорту. В результате звание международного комиссара получили более 30 советских судей.

Международная федерация шла навстречу нам буквально по всем деталям проведения олимпийских соревнований. Назову, скажем, такую «деталь», как использование вертолета для осуществления телевизионного показа соревнований на шоссе, в частности 100-километровой гонки. Единственное, что заботило Екеля и Пачарелли, с которыми мы обсуждали эту проблему, чтобы на финише вертолет не создавал опасных для спортсменов и влияющих на спортивный результат потоков воздуха от винта. Конечно, это пожелание было учтено. Показ велогонки с вертолета значительно обогатил телевизионную трансляцию.

Оргкомитетом выполнена просьба некоторых национальных федераций разрешить использовать в ходе командной гонки на шоссе в качестве водителей автомашин технической помощи их представителей (с обязательным предъявлением официального документа, разрешающего управление автомобилем). При отсутствии у национальной делегации своего водителя Оргкомитет выделял шофера.

Соревнования прошли организованно, четко. Такого высокого спортивного уровня, по утверждению статистиков велоспорта, не знало ни одно из предыдущих олимпийских соревнований на треке. 46 раз были показаны результаты, превышающие прежние олимпийские и мировые рекорды во всех трех трековых дистанциях, где рекорды регистрируются. Дважды звучал гимн ГДР в честь Лотара Томаса и Лутца Хесслиха. Швейцарец Роберт Дилл-Бунди в индивидуальной гонке преследования более чем на 3 секунды опередил ближайшего из конкурентов. Не менее убедительной были и победы советских квартетов — в командной гонке преследования на треке и в командной 100-километровой гонке на шоссе. А Сергей Сухорученков в групповой шоссейной гонке на 189 километров на финише опередил Чеслава Ланга из Чехословакии на 2 минуты 58 секунд.

Джулиано Пачарелли заявил, что это были лучшие в истории олимпийские соревнования по велосипедному спорту. Он отмечал:

«Несомненно, мы увидели на Олимпиаде самый совершенный крытый трек мира. И в эстетическом, и в техническом плане. Вся структура трека, полотно которого обеспечивает великолепное скольжение, создает идеальные условия для высоких скоростей. Рекорды, показанные на олимпийском турнире, лишь первые ласточки. Несомненно, Крылатское — это трек будущего, и именно здесь, на мой взгляд, произойдет переворот в нашем представлении о возможностях трековых скоростей».

М. Екель, генеральный секретарь Международного Союза велосипедного спорта (УСИ), добавлял:

«Невиданные скорости, показанные в Крылатском, возможно, не были бы таковыми, если бы весь турнир не был столь идеально организован. За все время ни у деятелей УСИ, ни у технической комиссии не возникло ни одной сколько-нибудь серьезной проблемы.

Если бы можно было заснять на киноплёнку трассу, запечатлеть огромную работу по подготовке к состязаниям, то получился бы прекрасный учебник на тему «Как проводить велогонку на олимпиаде». Техническая комиссия

не сделала ни одного замечания — случай на моей памяти беспрецедентный. Все оказалось на месте, все продумано и учтено, все создано для того, чтобы зафиксировать рекордные скорости на трассе Минского шоссе.

Хочу отметить и большую работу судейской коллегии. 30 советских судей, получивших звание национального комиссара по велоспорту, и 6 международных комиссаров отлично справились со сложными заданиями на дистанции 101 километр.

Вы знаете, даже жаль, что все сделанное организаторами соревнований предназначено только для одной гонки, и испытываешь чувство глубочайшего уважения к директорату велосипедных соревнований, который не жалея сил подарил спортсменам пяти континентов такой замечательный праздник скорости».

ГЕНЕРАЛ ОТ ПЯТИБОРЬЯ

Международный союз современного пятиборья и биатлона (УИПМБ) основан в 1948 году. В его составе около 55 национальных федераций. Федерация современного пятиборья СССР стала членом УИПМБ в 1952 году.

С 1960 года президентом федерации является бригадный генерал в отставке Свен Тофельт (Швеция), ныне почетный член МОК. В момент избрания ему было 57 лет.

Осенью 1979 года в подготовке к олимпийским соревнованиям наступила пора усиленного интереса к созданию службы антидопингового контроля. Одна из причин этого была простой — на 10—12 октября было назначено заседание в Москве Медицинской комиссии МОК, на которую возложены вопросы допинг-контроля.

Нет сомнения в том, что Оргкомитет Московской олимпиады придавал допинг-контролю исключительно важное значение, прежде всего с гуманистической целью охраны здоровья спортсменов.

Сегодня одна из серьезнейших опасностей, угрожающих спорту, — применение некоторых губительных для здоровья химических препаратов, воздействующих на организм, чтобы получить преимущество в ходе соревнований. Правила МОК гласят: «Употребление допинга запрещено. МОК подготавливает список запрещенных медикаментов. Все участники Олимпийских игр подлежат медицинскому контролю и осмотру, проводимым в соответствии с правилами Медицинской комиссии МОК. Любой участник Игр, отка-

завшийся пройти проверку на допинг или признанный виновным в употреблении допинга, дисквалифицируется. Если участник является членом команды, этой команде засчитывается поражение в соответствующем матче или соревновании».

С момента своего создания Оргкомитет «Олимпиада-80» вел активную подготовительную работу по проведению в соответствии с правилами МОК антидопингового контроля на Московской олимпиаде. Оргкомитет, Министерство здравоохранения СССР и Спорткомитет СССР образовали Антидопинговый комитет, объединивший специалистов и организации, участвующие в этой работе. На всех спортивных сооружениях были оборудованы специальные помещения для допинг-пунктов.

И что наиболее важно, при организации и проведении олимпийских соревнований область широкого международного сотрудничества представлял собой медицинский контроль, осуществлявшийся в соответствии с 27-й статьей Олимпийской хартии. На протяжении всего периода подготовки к Играм у советских организаторов сложились тесные деловые отношения с Медицинской комиссией МОК, возглавляемой принцем Александром де Меродом, и медицинскими комиссиями международных спортивных федераций.

Сотрудничество это в области антидопингового и антинаболического контроля и контроля половой принадлежности развивалось по трем основным направлениям. Первое из них состояло в широкой профилактической, разъяснительной работе средствами массовой информации среди миллионов спортсменов всего мира, работе, раскрывавшей и последствия пагубного влияния допинга на организм спортсмена, и морально-этическую сторону завоевания победы нечестным путем. В этой работе широко использовались возможности специальных изданий Оргкомитета «Олимпиада-80», других советских и зарубежных изданий.

Второе направление состояло в создании под международным контролем хорошо оснащенного антидопингового центра. Впервые в практике олимпийских игр для анализа проб не использовалась арендованная лаборатория, а создавалось специальное учреждение, подчиненное организаторам Игр. Для Антидопингового центра Олимпийских игр было приобретено самое совершенное оборудование, подготовлен высококвалифицированный штат специалистов, работавший на Играх в контакте с членами Медицинской комиссии МОК и медицинских комиссий МСФ,

Наконец, третье направление международного сотрудничества в области допинг-контроля состояло в постоянном контакте советских ученых и специалистов допинг-службы с ведущими зарубежными учеными и разработке на этой основе самых совершенных, точных и скоростных методик анализа проб.

На основании изучения опыта проведения Игр XX и XXI Олимпиад, а также по результатам исследований советских и зарубежных ученых, посвященных изысканию наиболее эффективных методов контроля, были уточнена процедура, порядок и методы контроля и внесены соответствующие предложения в Медицинскую комиссию МОК.

Нормы привлечения спортсменов к допинг-контролю по каждому виду спорта были заранее согласованы с каждой международной спортивной федерацией и затем представлены на утверждение Медицинской комиссии МОК, собравшейся на свое заседание в Москве в октябре 1979 года. Да, советские организаторы были за усиление качества допинг-контроля, его профилактической роли. И тем не менее мы с самого начала возражали против предложений УИПМБ о том, чтобы допинг-контролю подвергалось после каждого дня соревнований весьма значительное количество спортсменов. Тем самым подозрению подвергался едва ли не каждый участник олимпийских соревнований. Другая же причина состояла в том, что требования федерации означали серьезное увеличение технической оснащенности нашего допинг-центра, который и без того был крупнейшим в мире.

Наши специалисты нашли аргументы, с помощью которых убедили руководство федерации, — путем расчетов, путем анализа практики многих предыдущих соревнований, практики других видов спорта, что требования федерации явно завышены. А проведенное в Москве заседание Медицинской комиссии МОК подтвердило правомерность позиции Оргкомитета.

Но это разногласие с УИПМБ, пожалуй, оказалось единственным во всей многолетней практике сотрудничества Оргкомитета с этой федерацией. И этот факт тем более отраден, что соревнования по современному пятиборью — одна из наиболее сложных составляющих программы современных олимпийских игр. Прежде всего это практически пять самостоятельных соревнований по различным видам спорта. Казалось бы, для организаторов соревнований по пятиборью значительно легче, что проходят они на сооружениях, уже апробированных и подготовленных для соответствующих видов спорта. За исключе-

нием, пожалуй, легкоатлетического кросса на 4 километра. Но преимущество накладывает и дополнительные условия. Поскольку судейство осуществляется федерациями по этим видам спорта, подготовка сооружений ведется также соответствующими федерациями зачастую в отрыве от руководства федерации современного пятиборья.

При организации олимпийских соревнований в Москве мы старались избежать этих трудностей и сложностей, воспользовавшись преимуществами специализированных и заранее подготовленных спортивных сооружений.

Эпицентром соревнований по современному пятиборью, их «базой» стал Олимпийский конноспортивный комплекс профсоюзов: на нем были в первый день программы пятиборья проведены соревнования по преодолению препятствий, а в заключительный, пятый, — легкоатлетический кросс на 4 километра (спортсмены стартовали и финишировали на конноспортивном стадионе, а сама дистанция — по мнению спортсменов, одна из наиболее интересных за всю историю олимпийского пятиборья—проходила в живописном Битцевском лесопарке). Здесь же, в конноспортивном комплексе, располагалась и штаб-квартира УИПМБ. В три остальные дня соревнований организаторы и спортсмены делали «набеги» на другие олимпийские сооружения: стрельба из пистолета проходила на динамовском стрельбище в Мытищах, фехтование — в комплексе ЦСКА, на его «фехтовальной половине», а плавание на 300 метров — в бассейне «Олимпийский» на проспекте Мира.

Эта организация была сразу с пониманием встречена руководством УИПМБ, его президентом членом Международного олимпийского комитета Свенном Тофельтом и генеральным секретарем полковником в отставке Вилли Грутом.

Кстати, директором олимпийских соревнований по современному пятиборью Оргкомитет назначил полковника в отставке Олега Георгиевича Крюкова, заместителя председателя Федерации современного пятиборья Советского Союза. Олег Георгиевич участвовал в подготовке олимпийских соревнований по пятиборью еще до того, как он вошел в коллектив Управления спортивных программ. Его рекомендации были весьма полезными при разработке исходных требований к строительству и реконструкции спортивных сооружений и первых проектов программы олимпийских соревнований.

Для большинства организаторов предыдущих олимпийских игр и для нас наиболее сложной оказалась проблема подготовки лошадей. По правилам УИПМБ конский состав

для проведения соревнований по преодолению препятствий в первый день пятиборья предоставляют организаторы соревнований. Сложность состоит в том, что в соответствии с правилами УИМПБ нужно предоставить 80—90 лошадей, примерно равноценных и при этом хорошо тренированных для преодоления препятствий. Разница в качестве подготовки лошадей должна быть минимальной. Лошади предоставляются всадникам по жребию незадолго до старта.

Наша цель добиться того, чтобы спортсмены соревновались по возможности в равных условиях, приобретала в современном пятиборье еще более серьезный смысл.

Руководство Оргкомитета поддержало предложение нашего управления закупить задолго до Игр 45 лошадей-трехлеток и провести их подготовку к олимпийским соревнованиям, предварительно распределив их среди спортивных организаций страны, в которых культивируются конный спорт и современное пятиборье. В дополнение к этому было подобрано в этих же организациях еще 45 лошадей, что составило контингент в 90 лошадей.

На протяжении всего периода после закупки лошадей Олег Георгиевич вел тщательный контроль за ходом их подготовки, за состоянием их тренированности, постоянно проводил отсев лошадей, которые оказались не пригодными, болели, получали травмы.

Работа эта была весьма ответственной еще и потому, что технические делегаты федерации за несколько дней до Игр должны провести официальный тщательный отбор наилучших, наиболее равно подготовленных лошадей. И оценка со стороны технических делегатов оказалась действительно очень высокой.

Одним словом, главная идея нашего сотрудничества с УИПМБ—единство во всем, что направлено на успех олимпийских состязаний. Но это отнюдь не означало, что все пожелания Оргкомитета всегда принимались «на ура» международной федерацией. И далеко не все требования международной федерации безоговорочно выполнялись Организационным комитетом.

Наиболее типичным был вопрос о регламенте допинг-контроля, о котором читатель уже знает. Кстати, проведенная Оргкомитетом, Министерством здравоохранения СССР и Спорткомитетом СССР организационная, научно-методическая и профилактическая работа позволила председателю Медицинской комиссии МОК принцу Александру де Мерону, члену МОК из Бельгии, заявить: «Это была самая чистая Олимпиада!»

Учитывая специфику и сложность судейства соревнований по современному пятиборью, все судьи, привлекаемые для проведения Игр XXII Олимпиады, специально стажировались на Спартакиаде народов СССР 1979 года и контрольных соревнованиях 1980 года именно на тех должностях, на которых они должны были работать во время олимпийских соревнований. И вот результат длительной подготовки: во время олимпийских соревнований ни одного протеста и замечания в адрес судейской коллегии не поступило, в связи с этим апелляционное жюри во время соревнований ни разу не собиралось.

История олимпийских соревнований по современному пятиборью с того момента, когда на олимпийскую арену в 1952 году вышли советские пятиборцы, — это история соперничества команд Венгрии и СССР. Трижды командное первенство завоевывали венгры, трижды — советские пятиборцы. Московские старты принесли победу нашим спортсменам, сильнейший из которых Анатолий Старостин стал чемпионом в личном первенстве. Он добился того, что ни разу не удавалось нашим прославленным пятиборцам. Но венгерская команда вновь в числе лидеров — на втором общекомандном месте, а сильнейший из венгров Томаш Сомбатхейи завоевал серебряную медаль в личном первенстве. Третьей закончила олимпийский турнир команда пятиборцев Швеции.

Организация соревнований по современному пятиборью получила высокую оценку руководства международной федерации. Свен Тофельт отметил:

«Я хотел бы сказать, что мы восхищены прекрасной организацией, трогательным гостеприимством и глубоко вам благодарны. На основании переписки с вами и прямых переговоров мы хорошо понимаем, что за выдающимися результатами с точки зрения организации, за всем проявленным гостеприимством в значительной степени стоит большая работа».

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ПРОТОТИПУ

Международная федерация дзю-до (ФИД) образована в 1951 году. Ее членами являются свыше 100 национальных федераций. Федерация дзю-до СССР вошла в состав ФИД в 1962 году.

В 1973 году президентом федерации стал 42-летний английский бизнесмен Чарльз Палмер, он же генеральный секретарь АГФИС.

В 1979 году президентом ФИД избран Сигейоси Мацумае (Япония), президент университета „Токай“, президент японского общества культурных связей с зарубежными странами, кавалер ордена Дружбы народов СССР. В год Московской олимпиады ему исполнилось 79 лет.

Конец 1979 года заставил нас внимательно проанализировать наши предшествующие взаимоотношения с Международной федерацией дзю-до для того, чтобы, с одной стороны, ликвидировать недоработки в подготовке к олимпийским соревнованиям, накопившиеся за годы взаимоотношений с прежним президентом англичанином Чарльзом Палмером, а с другой — обеспечить неизменность ранее принятых организационных и технических решений при новом руководстве ФИД — избранном вместо Палмера президенте Сигейоси Мацумае (Япония).

Работа с Палмером началась на довольно раннем этапе деятельности Оргкомитета.

Общее мнение было таким: Палмер — фигура сложная, человек он активный, требовательный, но самолюбивый.

Широко известно, что Палмер в своей деятельности президента федерации, и в своей работе в АГФИС (он не один раз избирался генеральным секретарем этой организации) контактировал с представителями федераций по тем (неолимпийским) видам спорта, в которых на первое место ставится культ силы в противовес разносторонности — например, федерации культуризма. Одно время активно действовал в АГФИС за проведение так называемых всемирных игр, противопоставляемых олимпийским.

Оценивая — теперь уже в ретроспективе — сотрудничество с Палмером, можно тем не менее заключить, что серьезных разногласий с этим человеком практически не было. Видимо, возобладало в нем желание видеть соревнования на Московской олимпиаде представительными, зрелищными, интересными. Сыграла роль и болезненная ревность Палмера как руководителя федерации дзю-до (об этой ревности много говорят, но практически не пишут) к другой федерации — Международной любительской федерации борьбы (ФИЛА). Кто из них получит больше мест на трибунах олимпийских сооружений? У кого будет разыграно больше комплектов олимпийских наград? У ФИЛА на Играх разыгрывается 20 комплектов олимпийских наград. У федерации дзю-до до Московской олимпиады было 6 комплектов: 5 — в весовых категориях и одна открытая — абсо-

лютная. Хотелось больше. Но Палмер понимал, что если просто увеличить число категорий за счет добавления сверхлегкой и сверхтяжелой, то МОК воспримет это просто как стремление раздуть программу Олимпийских игр. Поэтому на своем конгрессе в Монреале федерация дзю-до провела полный «перекрой» всех весовых категорий, в результате чего ни одна из прежних не совпала с новой и их число вместо 5 стало 7 (плюс абсолютная). Естественно, что Международный олимпийский комитет не мог допустить такого положения, чтобы на протяжении 4-летнего цикла спортсмены тренировались и соревновались на чемпионатах мира, отдельных континентов и стран в одной системе весовых категорий и только на Олимпиаде выступали бы в других. Так стратегия ФИД увенчалась успехом, и дзю-доисты увеличили свою программу на 2 комплекта наград.

Первый же после создания Оргкомитета приезд Палмера в СССР был отмечен тем, что он дал интервью газете «Советский спорт», в котором пожелал Оргкомитету и впредь проявлять в своей работе тот же динамизм, который Оргкомитет уже проявляет. Мы почувствовали, что Палмер действительно готов к сотрудничеству.

Вместе с тем наш последующий опыт работы с Палмером показал, что всегда следовало быть готовым к различного рода критике. Хотя в основном и справедливой, но не всегда такой, которая действительно заслуживала внимания. Например, в Барселоне на совместном заседании исполкома МОК и руководителей международных спортивных федераций Палмер выступал не единожды. Вначале он покритиковал Оргкомитет за то, что в тексте нашего отчета виды спорта расположены в порядке русского алфавита, а не французского, как принято в документах МОК. Затем он покритиковал плакат, помещенный в журнале «Олимпийская панорама», заявив, что изображен на этом плакате не дзюдоист, а самбист. Это тоже было правдой, но об этом можно было сказать и не на таком представительном и деловом заседании. Но, похоже, это был его стиль.

В то же время Палмер частенько проявлял забывчивость в том, что касалось выполнения им самим данных обещаний в части разработки тех или иных вопросов программы олимпийских соревнований по дзю-до, да и просто плоховато отвечал на письма. Правда, регулярно извинялся...

Наряду с этим в методике соревнований наши взгляды практически совпадали, несмотря на то что у нас в стране не было достаточного опыта проведения крупных международных соревнований, а тем более олимпийских игр.

Очень важно было, например, добиться того, чтобы соревнования проходили не на двух, а на одном татами, даже с учетом того, что нам в первый день соревнований пришлось проводить встречи в двух весовых категориях. Палмер первоначально сопротивлялся, затем согласился с доводами и расчетами, которые специалисты управления сделали относительно продолжительности соревнований.

С другой стороны, Палмер активно отстаивал право международной федерации выбрать по своему усмотрению фирму—производителя татами. Дело осложнялось тем, что в правилах этой федерации записано весьма расплывчато: «Татами на соревнованиях должен по возможности соответствовать японскому прототипу татами». Эта запись открывает возможность для самых различных толкований. А поскольку право толковать правила предоставлено, естественно, международной спортивной федерации, то ей принадлежит и решающее слово в выборе татами. Все это в дальнейшем привело к тому, что самое большое беспокойство, которое в Оргкомитете вызывала подготовка к проведению олимпийских соревнований по дзю-до, было связано с выбором фирмы—поставщика татами.

Специалисты Оргкомитета и Спорткомитета перепробовали очень много образцов, и первоначально соглашение о поставке было заключено с фирмой «Фельдеак» (ФРГ). Правда, чувствуя сложность ситуации, записали в тексте этого соглашения оговорку «в том случае, если они признаны Международной федерацией дзю-до».

На Спартакиаде народов СССР 1979 года технические делегаты Международной федерации дзю-до не одобрили татами фирмы «Фельдеак» — сделали очень много замечаний. И нам в дальнейшем пришлось искать замену. Поставщиком стала французская фирма «Сарнеж», татами которой были признаны техническими делегатами ФИД.

В 1979 году Палмер не был переизбран на новый срок на пост президента ФИД. Новый президент Сигейоси Мацумае — очень колоритная фигура и в мировом спортивном движении, и в общественной жизни Японии. Он президент университета «Токай», президент японского общества культурных связей с зарубежными странами, давний друг нашей страны, кавалер ордена Дружбы народов. По профессии — специалист по линиям дальней связи.

Велика и спортивно-общественная роль Мацумае: он один из ведущих теоретиков борьбы дзю-до в Японии, руководитель большой школы дзю-до при университете

«Токай», тренер многих чемпионов мира и олимпийских чемпионов по дзю-до.

Через несколько недель после избрания президентом ФИД Мацумае приехал в Москву по приглашению Министерства высшего и среднего специального образования СССР. Остановился он в гостинице «Советская». Мы договорились через его помощников о встрече и вместе с Леонидом Федоровичем Кабановым, будущим директором олимпийских соревнований по дзю-до, приехали в гостиницу к Мацумае.

Престарелый, но очень бодрый президент, одетый в национальную японскую одежду, радушно и гостеприимно нас встретил. Вначале мы рассказали Мацумае об основных направлениях деятельности Оргкомитета по подготовке к Играм, организации соревнований по дзю-до, о политике Оргкомитета в подготовке советских судей и судейско-вспомогательного персонала, о техническом оснащении Дворца спорта. Особый интерес у президента вызвали технические возможности систем связи, создаваемые для Московской олимпиады, — использование спутников и других видов связи для обеспечения журналистов электронной и пишущей прессы, которые приедут на Олимпийские игры в Москву (сказалась профессия президента).

Не меньший интерес у Мацумае вызвала и подготовка собственно спортивных соревнований. Интересной оказалась его позиция в выборе татами. Когда мы поделились своими сомнениями, которые возникли у нас в связи с оценкой техническими делегатами федерации ранее выбранных нами татами, новый президент сказал:

— А, собственно, не все ли равно?

Но самое важное в этой встрече было то, что новый президент ни на йоту не поставил под сомнение правомерность тех действий, которые были ранее предприняты Оргкомитетом и согласованы с прежним руководством международной спортивной федерации.

Не могу не отметить роли, которую на протяжении всей деятельности по подготовке к Играм выполнял генеральный секретарь ФИД Хайнц Кемпа из ГДР. Он очень помог в налаживании контактов с техническими делегатами федерации, выпуске технического регламента — одним словом, в решении десятка практических вопросов подготовки к олимпийским соревнованиям.

Что касается географии победителей, олимпийские соревнования на татами в Москве оказались одними из наиболее интернациональных. В восьми весовых категориях

среди чемпионов — представители шести стран. Дважды вручались золотые медали дзюдоистам Франции и СССР, по одному разу — спортсменам Италии, Швейцарии, Бельгии и ГДР.

Даже с учетом того, что в дзю-до разыгрывается не одно, как в большинстве видов спорта, а два третьих места, число стран, представленных медалистами, весьма высоко — 15.

Наибольший «урожай» медалей собрал французский дзюдоист Анжело Паризи. Победив в тяжелом весе, он стартовал в абсолютной (открытой) категории, где разрешается выступать спортсменам вне зависимости от собственного веса. И здесь завоевал серебряную медаль.

Соревнования позади. И каждый, кто был причастен к их организации и проведению, с удовлетворением вспоминает слова президента Сигейоси Мацумае: «Я искренне рад тому, что благодаря четкой организации соревнований по дзю-до, а также теплomu приему, оказанному Руководящему комитету, членам судейской комиссии и спортсменам, соревнования прошли успешно — они были проведены на высоком уровне, в них чувствовался дух олимпийских игр, дух дзю-до».

ШТАНГА, ЛЕГКАЯ НА ПОДЪЕМ

Международная федерация тяжелой атлетики (ИВФ) организована в 1920 году. Представляет около 110 национальных федераций. Федерация тяжелой атлетики СССР стала членом ИВФ в 1946 году.

В 1976 году президентом ИВФ избран 56-летний Готфрид Шёдль (Австрия).

Может быть, этот заголовок звучит нарочито парадоксально и не серьезно, но думается, что в нем отразилась вся определенность, однозначность наших взаимоотношений с Международной федерацией тяжелой атлетики (ИВФ).

Взаимодействие с Оргкомитетом на протяжении всего четырехлетнего срока между олимпиадами — сразу же после выборов на конгрессе в Монреале — осуществляли от имени мировой тяжелой атлетики два человека, практически работавшие вместе с нами над решением одной задачи — олимпийские соревнования по тяжелой атлетике в Москве должны стать лучшими в истории мирового тяжелоатлетического спорта. Это стало своеобразным девизом, над воплощением которого в жизнь работали и международная федерация, и Организационный комитет Олимпиады.

Этими постоянными союзниками были два известных деятеля международного спортивного движения: президент федерации Готфрид Шёдль, изящный, интеллигентный австриец, с умными, всепонимающими и добрыми глазами, и его правая рука — генеральный секретарь венгр Тамаш Аян, коренастый, широкоплечий крепыш, типичный штангист по фигуре, само обаяние, человек, который поддерживал и поддерживает теплые, дружеские отношения с советскими штангистами. И символично, что любовь к тяжелой атлетике накрепко связала узами дружбы Тамаша Аяна с руководителем директората московских олимпийских соревнований по тяжелой атлетике Эрнестом Гургеновичем Саркисовым.

Первой областью сотрудничества Оргкомитета с федерацией стало согласование основных направлений разработки проекта, а потом и самого проекта Дворца спорта «Измайлово», ставшего подлинным Дворцом мировой тяжелой атлетики. Во время Олимпийских игр подавляющее большинство спортсменов, руководителей команд, судей заявили, что еще никогда в истории мирового тяжелоатлетического спорта соревнования не проходили в таком удобном, спроектированном специально для тяжелой атлетики помещении, оборудованном столь совершенной аппаратурой. Соревнования стали подлинным праздником мировой тяжелой атлетики и были увенчаны шквалом мировых национальных и олимпийских рекордов.

И когда задумываешься о причинах, то, пожалуй, главная причина здесь состоит в том, что Дворец проектировался с четким прицелом на создание наилучших условий спортсменам для достижения ими наивысших спортивных результатов. Возьмем, например, такую «мелочь», как переход из зала разминки на соревновательный помост. Обычно спортсменам приходилось преодолевать несколько ступенек, чтобы выйти и предстать перед зрителями, замереть перед штангой, на которой во многих случаях находился еще недоступный им до сих пор вес. Безусловно, эти ступеньки — серьезное психологическое препятствие для спортсменов. Проектировщики измайловского Дворца спорта учли это обстоятельство: разминочный зал находится на одном уровне с соревновательной ареной.

И таких «мелочей» можно насчитать буквально десятки: электронная аппаратура вызова участников, оповещения об установленном весе, демонстрационное табло для соревнований по тяжелой атлетике, пожалуй не имеющее себе равных по информативности, и многое-многое другое.

Разработка всего этого оборудования, проектирование Дворца велись при активной поддержке всех идей советских специалистов со стороны международной федерации. Помогало и то, что сотрудничество наше с Международной федерацией тяжелой атлетики постоянно проходило в обстановке исключительной сердечности и дружелюбия.

Руководство Международной федерации тяжелой атлетики (не только Шёдль и Аян, но и весь состав совета ИВФ) поддержало советских организаторов соревнований в исключительно важном вопросе о выборе штанги для проведения олимпийских состязаний. Широко известны многие авторитетные фирмы — производители штанг для тяжелой атлетики, в первую очередь, пожалуй, наиболее знаменитая фирма «Элейко», имеющая высокое реноме на международной тяжелоатлетической арене. Но надо отдать должное руководителям Международной федерации тяжелой атлетики — они прекрасно поняли, что вопрос об олимпийской штанге имеет большое значение и для советской спортивной промышленности. В нашей стране тяжелой атлетикой занимаются сотни тысяч человек, может быть, больше, чем во всех остальных странах мира, вместе взятых. И вопрос качества штанги для проведения и массовых соревнований, и соревнований высшего уровня для тяжелоатлетической державы играет большую роль. Пониманием этого факта, по-видимому, и объясняется единодушное мнение руководства мировой тяжелой атлетики выбрать в качестве официального снаряда для проведения Олимпийских игр штангу советского производства с цветными обрезиненными дисками — новое изделие, которое только в период подготовки к Играм прошло достаточную апробацию. Причем апробация оказалась далеко не простым делом. По требованию Международной федерации тяжелой атлетики предприятия Главспортпрома изготовили 16 образцов штанги и разослали их в ведущие в спортивном отношении страны мира. Только после получения положительных отзывов о качестве наших штанг Международная федерация тяжелой атлетики приняла свое решение.

Но и после этого руководители федерации, в первую очередь Шёдль и Аян, проявляли серьезное беспокойство о том, чтобы в период подготовки к Играм новые штанги были доступны широкому кругу тяжелоатлетов всего мира. Даже на заседании исполкома МОК совместно с международными спортивными федерациями в апреле 1980 года в Лозанне они нашли возможность поставить этот вопрос перед Оргкомитетом «Олимпиада-80». Оргкомитет совме-

стно с Главспортпромом принял все меры для того, чтобы советская штанга, официально утвержденная для Московской олимпиады, была доступна всем национальным олимпийским комитетам, предполагавшим направить команды для участия в соревнованиях по тяжелой атлетике Игр XXII Олимпиады.

Из всех видов спорта, в которых регистрируются рекорды — а их шесть. велоспорт, легкая атлетика, плавание, стрелковый спорт, стрельба из лука и тяжелая атлетика, — именно в олимпийских состязаниях штангистов в московском Дворце спорта «Измайлово» было показано наибольшее количество результатов, превышающих прежние олимпийские и мировые рекорды. 18 раз вес поднятой штанги превышал мировые рекорды и 82 — олимпийские. Согласно правилам состязаний, 13 мировых рекордов, показанных победителями, и 23 олимпийских зафиксированы на будущее в качестве официальных достижений, составив самую существенную часть общего рекордного баланса Игр — 36 мировых и 74 олимпийских.

Особое место среди рекордов тяжелоатлетов занимает достижение Юрика Варданяна. Будучи средневесом, он в сумме двух движений поднял 400 килограмм — намного больше, чем победители в двух более тяжелых категориях.

Всего в соревнованиях приняли участие спортсмены из 40 стран. Участники и официальные лица дали высокую оценку Дворцу спорта «Измайлово», организации и проведению соревнований. Г. Шёдль отметил: «Дворец спорта «Измайлово» нужно поставить на колеса и перевозить по всему свету, чтобы показать образец условий для проведения соревнований».

Т. Аян добавил: «Что касается подготовки заседаний ИВФ и конгресса, равно как и прекрасной организации соревнований по тяжелой атлетике в чудесном Дворце спорта в Измайлово, то обо всем этом можно говорить только в превосходной степени в знак признания усилий, приложенных Оргкомитетом, руководителями и жителями Москвы».

„Я СДЕЛАЛ ВСЕ, ЧТО МОГ...“

Международная любительская ассоциация бокса (АИБА) организована в 1946 году. Она насчитывает около 130 национальных федераций. Федерация бокса СССР стала членом АИБА в 1949 году.

В 1974 году президентом стал 58-летний Николай Александрович Никифоров-Денисов, руководитель спортивного общества „Трудовые резервы“. С 1979 года на посту президента полковник в отставке американской армии Дональд Халл. В момент избрания ему было 58 лет.

Наиболее примечательным из взаимоотношений Оргкомитета с Международной любительской федерацией бокса (АИБА) был апрель 1980 года — в разгар борьбы всех прогрессивных сил в международном спортивном движении против развязанной администрацией Картера кампании по так называемому бойкоту Московской олимпиады.

Но для того чтобы по достоинству оценить и сложность ситуации, и те действия, которые привели к единодушной поддержке в данной федерации деятельности по подготовке к проведению Московской олимпиады, нужно начать не с этого периода, а вернуться к тому времени, когда только закладывались основы сотрудничества этой федерации с Оргкомитетом, к тому периоду, когда президентом федерации был Николай Александрович Никифоров-Денисов.

С первых же дней после предоставления Москве права провести Олимпийские игры Николай Александрович совместно с аппаратом Советской федерации бокса, а потом и Оргкомитета «Олимпиада-80» приступил к разработке исходных требований для строительства Крытого стадиона «Олимпийский», в одной из половин которого предстояло провести олимпийский турнир по боксу. Немало интересных предложений по планировке помещений, оборудованию и устройству ринга, техническому оснащению было предложено им самим исходя из его богатейшего опыта организации крупнейших международных соревнований.

Важно было, особенно на начальных этапах подготовки, установить правильные деловые взаимоотношения с техническими делегатами. Международная федерация бокса назначила технических делегатов довольно рано — это соответствовало позиции Оргкомитета в этом вопросе. Ими стали тогдашние вице-президенты международной федерации Карл-Хайнц Вер из ГДР и Дональд Халл из США. В первый же приезд технических делегатов в Москву удалось заложить основу решения всех спортивно-технологических вопросов.

В частности, была согласована планировка арены: расположение на ней ринга, судейской коллегии, апелляционного жюри, варианты расположения телевизионных камер и многое другое.

По-видимому, «секрет» успеха этих переговоров состоял в глубокой предварительной проработке самого существа организации олимпийских соревнований, которую провел один из видных специалистов по боксу сотрудник нашего управления Эдмунд Чеславович Липинский, тогда главный специалист по боксу, впоследствии ставший заместителем начальника Управления спортивных программ.

Обычно предмет особого разбирательства — выбор боксерских перчаток для Олимпиады. В Уставе АИБА записано, что право выбора перчаток принадлежит исполкомму. Нам удалось убедить представителей международной федерации предоставить право выбора нам из продукции пяти фирм-изготовителей. Николай Александрович поддержал и эту просьбу Оргкомитета, и ряд других.

Наиболее серьезными претендентами на право поставить боксерские перчатки для Олимпиады были три фирмы: американская «Эверласт», западногерманская «Каспар Берг» и белградский комбинат «Спорт». Оргкомитет предложил участвовать в конкурсе и предприятиям Республики Кубы, которые изготавливали перчатки для чемпионата мира в Гаване. Однако наши кубинские друзья активности не проявили. Рассматривались и перчатки советского производства. В результате рассмотрения коммерческих предложений предпочтение было отдано перчаткам белградского комбината «Спорт».

На очередном конгрессе АИБА Николай Александрович Никифоров-Денисов не был переизбран в президенты. В предвыборной борьбе победу одержал полковник в отставке американской армии Дональд Халл — бывший до этого вице-президентом.

После избрания Дональда Халла для нас наступил период ожидания его первых действий как президента — может быть, ревизии кое-каких решений, принятых до этого Оргкомитетом по согласованию с Николаем Александровичем. Правда, Халл в качестве технического делегата участвовал в решении большинства вопросов подготовки к олимпийским соревнованиям. Надо отметить, что Дональд Халл не предпринял никаких действий, ревизовавших ранее принятые решения. Например, тот же выбор перчаток. Утверждали, что фирма «Эверласт» из США находилась в хороших отношениях с президентом, и можно было

ожидать, что Халл предпримет хоть какую-то попытку «протолкнуть» перчатки фирмы «Эверласт» на Московскую олимпиаду. Но даже самого незначительного намека на это не было. Халл полностью следовал ранее принятым решениям Оргкомитета как в данном вопросе, так и в большинстве других.

Правда, довольно шаткую позицию занял он в отношении использования судейской аппаратуры советского производства, аппаратуры уникальной, которая позволяет значительно повысить объективность судейства на крупных соревнованиях. В полном объеме аппаратура так и не была использована на Играх.

Летом 1979 года новый президент приехал на Спартакиаду народов СССР в качестве гостя Оргкомитета. Проведенные тогда переговоры показали, что сотрудничество федерации и Оргкомитета развивается в том же направлении, что и при Н. А. Никифорове-Денисове.

Поскольку Крытый стадион «Олимпийский» к началу Спартакиады еще не был построен, Халл настаивал, что до начала Олимпийских игр на этом стадионе обязательно следует провести соревнования. Оргкомитет, разумеется, стоял на той же позиции. Кстати, такие контрольные соревнования были затем проведены на всех олимпийских спортсооружениях.

...И все-таки наступил острый момент в наших взаимоотношениях с АИБА. В начале 1980 года поступили вести из-за океана, что Дональд Халл якобы занимает негативную позицию в вопросе о проведении Олимпийских игр в Москве. Поговорили о каких-то данных им интервью, и о том, что он не соответствующим образом ответил на вопросник, разосланный штаб-квартирой МОК. В апреле предстояло заседание исполкома АИБА в столице Таиланда Бангкоке. Было принято решение направить меня для участия в заседании, учитывая и то обстоятельство, что почетный президент АИБА Николай Александрович Никифоров-Денисов не мог выехать по состоянию здоровья. Путь до Бангкока был, естественно, не близким. И в первый же вечер по приезде произошла встреча с Халлом-младшим — сыном президента, административным секретарем АИБА. Первые же слова Халла-младшего после того, как нас познакомили, были: «Не верьте тому, что говорят об отце, он никогда не выступал за бойкот Московской олимпиады!»

Начало хорошее. Выяснилось, что высказывания Халла были неправильно поняты несколькими журналистами.

Однако уже на следующий день стало ясно, что высказывания Халла неправильно трактуются довольно часто, может быть, из-за их неопределенности. Так, в отчете, который президент представил заседанию исполкома АИБА, содержались фразы о необходимости каких-то политических действий со стороны Оргкомитета.

Поэтому закономерно, что заседание исполкома АИБА было весьма определяющим.

Беспокойство, правда, несколько уменьшалось тем, что накануне состоялось заседание руководства Европейской федерации любительского бокса, возглавлявшейся французом Бернаром Ресту, принявшее решение о безоговорочной поддержке Московской олимпиады. Однако Европа — это Европа, а предстояло узнать мнение руководства всей международной федерации.

На заседании исполкома председательствовал Халл, который предоставил мне слово для доклада от имени Оргкомитета «Олимпиада-80». В докладе было рассказано о ходе подготовки к Московской олимпиаде, о тех спортивно-технологических решениях, которые были нами приняты, о ходе сотрудничества с федерацией на всех этапах подготовки к проведению Олимпийских игр. Выступивший потом Халл и технические делегаты дали высокую оценку успешному ходу подготовки к олимпийским соревнованиям. Отчет был полностью одобрен. Затем Халл объявил, что очередной вопрос — позиция АИБА в связи с действиями, предпринимаемыми по бойкоту Игр. Он сказал, что представитель Оргкомитета может присутствовать при обсуждении этого вопроса. Но этичнее было покинуть зал заседаний. Уже у самой двери до меня донеслись слова Халла:

— Конечно, вас волнует наше решение. Могу заверить еще до голосования, что наша федерация полностью одобряет действия МОК, направленные на поддержку проведения Игр в Москве!

Дональд Халл занимает весьма высокое место и в иерархии спортивного руководства США. Чтобы использовать это обстоятельство, в проведенных с ним переговорах мы вели речь об использовании им своего влияния для того, чтобы спортивная общественность США поняла неправильность действий, направленных на бойкот Игр. Халл заявил, что он сам считает, что бойкот наносит вред прежде всего тем, кто бойкотирует. Он сказал, что это его твердая позиция, которую он будет отстаивать на заседании Национального олимпийского комитета США.

Конгресс НОК США принял под давлением реакционных кругов резолюцию, не рекомендовавшую своим спортсменам участвовать в Олимпиаде. Известно, что Халл на заседании выступил с критикой этого предложения, но не был поддержан при голосовании. Большинство в НОК США составляют организации неолимпийских видов спорта, далекие от самой Олимпиады.

На следующий день после заседания НОК США в Москву пришел от Халла телекс, в котором, в частности, были такие строки:

«Я сделал все, что мог, чтобы воспрепятствовать принятию решения о бойкоте... Американские спортсмены очень хотят принять участие в Олимпиаде. Я буду продолжать предпринимать все, что в моих силах».

Последующая затем встреча в Лозанне показала еще и еще раз, что этот мужественный человек нашел в себе достаточно сил, чтобы занимать принципиальную, основанную на интересах мирового спортивного движения и американского спорта позицию в вопросе о так называемом бойкоте Игр.

Вот некоторые технические данные, характеризующие уровень организации и обеспечения: взвешивание боксеров проводилось на 16 электронных весах. В распоряжение спортсменов и тренеров было предоставлено 11 тренировочных баз, оснащенных лучшими образцами боксерского инвентаря. В Крытом стадионе «Олимпийский» боксерам было предоставлено 2 разминочных зала с 14 кабинетами, 2 рингами на помостах и 4 саунами. В зале соревнований были смонтированы 2 универсальных светоинформационных табло «Электроимпекс».

Спортивные результаты олимпийского турнира сильнейших боксеров мира, разумеется, не могли оставить равнодушными десятки тысяч любителей бокса, ежедневно заполнявших трибуны боксерской половины Крытого стадиона спорткомплекса «Олимпийский». Финальный день турнира многие журналисты назвали матчем «Куба—сборная мира». В восьми весовых категориях из одиннадцати право выступать в финале завоевали кубинские боксеры. Еще двое из них, не пробившись в финалы, были награждены бронзовыми медалями.

А в финале шестеро кубинцев стали олимпийскими чемпионами. Прославленный тяжеловес Теофило Стивенсон в труднейшем бою с Петром Заевым получил свою третью золотую олимпийскую награду.

Золотые медали вручены Шамилю Сабирову (СССР),

болгарскому боксеру Петру Лесову, Руди Финку из ГДР, итальянцу Патрицио Олива, югославу Слободану Качару.

В речи по поводу вручения награды АИБА — Кубка Вала Баркера Халл сказал: «Уважаемые коллеги, думаю, вы не будете возражать, если я выражу общее мнение, что соревнования по боксу Московской олимпиады были организованы настолько хорошо, как ни на одной из предыдущих олимпиад».

„НАШ ПРЕЗИДЕНТ ЖИВЕТ В МОСКВЕ“

Международная федерация гимнастики (ФИЖ) основана в 1881 году. Объединяет около 80 национальных федераций. Федерация гимнастики СССР вступила в ФИЖ в 1949 году.

В 1976 году в возрасте 41 года президентом федерации стал бывший чемпион мира и призер олимпийских игр, начальник Управления гимнастики Спорткомитета СССР Юрий Евлампиевич Титов.

В сотрудничестве с Международной федерацией гимнастики у нас не было не только «главного конфликта», но и различных точек зрения с этой сложной федерацией — сложной из-за самой специфики технических средств обеспечения соревнований по этому виду спорта.

Одна из причин полного совпадения взглядов на организацию олимпийских соревнований гимнастов состоит в том, что сама эта технология разрабатывалась нами совместно при участии и, пожалуй, даже под руководством президента Международной федерации гимнастики Юрия Евлампиевича Титова, начальника Управления гимнастики Спорткомитета СССР, заслуженного мастера спорта, в прошлом чемпиона мира и призера олимпийских игр.

Помнится, на первой совместной встрече руководителей международных спортивных федераций и исполкома МОК с Оргкомитетом «Олимпиада-80» при опросе федераций о том, как складывается их работа с Оргкомитетом Московской олимпиады — опрос этот проводил лорд Килланин, — генеральный секретарь ФИЖ жизнерадостный, деловой и дружелюбный швейцарец Макс Бангертер сказал:

— Мы находимся в лучшем положении: наш президент живет в Москве.

Президент Международной федерации гимнастики действительно имел возможность повседневно вместе с нашим управлением уделять большую часть времени подготовке олимпийских состязаний гимнастов.

У Юрия Евлампиевича в нашем управлении нашлись хорошие союзники. Прежде всего почти за 4 года до Олимпийских игр было решено, что неоднократная олимпийская чемпионка и чемпионка мира Лариса Латынина перейдет на работу из Управления гимнастики Спорткомитета СССР в наше управление. Задолго до Игр включился в подготовку олимпийского турнира один из виднейших специалистов в области организации гимнастических соревнований Виктор Иванович Калогномос. После ухода на пенсию Виктор Иванович не прекращал активную работу по подготовке и техническому оснащению крупнейших международных соревнований гимнастов. На заключительном этапе подготовки к Играм Виктор Иванович возглавлял директорат олимпийских состязаний по гимнастике.

В каждом виде спорта специалисты Оргкомитета и Спорткомитета отыскивали нечто главное в проведении олимпийских состязаний. Это «главное» определялось спецификой вида спорта, традициями и тенденциями предшествующих олимпийских игр и чемпионатов мира. Для подготовки и проведения современных гимнастических соревнований высшего уровня характерно, особенно в последнее время, внимание к двум вопросам. Первый, пожалуй, традиционный — выбор гимнастических снарядов. На мировом рынке гимнастических снарядов — жесткая конкуренция между несколькими фирмами, обладающими высоким авторитетом. И тем не менее при подготовке московского турнира гимнастов Оргкомитет совместно с Главспортпромом стремились дать возможность сильнейшим гимнастам мира ознакомиться с гимнастическими снарядами советского производства. Это давало возможность нашей спортивной промышленности создать образцы, не уступающие лучшим мировым стандартам. Безусловно, такое решение не должно было быть только решением президента ФИЖ. Снаряды были одобрены техническими комитетами ФИЖ — мужским и женским. И только затем утверждены руководством федерации. На Московской олимпиаде использовались почти полностью снаряды советского производства, за исключением разновысоких брусьев для состязаний женщин и эластичных мостиков.

Второй вопрос подготовки и проведения современных гимнастических соревнований высшего уровня — их информационное обеспечение. В этом направлении работали одновременно несколько организаций. Прежде всего рижский завод ВЭФ — одно из крупнейших в стране предприятий, разработавшее уникальную, специально модернизирован-

ную для Олимпийских игр систему обработки результатов «Гимнаст-2».

Система «Гимнаст-2» обеспечивала автоматизацию трудоемких процессов в судейской работе и значительное ускорение хода соревнований. Прямая электрическая стыковка с ЭВМ, управлявшей большим демонстрационным табло и выдачей печатной информации, позволила в течение 3 минут выпускать протоколы хода командной и личной борьбы. Кроме того, аппаратура «Гимнаст-2» передавала непосредственно на дисплей электронной прессы оценки всех гимнастов, находящихся на помосте, по мере их выступления. Такой оперативной информации никогда не было ни на одних олимпийских играх.

Московский научно-исследовательский и проектный институт сетевого планирования и управления (МНИПИ СПУ) создал при участии Оргкомитета систему АСУ «Гимнастика», составившую часть комплекса АСУ «Олимпиада».

Наконец, финская фирма «Нокия» провела существенное расширение программы своих двух демонстрационных табло, установленных во Дворце спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина.

Постоянное внимание и международной федерации во главе с ее руководством, и аппарата нашего управления уделялось системе магнитной видеозаписи, находившейся постоянно в распоряжении судейских коллегий и апелляционных жюри на состязаниях гимнастов. Для этого вида спорта видеозапись является необыкновенно перспективным средством повышения объективности судейства. Московская олимпиада стала качественно новым этапом применения этой техники, составляющей ныне неотъемлемую часть технического обеспечения соревнований высшего уровня.

По сравнению с Играми в Монреале в традиционное расписание соревнований были внесены изменения: разнесены по разным дням состязания по обязательной программе у мужчин и женщин, что привело к сокращению продолжительности смен в первые дни и к более равномерной нагрузке самого Дворца спорта, судейской коллегии и других служб.

Но, оценивая спортивную сторону состязаний гимнастов на московском олимпийском помосте, трудно удержаться от того, чтобы не назвать их, хотя и с определенными оговорками, «Олимпиадой традиций».

И в самом деле, достаточно вспомнить, что начиная с 1952 года — первого олимпийского старта наших гимнасток — ни разу наша женская сборная не уступила золотых

медалей в командном многоборье. Москва стала восьмым по счету подтверждением этой традиции. И это несмотря на упорное сопротивление опытных и искусных команд Румынии и Германской Демократической Республики.

В личном первенстве по многоборью Елена Давыдова на 0,075 балла сумела опередить Макси Гнаука из ГДР и трехкратную олимпийскую чемпионку Монреаля румынку Надю Комэнеч. Соперницы Давыдовой «утешились» золотыми медалями в упражнениях на брусьях и бревне. Два других снаряда выиграли советские спортсменки. Для Нелли Ким, победившей в вольных упражнениях, — это уже четвертая золотая олимпийская медаль.

Мужская команда СССР намного опередила соперников в командном первенстве. Личное первенство в многоборье выиграл Александр Дитятин. Не остался без личной золотой медали прославленный олимпийский чемпион Мюнхена и Монреаля Николай Андрианов: на этот раз он был первым в опорном прыжке. Венгр Золтан Мадьяр вновь, как и в Монреале, стал первым в упражнениях на коне.

Организация соревнований получила высокую оценку представителей команд и руководства ФИЖ.

Генеральный секретарь ФИЖ М. Бангертер отметил: — Все великолепно, в том числе и новая советская аппаратура, которая очень помогает судьям.

РЕАНИМОБИЛЬ МЧИТСЯ В ШЕРЕМЕТЬЕВО

Международная федерация каноэ (ИКФ) образована в 1924 году. В нее входят около 50 национальных федераций. Федерация гребли на байдарках и каноэ СССР вошла в ИКФ в 1952 году.

В 1960 году президентом ИКФ избран 53-летний тогда Шарль де Кокремон (Франция). Он был президентом до 1981 года, когда его сменил Серджио Орси.

Главное событие Международной федерации гребли на байдарках и каноэ в нашей цепи взаимодействий с федерациями произошло во время самих Игр. Но сначала о развитии наших взаимоотношений с ИКФ. Они с самого начала были весьма успешными по двум причинам. Первая состояла в том, что Советская федерация гребли на байдарках и каноэ, возглавляемая Виктором Никифоровичем Лукатиным, в течение многих лет поддерживала тесное деловое сотрудничество с руководством ИКФ—ее президентом Шарлем де Кокремоном и генеральным секретарем, нынешним президентом итальянцем Серджио Орси. Вторая причина состоя-

ла в том, что, так же как и для гребли академической, олимпийские соревнования потребовали не постройки нового сооружения, а лишь реконструкции существующего — практически лучшего гребного канала в мире. Однако это отнюдь не означало, что у нас не было вопросов к этой федерации и у федерации не было вопросов к нам.

Возникали трудности в распределении и регулировании использования помещений и зон канала для тренировки спортсменов. Прежде всего следовало, учитывая, что этот канал используется двумя федерациями, строго разграничить между ними сферу действий. Это особенно касалось периода до начала и во время соревнований по академической гребле, поскольку было с самого начала решено, что вначале пройдут соревнования по академической гребле, затем по гребле на байдарках и каноэ. Поэтому первое, что мы сделали еще в Барселоне в 1976 году, — убедили две гребные федерации с нашим участием разработать схему использования для тренировок спортсменов как основного русла канала, так и возвратного, которое является исключительно удобным для организации тренировочного процесса олимпийских команд.

Не менее важным делом было создание систем хронометража. Поскольку первая очередь гребного канала строилась к чемпионату по академической гребле, то его помещения для систем хронометража были в определенной степени (не скажу, что полностью) ориентированы на греблю академическую. В гребле на байдарках, как известно, не 6 дорожек, как в «академике», а 9, что предъявляло другие требования к хронометражу. Оргкомитет и всесоюзная федерация поставили задачу — с одной стороны, перед проектировщиками, с другой — перед фирмой «Свисс Тайминг» — учесть все пожелания Международной федерации гребли на байдарках и каноэ. Но не со всеми их требованиями мы согласились. В частности, первоначально техническими делегатами этой федерации ставилась задача постройки отдельной вышки для размещения фотофиниша и других систем определения результатов. Нам удалось убедить федерацию, что архитектура самого сооружения позволяет установить фотофиниш и с учетом требований гребли на байдарках и каноэ.

Немало нового в техническом обеспечении соревнований по гребле на байдарках и каноэ было применено впервые на Московских играх. Например, основное русло канала было разделено на 11 дорожек: 9 требуемых по правилам Международной федерации каноэ и 2 дополнительные дорожки,

которые были выделены для возможности смещения лодок к одному из берегов в случае бокового ветра.

Впервые в практике международных соревнований стартовые устройства были оборудованы автоматическими держателями лодок с пневматическими захватами и электронным дистанционным управлением, которое срабатывало по сигналу стартера.

На гребном канале в Крылатском собрались практически все лучшие гребцы мира. Румынский каноист Иван Пацайкин был олимпийским чемпионом в 1968 году в двойке, в 1972 году — в одиночке. На московском канале вместе с Томой Симионовым он завоевал третью золотую олимпийскую медаль.

А наш байдарочник Владимир Парфенович собрал этот же «золотой урожай» за одну Олимпиаду. Вначале он победил в гребле на 500 м в одиночке. Затем в паре с Сергеем Чухраем еще дважды побеждал в двойке на 500 и 1000 м. Вместе с Сергеем Пострехиным, победившим на каноэ-одиночке на дистанции 500 м, они завоевали 4 золотые медали. Столько же у гребцов Германской Демократической Республики, среди которых 2 золотых медалей удостоен Рюдигер Хельм, победивший в байдарке-одиночке на 1000 м и в составе четверки.

Олимпийские соревнования по гребле на байдарках и каноэ, благодаря высокой технической оснащенности, тесному взаимодействию международной федерации и директората, возглавлявшегося Николаем Павловичем Рынашко, прошли как хорошо отрепетированный спектакль и достойно украсили заключительные дни Игр.

И тем не менее воспоминание об этом периоде заставляет вновь и вновь пережить волнующие и огорчительные события тех дней.

...26 июля во время соревнований, о которых читатель уже знает — полевых испытаний по конному троеборью в Битцевском лесопарке, — на финише кросса, точнее на самой финишной вышке, где расположились хронометристы и почетные гости, меня вызвали к телефону. Елизавета Ивановна Залеская передала с Гребного канала: «Сообщаю о нештатной ситуации. Только что на трибуне упал Шарль де Кокремон, потерял сознание, мы его отправили в 31-ю больницу».

Шарль де Кокремон — один из известных руководителей спортивного движения. Ему к этому времени было 73 года. Как потом объяснили врачи, постепенно накапливались сдвиги в состоянии здоровья, которые усугубились пре-

долимпийскими волнениями, оказавшимися для организма, для психики де Кокремона чрезмерными.

Через несколько часов врачи сделали первое заключение: состояние тревожное, и есть серьезные опасения за его жизнь. Через сутки произошел второй удар, что усугубило и без того тяжелое состояние де Кокремона. Мы встретились с генеральным секретарем ИКФ Серджио Орси в небольшой ординаторской комнатке — напротив того помещения в реанимационном отделении, где находился Кокремон, зашли в палату. Было ясно, что человек находился на грани жизни и смерти. Руководители больницы и лечащие врачи обсудили перспективы лечения Шарля де Кокремона и пришли к совместному выводу, что следует вызвать в Москву жену президента, которая, как нам с Орси удалось установить, находилась в это время где-то под Парижем на даче. Заместитель министра здравоохранения СССР Алексей Георгиевич Сафонов согласился с нашим мнением, и Оргкомитет принял решение пригласить Анну де Кокремон в Москву, чтобы она находилась у постели мужа. Все расходы Оргкомитет принял на себя. Немедленно сообщили об этом нашему посольству в Париже, и посольство в течение суток организовало выезд Анны де Кокремон в Москву.

Нам показалось, что с этого времени кризисное состояние миновало. Присутствие жены оказалось полезным, сказались и усилия врачей. Правда, внешние признаки оставались примерно теми же, что и раньше: полная потеря речи, по ряду признаков врачи обнаружили и частичную потерю памяти. Но постепенно память возвращалась. Иногда к Кокремону приходили и представители делегации Франции, находившиеся на Олимпийских играх. Естественно, после окончания Олимпиады они уехали. Но каждый день у Кокремона бывали представители Оргкомитета и нашей Федерации по гребле на байдарках и каноэ. Оргкомитет прикрепил к нему переводчицу, которая постоянно разговаривала с Кокремоном, пытаясь вызвать его на ответную речевую реакцию. Тем не менее положение оставалось сложным — сказывался возраст. Постепенно врачи пришли к мнению, что создаются условия для отправки президента в Париж. Было ясно, что обстановка в родном городе, даже если первые недели или месяцы он будет оставаться в госпитале, все-таки будет больше способствовать выздоровлению, чем пребывание хотя и среди заботливых друзей, но тем не менее в другой стране. По согласованию с Анной де Кокремон, Французским нацио-

нальным олимпийским комитетом и вновь приехавшим в Москву Серджио Орси было решено транспортировать Кокремона в Париж. В пути его будет сопровождать врач, которого пришлет Национальный олимпийский комитет Франции.

В аэропорт везли в реанимобиле. Мы с Анной де Кокремон ехали в сопровождающей машине. На высокой скорости машина шла через Москву, регулировщики уличного движения останавливали поток машин, обеспечивая нам беспрепятственный проезд. В аэропорту Шарля де Кокремона взяли под свою опеку работники медицинского пункта аэропорта Шереметьево. Затем, когда прилетел самолет «Эр-Франс», президента подняли в салон, где было приготовлено специальное ложе. После того как самолет взлетел, через диспетчеров аэропорта были получены сведения, что взлет прошел для Шарля де Кокремона благополучно. Через некоторое время мы получили по телефону сообщение из Парижа о том, что президент долетел благополучно и помещен в госпиталь.

В нескольких телефонных разговорах жена президента сообщила, что дело идет на поправку. О полном восстановлении здоровья в таком возрасте речи быть не могло, но благотворные сдвиги в состоянии здоровья Кокремона уже наблюдались.

...Да, во всем многообразии подготовки и проведения олимпийских соревнований были и такие грустные эпизоды и периоды. Больше, конечно было других, радостных своим непобедимым ощущением оптимизма, единения в спорте сотен и тысяч людей, воодушевленных одной целью, одной идеей плодотворного международного сотрудничества.

„НУИ ПРОДЕСТ?“

Олимпийские игры в Москве стали достоянием истории, войдя в нее как одна из лучших страниц. Да не обвинят меня в излишней восторженности или, что еще хуже, в неискренности. Действительно, трудно вспомнить другое событие международной жизни, которое в обстановке столь крайней поляризации жизненных позиций и политических взглядов продемонстрировало человечеству такое единство в совместном созидании праздника молодежи всего мира.

Оценку Олимпийских игр, данную тысячами ее гостей, взыскательных, разных в своих убеждениях, но единых в признании заслуг ее организаторов, суммировал бывший президент МОК лорд Майкл Килланин:

— Я счастлив, что Олимпийские игры в Москве прошли столь успешно. Они были просто великолепно организованы.

С почетным президентом МОК единодушен его преемник Хуан Антонио Самаранч:

— Хочу отметить высочайшие спортивные результаты. Свидетельство этому — 36 мировых и 74 олимпийских рекорда. Соревновательный уровень Игр в Москве оказался очень высок. Это были очень хорошо организованные Игры.

Это было сказано по горячим следам Игр. Но эти результаты прошли и серьезную проверку временем, отразились как в зеркале во всем массиве спортивных достижений сезона. И вот итог: из 36 мировых рекордов, установленных в Москве, 34 не были превзойдены за весь 1980 год. И еще один выразительный показатель: участники Игр в Москве возглавили списки лучших спортсменов мира за 1980 год.

...Когда Игры XXII Олимпиады в Москве уже становились достоянием спортивной истории, подготовка к другому событию в мировом олимпийском движении еще была в самом разгаре. И хотя должно оно было происходить не на спортивных площадках, а в залах заседаний, уже тогда нельзя было не усматривать логической последовательности между олимпийским годом 1980-м и годом 1981-м—годом проведения XI Олимпийского конгресса.

23 сентября 1981 года в Баден-Бадене, небольшом, но известном курортном городке в ФРГ, представители трех составляющих олимпийского движения — национальных олимпийских комитетов, международных спортивных федераций и Международного олимпийского комитета — приступили к обсуждению проблем, стоящих перед одним из самых массовых и универсальных движений современности.

Официальный девиз конгресса — «Объединенные спортом и для спорта». Но лейтмотивом его, бесспорно, был тезис о подготовке и проведении олимпийских игр как области тесного международного сотрудничества, которое объединяет усилия всех частей олимпийского движения.

Выступая на открытии конгресса, президент МОК Хуан Антонио Самаранч подчеркнул, что Московская олимпиада дала олимпизму небывалый положительный опыт международного сотрудничества, который нуждается в изучении и дальнейшем освоении. Работа конгресса проходила под знаком изучения и освоения того богатого опыта, который накопился на самом финише прошлого олимпийского четырехлетия. Почетному президенту МОК лорду Майклу

Килланину, который открыл от имени МОК дискуссию по проблеме «Будущее олимпийских игр», пришлось начать с опыта горького — попытки бывшего президента США использовать Игры в политических целях. Он заявил: «Я счастлив сказать, что эта попытка потерпела крах. Победу одержало олимпийское движение, поддержанное многочисленными национальными олимпийскими комитетами, принявшими участие в Играх, организованных, по моему, лучше, чем любые состоявшиеся в наше время».

Официальный отчет Организационного комитета «Олимпиада-80» Олимпийскому конгрессу вышел далеко за рамки отчета о Московских играх — на их опыте были сделаны точные и обоснованные рекомендации для практики проведения последующих форумов мирового спорта. Было подчеркнуто, что в нашей стране видели главную цель в том, чтобы Московская олимпиада была проведена на самом высоком уровне, дала новый импульс укреплению и развитию международного олимпийского движения, дальнейшему распространению его идеалов.

Подготовка к Играм XXII Олимпиады пользовалась в нашей стране всенародной поддержкой. В ней с большим энтузиазмом участвовали трудящиеся Москвы, Таллина, Ленинграда, Киева, Минска и многих других городов. Большую помощь в подготовке и проведении Олимпиады-80 оказали Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР.

Широкое участие в Играх в Москве спортсменов всех континентов, выдающиеся спортивные результаты Игр, огромный международный резонанс Игр — все это явилось стимулом для широкого распространения благородных идеалов олимпизма на всех континентах мира. Это была выдающаяся победа международного олимпийского движения, победа всего спорта.

Длительными аплодисментами встретили делегаты конгресса слова президента МОК Х. А. Самаранча, который, обращаясь к делегации Оргкомитета «Олимпиада-80», заявил: «Вы можете гордиться тем, как вы провели Игры, и тем, как вы соблюдали Олимпийскую хартию. Все международное спортивное движение поздравляет вас с успехом!»

Многие в Баден-Бадене сразу же признали новым конструктивным вкладом Олимпийской Москвы в практику подготовки к Играм официальный трехтомный отчет, изданный Оргкомитетом «Олимпиада-80» на год ранее срока, установленного Олимпийской хартией.

И вот теперь, дописывая последние страницы книги, задаю себе вопрос, который всегда существует при оценке крупномасштабного, многопланового, многоликого события. Вопрос, который считался ключом к разгадке юридических казусов еще в древнеримском праве. Вопрос: кому выгодно — «куи прудест?»

Кому все это было выгодно? Во имя чего десятки, если не сотни тысяч людей отдавали свое время, посвящали жар своих сердец, свой опыт, энергию, разум, тратили прекраснейшие годы своей жизни?

Не открою ничего нового, сказав, что в этом событии, ставшем достоянием миллиардов людей на планете, как в капле воды сконцентрировалось стремление людей к мирному соревнованию, к объединению на любой почве, на любой основе, даже если это будет такая созданная самим человеком основа, как спорт высших достижений.

В старинном энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона есть такое определение спорта: «Спортом называются всякие вообще занятия, имеющие целью удовольствие и увеселение, но отнюдь не выгоду».

Ошибались, есть у спорта выгода, выгода для всего человечества — возможность сотрудничества на той основе, которая способна хоть на короткое время объединить рабочего и бизнесмена, коммуниста и капиталиста, чернокожего и белокожего, атеиста и католика...

Мы далеки от того, чтобы видеть в спорте панацею от всех бед современного разобщенного мира. Подлинное сближение народов может стать возможным только на основе достижения полного социального равенства. Эта истина не новая, и каждое десятилетие нашего века убеждает в справедливости этой абсолютной истины.

Но Олимпиада в Москве стала еще одним могущественным этапом на пути утверждения незыблемых истин, отражающих ценность современного спорта — спорта миллионов и спорта для миллионов.

И когда задумываешься все-таки над тем, что же ответить на этот сакраментальный вопрос древнеримского права, видишь единственный и закономерный ответ: Московская олимпиада была выгодна человеку и человечеству, потому что была проведена в интересах всей человеческой цивилизации.

А теперь посмотрим на этот же предмет с другой стороны. Кому выгодна была попытка бойкота Московской олимпиады?

Суровая, но справедливая логика истории отвечает на этот вопрос предельно четко и совершенно однозначно: ни одному человеку в этом мире не выгоден был бойкот Олимпиады. Оказался не выгодным даже тому человеку, который попытался использовать его в своих эгоистических, корыстолюбивых целях — личного самоутверждения в одной из самых крупных стран современного мира, пытающихся определять стратегию нынешнего сложного и противоречивого века.

И, может быть, лучшим доказательством справедливости того, что грязными ногами нельзя входить в этот мир спорта, составляющий достояние всего человечества, является тот факт, что на памяти современных историков не было еще случая, чтобы президент потерпел столь сокрушительное поражение на очередных выборах.

Такова суровая правда истории, таков ответ на мудрый вопрос древнеримского права.

Олимпийские игры прошли. Но остался неповторимый опыт организации крупнейшего комплексного мероприятия, опыт, который заслуживает всяческого распространения в других сферах нашей многообразной общественной жизни.

Олимпиада в Москве стала новым этапом в развитии и самого спорта — его технологии, его организации, его культуры, его уровня. Она еще окажет свое влияние на дальнейшее совершенствование этой важной сферы человеческого бытия...

Олимпиада навсегда оставила нам уникальный опыт широкого, многостороннего международного сотрудничества, которое объединило под одним олимпийским знаменем таких разных и прежде далеких друг от друга людей, научило их искать и находить то единственное общее, что обязано было их объединить.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Программа программ	11
Цель, планы, воплощение	—
Предсказание непредсказуемого	17
По дням, часам и минутам	19
Техника на спортивных аренах	25
Арбитры	31
Сотрудничество в общем деле	35
Постижение совершенства	41
Эстафета четырех „М“	44
Товарищ технический советник	49
Единение	52
Двадцать пять президентов	56
Двадцать процентов успеха	—
Новое название старой игры	63
Этот обаятельный архитектор	68
На олимпийском паркете	75
Желтые отблески клинков	80
Не совсем ручной мяч	84
Президент среди президентов	87
Медленно, но верно	94
Сражение на искусственном поле	100
Преодоление препятствий	106
Формула Гранаткина	114
Возвращение на круги своя	120
Успех Таллинской регаты	124
Беспокойный президент	128
Сотворение скорости	132
Генерал от пятиборья	137
Приближение к прототипу	142
Штанга, легкая на подъем	147
„Я сделал все, что мог...“	151
„Наш президент живет в Москве“	156
Реанимобиль мчится в Шереметьево	159
„Куй прудест?“	163